

стія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали *единственно* изъ „Санктпетербургскихъ вѣдомостей“, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ. Вслѣдствіе того предлагаетъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи сего правила впредь до разрѣшенія по Харьковскому округу“. Правленіе постановило сообщить выписку съ сего постановленія въ цензурный комитетъ и директорамъ училищъ ¹⁾.

Это распоряженіе, какъ мы видимъ, сильно напоминаетъ извѣстный уже намъ запретительный указъ имп. Павла и находится въ полномъ противорѣчій съ духомъ и характеромъ цензурнаго устава 1804 года. Къ этому нужно еще прибавить, что, въ виду тѣхъ же политическихъ обстоятельствъ, частныя письма профессоровъ иностраннаго происхожденія, передъ отсылкою за границу, должны были прочитываться съ цензурною цѣлю въ правленіи университета.

Посмотримъ теперь однако, въ какой мѣрѣ Харьковскій университетъ осуществлялъ предоставленное ему имп. Александромъ I право цензуры въ предѣлахъ округа—не оставалось ли оно мертвою буквою и много ли труда выпало на долю университета въ этомъ отношеніи. Уже *a priori* можно сказать, что въ теченіе перваго десятилѣтія исторіи университета научно-литературная дѣятельность въ Харьковскомъ учебномъ округѣ и особенно въ самомъ Харьковѣ должна была получить широкое развитіе. Такъ оно было и въ дѣйствительности (какъ увидимъ далѣе). Такимъ образомъ на долю цензурнаго комитета Харьковского университета выпало не мало работы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя.

Немедленно по открытіи Харьковского университета, стали поступать уже рукописи для цензурнаго разсмотрѣнія, такъ что явилась фактическая необходимость въ учрежденіи цензурнаго комитета. Онъ былъ открытъ 3 марта 1805 г. и въ составъ его вошли деканы подъ председательствомъ ректора. Въ теченіе 1805 года онъ имѣлъ 19 засѣданій. Въ первомъ же засѣданіи своемъ комитетъ составилъ извѣщеніе о началѣ своей дѣятельности и разослалъ его губернаторамъ и директорамъ училищъ Харьковского учебнаго округа, присоединивъ къ нему и выписки изъ устава, касающіяся цензуры. Представлено и разсмотрѣно было въ комитетѣ 5 рукописей, въ томъ числѣ два большихъ сочиненія ректора Рижскаго. Въ теченіе 1806 года было въ комитетѣ 23 засѣданія и допущено имъ къ изданію 11 рукописей; въ 1807 году разрѣшено къ печати 9 рукописей, въ 1808 году—9, въ 1809 году—7, въ 1810 году—16, въ 1811 году—27, въ 1812 году—19 (за 1813 и 1814 гг.

¹⁾ Ibidem, май—августъ; засѣданіе 9 мая.

свѣдѣній не имѣемъ); всего за 8 лѣтъ разрѣшено было 103 сочиненія, т. е. въ среднемъ приходится почти по 13 на годъ; сколько не было пропущено, свѣдѣній нѣтъ; можно, впрочемъ, полагать, что таковыхъ не было и вовсе, ибо въ противномъ случаѣ они были бы отмѣчены въ отчетахъ. Чтобы читатель самъ могъ судить о характерѣ этихъ трудовъ, мы въ примѣчаніи помѣщаемъ полный списокъ ихъ по годамъ¹⁾; замѣтимъ, только что они отличаются крайнимъ разнообразіемъ, какъ

¹⁾ Въ 1805 году разрѣшены къ изданію: 1) „Вѣстникъ погодъ по украинскому небосклону въ теченіе 1806 года“; 2) „Опытъ риторикѣ“ проф. Рижскаго; 3) „Способъ обучать отъ рожденія глухихъ и нѣмыхъ говорить“ (переводъ съ нѣмецкаго); 4) Проф. Шумлинскаго, „Мысли о способахъ противъ пожара“; 5) Проф. Рижскаго, „Введеніе въ кругъ словесности“. Въ 1806 году: 1) „Хозяйственный способъ узнавать погоды на 1806 г. съ прибавленіемъ краткаго историческаго извѣстія о Слободскоукраинской губ.“; 2) Моисея Мендельсона, „Разсужденіе о духовномъ состояніи души человѣческой“ (перев. съ нѣмецкаго); 3) „Осмѣянное чародѣйство“, дѣтская комедія въ одномъ дѣйствіи“; 4) „Школа мачехъ“, дѣтская драма (переводъ); 5) „Исторія маркизы Декрессы“ (пер. съ франц.); 6) „Изліяніе благодарныхъ чувствъ его сіятельству князю Александру Михайловичу Голицыну отъ питомцевъ его сіятельства, обучающихся въ Харьковскомъ коллегіумѣ“; 7) „Ода его преосвященству Христофору Сулимѣ, епископу Слободскоукраинскому и ордена Св. Анны 1-й степени кавалеру въ день тезоименитства его преосвященства съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ усердѣйшее поздравленіе приноситъ Харьковскій коллегіумъ“; 8) „Ошибка отъ сходства лицъ“, комедія въ одномъ дѣйствіи изъ г. Флоріана; 9) „Разсужденія, извлеченныя изъ соч. Геллерта“; 10) „Другъ хозяйства и экономіи“ (переводъ съ иностраннаго); 11) „Экономическій календарь на лѣто отъ Р. Х. 1807-е, показывающій погоды, теченіе солнца и луны и проч.“. Въ 1807 году: 1) „Длѣ таблицы аналитическія латинскаго языка или новый способъ обученія оному“ (проф. Белленде-Баллю); 2) „Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“ (А. А. Палицына); 3) „Исторія и хронологическое описаніе воздушныхъ камней“ (ректора Стойковича); 4) „Игорь“, героическая пѣснь съ древней словенской пѣсни, писанной въ 12-мъ вѣкѣ, передоженная стихами, и письмо г. Палицына къ г. губернатору и таковое-жъ въ стихахъ гр. Хвостова къ г. Палицыну съ отвѣтомъ его къ гр. Хвостову (А. А. Палицына); 5) „Должности опредѣляемыхъ по синодальному указу, состоявшемуся октября 31-го 1789 года, семинарскихъ инспекторовъ по Курской семинаріи“ (арх. Курскаго Θεоктиста); 6) „Наставленіе церковно-служителямъ Курской и Бѣлгородской епархій, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и таковыхъ въ малыхъ духовныхъ училищахъ, потомъ въ семинаріи присылать“ (Кур. архіеп. Θεоктиста); 7) „Извѣстіе объ испытаніи минеральныхъ водъ въ дачахъ статскаго совѣтника Семена Михайловича Кочубея, находящихся въ Полтавской губ., Константиногр. повѣта, при деревнѣ Дубовые гряды называемой“ (проф. Шумлинскаго); 8) „Экономическій и астрономическій календарь на лѣто отъ Р. Х. 1808-е“ (ректора Стойковича); 9) „Хозяйственный календарь на лѣто Господне 1808-е“ (адъюнкта Крюгера). Въ 1808 г.: 1) „Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ священно- и церковно-служительскимъ Курской епархіи дѣтямъ, въ малыхъ духовныхъ училищахъ обучающимся, съ предположеніемъ удобнѣйшаго способа къ обученію ихъ тѣмъ предметамъ“; 2) „Прибавленіе къ оному начертанію“; 3) „Извѣстіе о винокуренныхъ снарядахъ г. Каразина“; 4) „Богословскія предложенія изъ трактата богословскаго о созданіи міра и промыслѣ

по содержанію и формѣ, такъ и въ размѣрѣхъ. Не останавливаясь здѣсь на нихъ подробнѣе, потому что сдѣлаемъ это въ главѣ о преподавательской и ученой дѣятельности Харьковскаго университета. Мы статистируемъ только тотъ фактъ, что цензурный комитетъ Харьковскаго университета работалъ довольно энергично, и къ нему поступало сравнительно большое количество разнообразныхъ рукописей, которыя онъ безъ всякихъ затрудненій допускалъ въ печать.

Чтобы исчерпать вопросъ объ университетскомъ самоуправленіи, мы должны были бы остановиться еще здѣсь на дѣятельности *училищнаго комитета*, такъ какъ въ широкихъ правахъ, ему предоставлен-

Божіемъ, избранныя и для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1808 г. іюля 15 дня предложенныя"; 5) „Рѣчь о благотѣлствующихъ обстоятельствахъ возвышенію учебныхъ заведеній“; 6) „Общая физика“; 7) „Календарь на лѣто Господне 1809-е, показывающій погоды, теченіе солнца и луны и пр.“; 8) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е, показывающій погоды по наблюденіямъ кармелитовъ и Коринна, теченіе солнца и луны“; 9) „Усердѣннѣе приношеніе отъ Курской семинаріи высокопреосвященному шему Θεοφιльту, архіепископу Курскому и Бѣлгородскому, въ день его тезоименитства. Въ 1809 году: 1) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е“; 2) „Разсужденія о втеченіи и лѣченіи овечьей осли“; 3) „Практическое руководство къ лѣченію божьей собачки“; 4) „Centuria plantarum rariorum Rossiae meridionalis“; 5) „Оглавленіе къ сочиненію о предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни“; 6) „Календарь на 1810-е“; 7) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е“. Въ 1810 году: 1) „О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни“; 2) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е“; 3) „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, основанное на началахъ всеобщей“; 4) „Рѣчь, говоренная при погребеніи ученика Майборода“; 5) „Рѣчь, говоренная директоромъ училища екатеринославской губ. при празднованіи дворянствомъ оной губерніи по случаю полученія Высочайшей грамоты за образованіе земскаго войска“; 6) „Politische Arithmetik“; 7) „Предложенія богословскія“; 8) „Начальныя правила латинскаго словосочиненія“; 9) „Предложенія философскія“; 10) „Chrestomathia latina pro discentibus latinam poësiam. Curavit R. Ch. C. A. P.“; 11) „Рѣчь и стихи, говоренныя 1804 года генваря въ 3-й день торжественнаго празднованія войскомъ черноморскимъ при полученіи Высочайшей грамоты и знаменъ и освещенія оныхъ“; 12) „Календарь на лѣто 1811-е“; 13) „Календарь на то же лѣто“; 14) „Исторія Россійской Имперіи на латинскомъ языкѣ“; 15) „Подарокъ для дѣтей. Новая россійская азбука для обученія малолѣтнихъ дѣтей и проч.“; 16) печатное сочиненіе Александрова „Увеселительный садъ“. Въ 1811 году: 1) „Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи общества подъ названіемъ филотехническаго“ (В. Н. Каразина); 2) „О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ (проф. Гизе); 3) „Слово, произнесенное въ Стѣвской градской Казанской церкви при случаѣ открытія въ Стѣвскѣ уѣзднаго училища“ (архіеп. Діонисій); 4) „Мысли при кончинѣ ректора Харьковскаго университета Рижскаго“ (учителя Петерб. горнаго училища Иконникова); 5) „Арифметика, приспособленная къ понятію вношества, начинающагося обучать сей науцѣ“ (уч. Харьк. кол. Антоповскаго); 6) „Ода въ день воскресенія Христова“ (студ. Харьк. кол. Вегухова); 7) „Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ 17 января и Высочайше утвержденномъ 10 марта

ныхъ, едва ли не наиболѣе ярко проявилось высокое довѣріе къ университету со стороны верховной власти: мало того, что тутъ университетъ являлся въ качествѣ автономной самоуправляющейся коллегіи; онъ выступаетъ передъ нами съ *правительственнымъ* значеніемъ по отношенію къ цѣлому классу постороннихъ для него лицъ — педагогическому персоналу среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, разстѣянныхъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но это столь важный и сложный предметъ, что ему мы посвятимъ отдѣльную главу своего изслѣдованія.

Въ настоящей главѣ мы старались охарактеризовать дѣятельность тѣхъ учреждений, въ которыхъ нашла себѣ выраженіе универси-

1811 года" (В. Н. Каразина); 8) „Рѣчь, говоренная при выносі изъ дома тѣла Воронежскаго губернатора Сонцова“ (Воронеж, полицмейстера Замахаева); 9) „Introductio in studium medicum“ (адъюнкта Калкау); 10) „Слово при открытіи Орловской губернской гимназіи и при оной уѣзднаго училища, совершившемся 1810 года марта 17 дня“ (арх. Діонисія); 11) „Руководство къ арифметикѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 12) „Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому, Великому Князю Россійскому“ (студ. Парнури); 13) „Chrestomatia latina pro discentibus rhetoricam in seminariis“ (прот. Прокоповича); 14) „Сочиненія воспитанниковъ войска Донскаго“ (студ. Гречановскаго и Коидратьева); 15) „Дѣтское словесловіе и пѣснопѣніе“ (Кур. архіеп. Θεοκτιστα); 16) „Протоколы и отчеты филотехническаго общества, также произнесенная въ ономъ рѣчь“ (В. Н. Каразина); 17) „Общая статистика европейскихъ государствъ“ (учит. Курск. гимн. Паратича); 18) „Дельфъ и Дельфира или увѣщанная любовь“. Пастушеская опера въ одномъ дѣйствіи (студ. Масловича); 19) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ и о обычаяхъ россиянъ въ общей жизни. Часть 1-я“ (проф. Успенскаго); 20) „Повѣсть въ стихахъ“ (уч. Таганр. гимн. Селиванова); 21) „Логика“ (на латинскомъ языкѣ) (проф. Шада); 22) „Катихизисъ для ученія повивальныхъ бабокъ“ (на нѣмец. языкѣ) (Харьк. повив. бабки Анны Гервартъ); 23) „Лучше быть въ крестьянствѣ“. Драма въ 2-хъ дѣйств. (студ. Есикорскаго); 24) „Календарь на 1812 г.“ (прот. Прокоповича); 25) „Хрестоматія въ стихахъ“ (на нѣмец. яз.) (проф. Роммеля); 26) „Календарь на 1812 годъ“ (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 27) „Четыре рѣчи, говоренныя Екатерины, директоромъ Мизко при публичныхъ испытаніяхъ и при открытіяхъ въ той губерніи уѣздныхъ училищъ, сверхъ того двѣ рѣчи, говоренныя смотрителемъ и учителемъ при открытіи Елисаветград. уѣзднаго училища. Въ 1812 году: 1) „Mémoire lu dans la Société Impériale des naturalistes de Moscou dans la séance du 15 mars 1810 par le membre ordinaire Karasine“; 2) „Извѣстіе объ испытаніи сукновальной земли въ дачахъ Канниста“; 3) „Записки о слободскихъ поляхъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года“; 4) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, часть 2-я, отд. 1-е; 5) „Размышленія при гробѣ Раевской“; 6) „Азбука греческаго языка“; 7) „Утѣшеніе“ (переводъ съ французск.); 8) „Харьковскаго еженедѣльника“, № 1-й; 9) Его-же, № 2-й; 10) Его-же, № 3-й; 11) Его-же, № 4-й; 12) Его-же, № 5-й; 13) „Исторія войска Донскаго“; 14) „Харьковскаго еженедѣльника“, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й; 15) „Самобытнѣйшій способъ въ спасенію жизни въ крайнихъ приключеніяхъ человека“; 16) „Начертаніе правилъ Россійскаго правописанія“; 17) „Учрежденіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвизъ отъ Харьковскаго общества благотворенія“; 18) „Записки о слободскоукраинской губерніи по 29-е сентября 1780 года“; 19) „Общая химія“.

тетская автономія. Мы познакомили читателя съ сущностью университетскаго устава 1804 г., даровавшаго полное самоуправленіе Харьковскому университету, и затѣмъ постарались на основаніи строго документальныхъ данныхъ рѣшить вопросъ—какъ воспользовались этой автономіей его совѣтъ, факультеты, правленіе и цензурный комитетъ. Передъ нами прошла длинная вереница крупныхъ и мелкихъ дѣйствій и мѣропріятій, скорѣе впрочемъ краткій перечень, чѣмъ обзоръ ихъ; да и самый перечень этотъ былъ очень и очень неполный; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, въ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ) мы брали по нѣсколько примѣровъ, когда въ дѣйствительности тутъ были цѣлыя тысячи дѣлъ. И, не смотря на то, что мы дали только такую номенклатуру, у читателя, надѣмся, какъ и у насъ, сложилось прежде всего представленіе объ огромномъ, колоссальномъ трудѣ, подъѣтомъ этими учрежденіями и входившими въ ихъ составъ лицами, на благо просвѣщенія, на пользу общую. Конечно, при такомъ огромномъ количествѣ дѣлъ, возможны были ошибки, увлеченія; но въ общемъ, всѣ эти учрежденія дѣйствовали правильно, удачно, дружно, несмотря на разноплеменный составъ, на отсутствіе старыхъ университетскихъ традицій въ русскомъ обществѣ вообще и въ харьковскомъ въ частности. Мы не скрывали и темныхъ, печальныхъ страницъ въ исторіи университетскаго самоуправленія — наоборотъ постарались раскрыть во всѣхъ подробностяхъ прискорбный инцидентъ ректорства Стойковича, чтобы имѣть возможность сдѣлать ему надлежащую оцѣнку—но они нисколько не нарушаютъ нашего общаго благопріятнаго вывода и заключенія о ней; наша картина получила отъ этого только свои тѣни; но и при нихъ она является все-таки, какъ намъ кажется, достаточно свѣтлой и отрадной. Нельзя также сказать, чтобы самая форма самоуправленія оказалась неподходящей или несоотвѣтствующей наличнымъ дѣтелямъ: съ самаго же перваго момента она начала хорошо функционировать и рѣзкаго несоотвѣстія ея съ жизнью не обнаружилось; характерно при этомъ, что и самыя распри, нарушавшія мирное теченіе дѣлъ, относятся уже не къ началу, а къ концу десятилѣтія, когда стало измѣняться отношеніе къ дѣлу просвѣщенія въ правящихъ сферахъ, и прежде полное довѣріе къ университетамъ мало по малу постепенно превращалось въ такое же недовѣріе; ясное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, одни формы безъ скрытой въ нихъ искры „духа“ не могли удовлетворять ни требованіямъ жизни, ни надеждамъ и пожеланіямъ болѣе сознательныхъ и энергичныхъ членовъ коллегіи.

IV-я ГЛАВА.

Матеріальныя средства университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ дѣлѣ преуспѣянія университетовъ огромное значеніе имѣютъ тѣ матеріальныя средства, которыми они располагаютъ и которыя служатъ для обезпеченія личнаго состава служащихъ и содержанія самаго учрежденія. Какъ же въ этомъ отношеніи были обставлены университеты Александровскаго времени?

Штатной суммы на каждый университетъ отпускалось тогда 130000 р., которая распредѣлялась такимъ образомъ: на вознагражденіе 28 профессоровъ (по 2000 р. каждому)—56000 р., 4 почетныхъ членовъ-коммиссіонеровъ (по 200 р.)—800 р., 12 адъюнктовъ (по 800 р.)—9600 р., 3 лекторовъ (по 600 р.)—1800 р., 12 магистровъ въ педагогическомъ институтѣ (по 400 р.)—4800 р., 12 студентовъ-кандидатовъ (по 300 р.)—3600 р., 40 казеннокоштныхъ студентовъ (по 200 р.)—8000 р., ректора—600 р., 4 декановъ (по 300 р.)—1200 р., безсмѣннаго засѣдателя—300 р., синдика—200 р., секретаря совѣта—300 р., архиваріуса совѣта, исправляющаго должность переводчика въ правленіи съ писцомъ—700 р., 4 секретарей факультетовъ (по 100 р.)—400 р., директора педагогическаго института—500 р., инспектора казеннокоштныхъ студентовъ—400 р., бібліотекаря—400 р., помощника его изъ адъюнктовъ или магистровъ съ писцомъ—500 р., на бібліотеку—1000 р., анатомическій театръ съ препаратами—800 р., ботанический садъ съ садовникомъ—1000 р., химическую лабораторію и лаборанта—1000 р., обсерваторію—500 р., физическій кабинетъ—500 р., кабинетъ естественной исторіи—600 р., клинический институтъ и университетскую больницу—5000 р., на разѣзды визитаторовъ и на письмоводство по этой части—5000 р., на путешествія за границу адъюнктовъ—2000 р., секретарю правленія и на канцелярію—3000 р., на награды за рѣшеніе задачъ—250 р., студентамъ за усилія и поведеніе—250 р., на журналы и газеты—500 р., на иностранную переписку—200 р., на содержаніе церкви и священника—1000 р., на жалованіе сторожамъ—1000 р., учителямъ рисованія, танцевъ и музыки—1500 р., на пенсіи профессорамъ и ихъ семьямъ—6000 р., на содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе, чистоту и т. п.—8800 р. Сверхъ того, на заведеніе типографіи при харьковскомъ университетѣ и на содержаніе мастеровъ при кабинетахъ могла быть употребляема хозяйственная сумма (изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава)¹⁾.

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, штаты и прил., стр. 12.

Присматриваясь къ этимъ цифрамъ, мы невольно поражаемся незначительностью нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но при оцѣнкѣ мы должны имѣть въ виду не абсолютную величину ихъ, а относительную. Деньги въ то время были гораздо дороже, чѣмъ теперь, а товары, наоборотъ, дешевле. Такимъ образомъ, двухтысячный окладъ жалованія профессоровъ могъ, на примѣръ, доставить имъ лучшее матеріальное обезпеченіе, чѣмъ теперь трехтысячный. Притомъ, говоря о жалованьи служащихъ, необходимо имѣть въ виду, что профессора по уставу могли совмѣщать свою должность съ нѣкоторыми другими дополнительными обязанностями, за которыя получали и добавочное вознагражденіе (исполняли обязанности визитаторовъ, бібліотекаря, декановъ и т. п.). Нельзя только не указать на весьма ограниченный окладъ содержанія ректора: онъ, при всѣхъ своихъ многосложныхъ обязанностяхъ, получалъ прибавку къ профессорскому жалованію всего въ размѣрѣ 600 р., т. е. почти столько же, какъ и директоръ педагогическаго института. На учебновспомогательныя учрежденія отпускались суммы, которыя намъ кажутся теперь очень скромными, исключая клиническаго института, на который предназначалось 5000 р.; на типографію вовсе не было назначено штатной суммы: предполагалось, что современемъ она сможетъ содержать себя сама, а на первоначальное обзаведеніе должны были поступить хозяйственные средства. Но едва ли основательно было разсчитывать исключительно на то, что типографія будетъ себя содержать на счетъ прибыли съ частныхъ заказовъ; въѣдъ размѣры ихъ заранѣе не могли быть опредѣлены; между тѣмъ, типографія должна была исполнять для самаго университета не мало различныхъ работъ, а для этого имѣть и достаточный наборъ орудій и матеріаловъ, и достаточно рабочихъ рукъ. Крайне невыгоднымъ казалось бы также то обстоятельство, что не назначено было особой спеціальной суммы на первоначальное обзаведеніе различныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Если, на примѣръ, кое-какъ возможно было еще примириться съ ассигновкой 1000 руб. на книги для университетской бібліотеки въ послѣдующее время, то эта сумма должна была бы оказаться совершенно недостаточной въ самые первые годы, когда бібліотека только что начинала формироваться, а между тѣмъ въ услугахъ ея уже нуждались всѣ. Въ такомъ же затруднительномъ положеніи, казалось, должны были бы находиться и остальные учебно-вспомогательныя учрежденія харьковскаго университета въ первые годы ихъ существованія.

Но въ дѣйствительности такихъ затрудненій не оказалось; выходъ изъ нихъ былъ найденъ: въ дополненіе къ штатной суммѣ стали дѣлать прибавки изъ хозяйственной или экономической. Эта послѣдняя

составлялась изъ остатковъ (на первыхъ порахъ весьма значительныхъ) отъ штатныхъ ассигновокъ; особенно велики были остатки отъ содержанія личнаго состава преподавателей: этихъ послѣднихъ всегда было меньше, чѣмъ полагалось по штату. Въ харьковскомъ университетѣ къ этимъ остаткамъ еще присоединялась извѣстная намъ сумма „патріотическихъ приношеній“, т. е. тѣ деньги, которыя пожертвованы были на учрежденіе въ Харьковѣ университета сословіями харьковской и сосѣднихъ губерній, а также и отдѣльными лицами. Средства эти, какъ мы знаемъ уже, поступали очень неаккуратно и взносъ ихъ растянулся болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, но все-таки ихъ набралось очень много, благодаря тому, что ихъ не рѣшались употребить на текущія нужды, а старались дать имъ такое назначеніе, которое бы могло увѣковѣчить даръ жертвователей.

Чтобы яснѣе представить себѣ, какъ харьковскій университетъ распоряжался своими суммами, остановимся на нѣсколькихъ годовичныхъ отчетахъ его и выберемъ оттуда наиболѣе важныя данныя.

Изъ нихъ мы убѣдимся, что финансовое положеніе университета было блестящее: ежегодно бывали остатки отъ смѣтныхъ расходовъ, а сверхъ того поступали взносы „патріотическаго приношенія“, которые расходовались только въ незначительной долѣ; большая же часть этихъ суммъ откладывалась и поступала на приращеніе процентами въ государственный банкъ. Другою характерною чертою университетской прихода-расходной системы того времени нужно признать частое несоотвѣтствіе дѣйствительнаго расхода со штатными назначеніями. Возьмемъ, напримѣръ, денежный отчетъ за 1-й годъ существованія университета—1805-й и сопоставимъ важнѣйшія цифры расхода со смѣтой. Штатной суммы отпущено было на Харьковскій университетъ въ 1805 г. 130000 р.; но изъ нихъ удержано 9124 р. (въ томъ числѣ 8000 р. за коллекцію минераловъ) и прислано только 120875 р. Отсюда были сдѣланы слѣдующіе расходы (копейки отбрасываемъ): на жалованіе профессорамъ, адъюнктамъ и т. п. 37720 р. (по штату полагалось 78500 р.), на бібліотеку 1501 р. (вмѣсто 1000 р., положенныхъ по штату), на содержаніе ботаническаго сада 5392 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе физическаго кабинета 411 р. (вмѣсто 500 р.), клиническаго института и университетской больницы (перваго еще не было)—443 руб. (вмѣсто 5000 р.), на содержаніе студентовъ—5712 р. (вмѣсто 8000 р.), на визитаціи профессоровъ 1296 р. (вмѣсто 5000 р.), на путешествія въ чужіе края 728 р. (вмѣсто 2000 р.), на типографію 3604 р. (штатной суммы не было), на канцелярскіе расходы 2565 р. (вмѣсто 3000 р.), на содержаніе строеній—8338 р. (вмѣсто 8800 р.), сторожамъ 1203 р. (вмѣсто 1000 р.), на журналы и газеты—477 р. (вмѣсто 500 р.), на ино-

странную корреспонденцію — 78 р. (вмѣсто 200 р.); совѣтъ не были израсходованы штатныя суммы на пенсіи и церкви; 4000 р. для образованія пенсіоннаго фонда были отправлены въ банкъ; но за то изъ той же штатной суммы были сдѣланы еще слѣдующіе расходы: выдано попечителю 2816 р., издержанныхъ имъ на покупку книгъ, физическихъ инструментовъ и другихъ вещей; на торжество открытія университета употреблено 3382 р., академику Щукину уплочено за портретъ государя 800 р., В. Н. Каразину — за коллекцію эстамповъ Аделунга 5000 р., на изготовленіе мебели для аудиторій и учебно-вспомогательныхъ учреждений истрачено 3475 р.; итого съ нѣкоторыми другими болѣе мелкими расходами — 17037 р.; всего штатной суммы израсходовано было 89712 р.; въ остаткѣ болѣе 30000 р. *Хозяйственной* суммы собрано въ 1805 г. 51561; составила она такимъ образомъ: отъ 1804 г. осталось 11422 р. (штатной ассигновки); получено штатной суммы за сентябрьскую треть того же 1804 года 39696 р. (а 3252 р. сверхъ того употреблено было на покупку книгъ и инструментовъ); остальное — мелкія поступления. Изъ этой хозяйственной суммы израсходована была только самая ничтожная часть — остальное отправлено въ банкъ (въ томъ числѣ 4500 р. пенсіонныхъ денегъ за 1804 годъ); осталось на мѣстѣ 9546 р. Суммы „патріотическаго приношенія“ оказались: 1) пожертвованія отъ слободско-украинскаго (харьковскаго) дворянства поступило въ 1805 году 75116 руб., остатка отъ прошлаго 1804 г. 29780 р., всего 104896 р.; 2) отъ екатеринославскаго дворянства — 4920 руб.; 3) отъ городовъ и купечества харьковской губ. (съ остаткомъ отъ прошлаго года въ размѣрѣ 13662 р.) 22681 р.; 4) отъ частныхъ благотворителей (съ остаткомъ отъ 1804 г. въ размѣрѣ 1600 р.) — 3800 р.; итого 136297 р. Изъ нихъ истрачено было 3045 р. на покупку земли (по Сумскому шоссе), 2726 р. для ботаническаго сада (сверхъ тѣхъ, которые издержаны были изъ штатной суммы), 6121 р. на покупку лѣса и перевозку его въ Харьковъ.

Итоги по всѣмъ суммамъ оказываются таковы: получено 236122 р., израсходовано 101882 р., отправлено въ банкъ 134240 р. (въ томъ числѣ пенсіоннаго фонда 8500 р., хозяйственнаго 34510 р., благотворительнаго 93540 р.). Всего банковыхъ билетовъ въ распоряженіи университета было 16 на 136550 р., на которые съ 1 января 1805 г. по 1 января 1806 г. накопилось 4797 р. процентовъ; сверхъ того внесено было еще въ банкъ 3690 р., на которые билетовъ не было пока получено ¹⁾. Однимъ словомъ первый годъ существованія университета за-

¹⁾ Харьковский университетскій архивъ. Годовой отчетъ за 1805 г. о приходѣ и расходѣ суммъ Импер. Харьк. унив. и краткая вѣдомость о томъ же изъ этого отчета. (Дѣло совѣта 1805 г., № 27).

кончился въ финансовомъ отношеніи блестяще. Получились остатки даже отъ штатной суммы, не говоря уже о хозяйственной и благотворительной. Эта послѣдняя въ Харьковскомъ университетѣ получила необычные размѣры, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ разныхъ сословій харьковской и сосѣдней екатеринославской губерніи. Только по тремъ статьямъ штатной суммы получилась передержка—на ботаническій садъ было израсходовано почти въ $5\frac{1}{2}$ разъ, на библіотеку въ $1\frac{1}{2}$ и на сторожей въ 1, 2 раза болѣе, чѣмъ полагалось по штату; да на типографію было израсходовано 3604 р., между тѣмъ какъ по штату на нее не было ассигновано ничего. Но за то по всѣмъ остальнымъ параграфамъ оказались, какъ мы видимъ, весьма значительные, можно сказать, огромные остатки. Благодаря же экономической и благотворительной суммѣ, всѣ потребности учебновспомогательныхъ учреждений могли быть удовлетворены въ полной мѣрѣ: оттуда позаимствованы были дополнительные кредиты и на библіотеку, и на ботаническій садъ, и на другія заведенія, въ томъ числѣ и на первоначальное ихъ устройство и обзаведеніе.

Посмотримъ теперь, какъ велось дѣло въ послѣдующее время. Въ 1808 г. штатной суммы получено было 123766 р. Изъ нея израсходовано: на выдачу жалованія 44912 р. (вмѣсто 78800 р.), на библіотеку 339 р. (мѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 350 (вмѣсто 800 р.), на ботаническій садъ 1068 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 153 р. (вмѣсто 1000 р.), на физическій кабинетъ 528 р. (вмѣсто 500 р.), на кабинетъ естественной исторіи 467 р. (мѣсто 600 р.), на клиническій институтъ 754 р. (вмѣсто 5000 р.), на пенсіи положено въ бавѣ 6000 р. (столько, сколько и по штату), на содержаніе студентовъ 6785 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 2845 р. (вмѣсто 3000 р.), на визитаціи училищъ 3211 р. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 344 р. (вмѣсто 500 руб.), на иностранную корреспонденцію 114 р. (вмѣсто 200 р.), на типографію 3360 р. (по штату ничего), на служителей 1276 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе строеній 8481 р. (вмѣсто 8800 р.). Всего штатной суммы израсходовано 81891 р. (въ томъ числѣ 6000 руб. отправлено въ банкъ и 1251 руб. перенесено въ дворянскую сумму слободско-украинской губ.); въ остаткѣ 41869 р. Хозяйственной суммы осталось отъ 1807 г. 10190 р., штатной, превращенной въ хозяйственную—45585 руб., штатной прошлагодной суммы за сентябрьскую треть 14444 р., дохода съ типографіи (валового) 4164 р., всего 76061 р. Изъ нея истрачено 26702 р. (главнымъ образомъ на покупку книгъ и выписку изъ-за границы инструментовъ) и отправлено въ банкъ 37000 р. Дворянской суммы слободскоукраинской губ. въ приходѣ было 14076 р.

(въ томъ числѣ остатка отъ 1807 года 10191 р.); изъ нихъ израсчено 9065 р. (на ботаническій садъ); дворянской суммы екатеринослав. губ. въ приходѣ было (съ остатками 1807 года) 6165 р., изъ коей ничего не было израсходовано; отъ городовъ и купечества харьковской губ. получено 3867 р. (расхода не было); отъ частныхъ благотворителей—2098 р. (расхода не было); квартирной суммы въ приходѣ было 10192 р., въ расходѣ—10067 р. Итого въ приходѣ всѣхъ суммъ было 236227 р., а въ расходѣ—174625 руб., въ томъ числѣ издержано университетомъ 120574 р. и отправлено въ банкъ 52800 р. За расходомъ осталось 61602 р. Сверхъ того въ университетѣ имѣлось 54 банковыхъ билета на 306640 р. (въ томъ числѣ 25700 р. пенсіоннаго капитала), на которые причиталось процентовъ къ 1 января 1809 года 43273 р. Кромѣ того отправлено было въ банкъ еще 3800 р., на которые не было выслано билетовъ. Всего къ 1 января 1809 г. въ остаткѣ наличной и банковской суммы было 415315 руб.¹⁾

Приведемъ, наконецъ, цифры изъ отчета за 1812 годъ. Штатной суммы принято было изъ казначейства 134000 руб. Израсходовано изъ нея 91224 р.—на жалованіе 53751 р. (вмѣсто 78800 р.), на библіотеку 981 р. (вмѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 609 р. (вмѣсто 800 р.), на ботаническій садъ—1056 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 532 р. (вмѣсто 1000 р.), на кабинетъ естественной исторіи 26 р. (вмѣсто 600 р.), на физическій кабинетъ 438 руб. (вмѣсто 600 р.), на клиническій институтъ 1166 р. (вмѣсто 5000 р.), на награды студентамъ 101 (вмѣсто 250 р.), на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ 8056 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 3178 р. (вмѣсто 3000 р.), на визитаціи училищъ 4887 руб. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 161 р. (вмѣсто 500 р.), на иностранную переписку 10 р. (вмѣсто 200 р.), на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 1999 р. (вмѣсто 2000 р.), на содержаніе служителей 1381 р. (вмѣсто 1000 р.), на пенсіи 3149 р. (вмѣсто 6000 р.), на содержаніе строеній 9208 р. (вмѣсто 8800 р.); въ остаткѣ 42776 р. Хозяйственной суммы поступило 42700 р. (она составила изъ остатка штатной суммы въ размѣръ 30821 р., дохода съ типографіи 4070 р., и цѣкот. др.). Изъ нея израсходовано 40944 р., въ томъ числѣ 12234 р. на типографію, 7845 р. на жалованіе, 4065 р. отправлено въ банкъ, 2692 р. употреблено на покупку мебели и инструментовъ для кабинетовъ и аудиторій, 2324 р. на переплетъ книгъ для книжнаго магазина и разсылки, 2537 руб. на постройки, 3778 руб. на проѣздъ учителей, 1632 р. на содержаніе библіотеки.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло содѣла 1808 г., № 45 (годовой отчетъ о приходѣ и расходѣ на 1808 годъ разныхъ суммъ).

Дворянской суммы слободскоукраинской губ. было 34712 р., екатеринославской губ.—2766 р., херсонской губ.—2470 р., отъ частныхъ благотворителей получено 173 руб.; израсходовано 3148 р. (на ботанической садъ). Квартирной суммы поступило въ приходъ 11512 р., въ расходъ было 8473 р. Итого въ приходъ всего было 228409 р., въ расходъ 146720 р.; въ остаткѣ 81689 р. Сверхъ того находилось въ банкѣ для приращенія процентами 523130 р., на которые причиталось процентовъ по 1 января 1813 г. 148021 р. Всего въ остаткѣ въ наличной суммѣ и банковыхъ билетахъ 752840 р. ¹⁾.

Изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что штатной суммы оказывалось болѣе чѣмъ достаточно на нужды Харьковскаго университета въ первые годы его существованія и ежегодно были весьма значительныя остатки. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что университетъ тогда не имѣлъ такого контингента преподавателей, какое полагалось по штату, и, слѣдовательно, у него ежегодно были остатки отъ содержанія личнаго состава; къ нимъ присоединялись неистраченные и по другимъ статьямъ суммы. Другою составною частью образовавшагося запаснаго фонда послужили суммы „патріотическаго“ приношенія, т. е. пожертвованія харьковскаго, екатеринославскаго и херсонскаго дворянства, городовъ и купечества харьковской губерніи и частныхъ лицъ. Хотя эти суммы поступали, какъ мы знаемъ, очень не аккуратно, но все-таки въ общей совокупности своей они составили весьма значительный капиталъ. Превращеніе свободныхъ наличныхъ остатковъ въ банковые билеты, дававшіе 5% роста, еще болѣе увеличило ихъ размѣры и въ концѣ 1812 года они равнялись, какъ мы видѣли, 752840 руб. сер.

Невольно является вопросъ: для какой же цѣли предназначался этотъ запасный фондъ? Его хотѣли употребить на сооруженіе новыхъ зданій для Харьковскаго университета (по Сумскому шоссе). Извѣстно, что для нихъ была частію пожертвована, а частію приобрѣтена земля; для нихъ заготавливались матеріалы (купленъ, былъ даже на срубъ лѣсъ). Планъ построекъ былъ составленъ адъюнктомъ Васильевымъ. Но все это, за небольшими исключеніями, не вышло изъ области предположеній, и университетъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ (вотъ уже 90 лѣтъ) остается въ своемъ временномъ помѣщеніи.

Посмотримъ, однако, каковы были строительные планы университета и какія постройки были имъ исполнены въ дѣйствительности.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1813 г., № 37.

Въ теченіе 1805 года куплена была такъ называемая Кантемировская земля (гдѣ нынѣ университетскій садъ) и совершены купчіи крѣпости на другіе мелкіе участки, проданные раньше. За тѣмъ еще комитетъ правленія (до открытія университета) заботился о приисканіи лицъ, которые бы пожелали взять на себя выдѣлку кирпича для будущей постройки университетскихъ зданій. Но такъ какъ въ Харьковѣ нашлся только одинъ подрядчикъ на поставку кирпича, то рѣшено было обратиться въ Москву къ тамошнимъ купцамъ съ предложеніями взять на себя такой подрядъ; вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ постановилъ купить лѣсъ, чтобы предоставить изъ него контрагенту дрова для обжиганія кирпича и матеріалъ для постройки сараевъ. Совѣтъ, по открытіи университета, одобрилъ эти планы, и лѣсъ на срубъ былъ дѣйствительно купленъ (въ количествѣ 13 дес. 226 кв. саж.) у помѣщицы Ковалевской (по 260 руб. за десятину). Частію весною, а частію осенью 1805 года онъ былъ срубленъ, и изъ него получено 384 сажня дровъ, 1232 строевыхъ дерева и 2530 тонкихъ деревьевъ и жердей. Гораздо затруднительнѣе оказалась доставка этого матеріала, какъ вслѣдствіе незначительнаго числа лицъ, желавшихъ взять на себя перевозку, такъ и вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, ими назначенныхъ. По этой причинѣ къ веснѣ было перевезено только 1322 тонкихъ дерева; лѣтомъ же и вовсе не оказалось извозчиковъ, и потому университетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшился купить 12 паръ воловъ и самостоятельно организовать это дѣло. Но благодаря дождливой погодѣ, на нихъ перевезено было къ осени всего 51 строевое дерево и 26½ саж. дровъ. За тѣмъ съ конца октября до самаго января перевозки вовсе не было, вслѣдствіе страшной грязи и повальной болѣзни, открывшейся на скотѣ. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ покупки лѣса былъ отправленъ въ Москву проф. Осиповскій для заключенія контракта на счетъ кирпича. Онъ долженъ былъ заключить условіе, по которому подрядчикъ въ теченіе 1805 года обязанъ былъ выстроить изъ университетскаго матеріала сараи съ печами, и изготовить въ нихъ въ теченіе года 5 милл. кирпича. Миссія проф. Осиповскаго, однако, не увѣчалась успѣхомъ: съ одной стороны съ него запрашивали высокія цѣны, съ другой—онъ получалъ изъ Харькова неутѣшительныя вѣсти о доставкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и потому воздерживался отъ заключенія рѣшительнаго договора. Не успѣвъ начать выдѣлку кирпича въ 1805 году, правленіе рѣшило устроить это дѣло съ весны 1806 года и при томъ согласилось получить на первый разъ вмѣсто трехъ два милліона кирпичей. Съ этою цѣлью оно обратилось къ харьковскому, воронежскому, курскому, черниговскому и калужскому губернаторамъ и малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Бо-

рисовичу Куракину съ просьбою опубликовать въ ихъ губерніяхъ условія подряда и если гдѣ явятся охотники, узвать ихъ цѣны и сообщить университету, который отъ себя можетъ отправить чиновника для заключенія окончательнаго условія. Условія подряда были опубликованы губернаторами, но явился только одинъ охотникъ—бѣлгородскій обыватель, коллежскій регистраторъ Семенищевъ, который предложилъ въ обезпеченіе свои лѣса и потребовалъ по 4 р. 75 к. за 1000 кирпичей, если университетъ выстроить для него сарай и печи, и по 5 р. 75 к., если придется ихъ строить ему самому изъ университетскаго матеріала. Но въ это же время подалъ заявленіе и харьковскій купецъ Бѣляевъ, соглашавшійся въ теченіе 5 лѣтъ поставить 15 милл. кирпичей, изготовивъ его своими работниками и инструментами, въ своихъ же сараяхъ, только построенныхъ на университетской землѣ, лишь бы ему были доставлены дрова, нужны для обжиганія кирпича и для кухонь, и просилъ по 4 р. 80 к. за 1000. Правленіе, находя его условія болѣе выгодными, чѣмъ тѣ, которыя были предложены Семенищевымъ, представило ихъ на благоразсмотрѣніе попечителя. Для того же, чтобы обезпечить его дровами, правленіе приторговало на срубъ 100 десятиновъ лѣса у полковника Андрея Щербинина въ 18 верстахъ отъ Харькова по 125 руб. за десятину. Попечитель въ отвѣтъ на это увѣдомилъ университетъ, что министръ народнаго просвѣщенія нашелъ эти условія не совсѣмъ удобными въ разныхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ бы, чтобы подрядчикъ взялъ выдѣлку кирпича на своихъ дровахъ, ибо такимъ образомъ университетъ освободится отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ ихъ заготовкой. Поэтому университетъ отказалъ какъ Семенищеву, такъ и Бѣляеву, и объявилъ новые торги, при чемъ подрядчикъ долженъ былъ имѣть свои дрова. На эти торги явились тотъ же Бѣляевъ и московскій купецъ Домерщиковъ, которые брались въ теченіе 6 лѣтъ обжечь 20 милл. кирпичей въ построенныхъ ими же сараяхъ, употребивъ для этого свои собственныя дрова, при чемъ Бѣляевъ просилъ по 10 р., а Домерщиковъ по 9 руб. за тысячу. Кромѣ ихъ изъявилъ было желаніе взять на себя этотъ подрядъ харьковскій помѣщикъ Марковъ, но къ торгамъ не явился. Между тѣмъ отъ попечителя было получено предложеніе, чтобы отложить это дѣло до слѣдующаго года, и потому предложеніе Бѣляева и Домерщикова само собою рушилось. Въ это время адъюнкты архитектуры Васильевъ подалъ въ правленіе свои планы и проекты будущихъ университетскихъ зданій, а также построекъ въ ботаническомъ саду и оранжереѣ, которые и отправлены были на утвержденіе попечителя. За эти планы онъ получилъ благодарность отъ министра, который, впрочемъ, замѣтилъ, что они слишкомъ грандіозны и

нуждаются въ сокращеніи. 1805-й годъ, какъ мы видимъ отсюда, былъ очень богатъ разными планами и предположеніями по части построекъ, но всѣ они не вышли изъ области пожеланій. Въ 1806 году были сдѣланы нѣкоторыя мелкія передѣлки и на большомъ университетскомъ корпусѣ поставленъ громоотводъ. Что же касается предположенныхъ большихъ построекъ по Сумскому шоссе, то въ этомъ отношеніи не было сдѣлано почти ничего: правленіе только приторговало 20 десятинъ лѣса въ 18 верстахъ отъ Харькова у помѣщицы Краснокутской по 675 руб. за десятину, но это дѣло не получило еще въ томъ году утвержденія высшаго начальства. Здѣсь любопытно необычайно быстрое возрастаніе цѣны лѣса (съ 260 до 675 руб.) въ теченіе одного года.

Въ 1807 и послѣдующихъ годахъ былъ произведенъ рядъ построекъ въ университетскомъ саду (о чемъ скажемъ ниже) и сдѣлано нѣсколько починокъ въ зданіяхъ университета; что же касается тѣхъ сооружений, которыя проектированы были въ 1805 году, то и самый вопросъ о нихъ, повидимому, заглохъ и во всякомъ случаѣ не получилъ никакого движенія на практикѣ¹⁾.

Отмѣтимъ только два факта, касающіеся проекта построекъ и относящіеся къ 1809 и 1810 году. Въ 1809 году попечитель округа на вопросъ правленія, какимъ образомъ приступить къ заготовленію матеріаловъ для будущихъ университетскихъ построекъ, замѣтилъ, что на такой неопредѣленный вопросъ весьма трудно дать точный отвѣтъ, „ибо заготовленіе матеріаловъ, какого бы роду оно ни было, зависитъ наиболѣе отъ времени и обстоятельствъ и потому почти невозможно опредѣлить, который изъ предлагаемыхъ университетомъ способовъ сопряженъ съ болѣею выгодною. Если взять въ разсужденіе тѣ матеріалы, кои нужно имѣть въ большомъ количествѣ, какъ-то: кирпичъ, известь, песокъ и пр., то его сіятельству кажется выгоднѣйшимъ поставлать ихъ чрезъ подрядчиковъ, а прочіе не столь значительные матеріалы можно заготовлять хозяйственнымъ образомъ или, смотря по обстоятельствамъ, чрезъ подряды же. При чемъ однако же его сіятельство признаетъ нужнымъ присовокупить, что въ обоихъ случаяхъ университетъ не прежде имѣетъ приступить къ совершенію контрактовъ на поставку матеріаловъ, какъ по разсмотрѣннн его сіятельствомъ предварительныхъ съ поставщиками условій, кои и доставить къ его сіятельству въ свое время на утвержденіе“. Выслушавъ это, правленіе постановило: „такъ какъ къ заготовленію матеріаловъ можно приступить не прежде, какъ по утвержде-

¹⁾ Харьков. университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; см. также дѣло правленія 1810 года, по архиву № 507, по картону № 28.

ній плана, фасада и смѣты для имѣющихъ строиться университетскихъ зданій, ибо безъ этого нельзя знать, сколько и какихъ матеріаловъ нужно будетъ, и такъ какъ правленію небезызвѣстно, что планъ и фасадъ на эти зданія его сіятельство попечитель поручилъ сдѣлать адъюнкту Васильеву, то рекомендовать этому послѣднему поспѣшить окончаніемъ плана университетскихъ строеній и представленіемъ его вмѣстѣ со смѣтою правленію“¹⁾).

Адъюнктъ Васильевъ, какъ мы знаемъ, давно уже составилъ требуемые планъ и смѣту, но они еще не были утверждены высшимъ начальствомъ. Теперь они снова, повидимому, были отпращены къ попечителю, который въ слѣдующемъ 1810 году далъ отъ себя такое заключеніе: „такъ какъ составленная адъюнктомъ Васильевымъ смѣта издержкамъ на постройку университета, вслѣдствіе увеличивающейся дороговизны на всѣ матеріалы, должна оказаться нынѣ недостаточной, то онъ, попечитель, препровождая ее обратно вмѣстѣ съ планомъ, предлагаетъ университету составить новую, сообразную съ настоящими цѣнами, и препроводить ее къ нему для представленія высшему начальству“. Правленіе, въ виду этого, поручило адъюнкту Васильеву составить новую смѣту²⁾). Но и эта послѣдняя не была приведена въ исполненіе, потому что не былъ осуществленъ и вообще планъ новыхъ построекъ.

Въ 1814 году ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о неудобствахъ мѣста, находящагося за городомъ по Сумскому шоссе, для университетскихъ построекъ, и министръ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ долженъ былъ заняться, по приказанію министра, разрѣшеніемъ другого несравненно болѣе важнаго вопроса: *не удобнѣе ли будетъ, въ виду ужасныхъ санитарическихъ условій г. Харькова, перенести университетъ въ другой городъ*³⁾. На мнѣніяхъ, высказанныхъ по этому вопросу, мы остановимся впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, въ теченіе 10 лѣтъ велись разговоры о постройкѣ новыхъ зданій для университета по Сумскому шоссе на пожертвованной и купленной имъ для этой цѣли землѣ — и не привели ровно ни къ чему — дѣло не вышло изъ области предположеній и добрыхъ желаній. Спрашивается: чѣмъ объясняется эта неудача? Ее нельзя объ-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 7 октября.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1810 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 29 сентября.

³⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 147.

яснить финансовыми затрудненіями: и истѣ, и деньги для постройки были. Намъ кажется, что тутъ дѣйствовала одна основная причина: министерство было вообще противъ грандіозныхъ затѣй и желало въ дѣлѣ постройки зданій для Харьковскаго университета исходить изъ дѣйствительныхъ реальныхъ его потребностей. Вотъ почему оно, отдавая должную дань художественной фантазіи Васильева, представившаго планъ грандіозныхъ сооружений по Сумскому шоссе во вкусѣ В. Н. Казина, не рѣшилось осуществить его проекта на дѣлѣ; временное помѣщеніе университета могло до нѣкоторой степени удовлетворять его неширокимъ потребностямъ. Если чего не доставало, дѣлали пристройки и передѣлки. Такъ мало-по-малу и пошли по этому пути, который, впрочемъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все болѣе и болѣе тернистымъ, въ особенности, когда возрасло число студентовъ и возникли всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, требуемыя уставомъ.

Покончивъ съ вопросомъ о строительной дѣятельности правленія, переходимъ теперь къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя также находились въ зависимости отъ него. По уставу, „для распространенія наукъ и просвѣщенія“ въ университетѣ должны были быть заведены слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: библіотека, типографія, физическій кабинетъ, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, кабинетъ естественной исторіи, ботанической садъ, анатомическій театръ; институты: клинической, хирургическій и повивальнаго искусства. Больше всего отпускалось по штату денегъ на клинической институтъ (или правильнѣе, клиническіе институты, ибо ихъ полагалось три)—5000 руб., на библіотеку—1000 руб., на ботанической садъ—1000 р. и на химическую лабораторію тоже 1000 р.; остальные получали отъ 500 до 800 р. Библіотекарь избирался совѣтомъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ, а помощникъ его изъ адъюнктовъ или магистровъ. Въ концѣ года каждый факультетъ представлялъ совѣту списокъ тѣхъ книгъ, которыя онъ считалъ нужнымъ выписать для библіотеки. Совѣтъ, сообразуясь съ суммой, дѣлалъ изъ нихъ соотвѣтственный выборъ. Совѣтъ назначалъ дни и часы, когда въ библіотеку могли являться для чтенія; брать же книги на домъ предоставлялось только профессорамъ и адъюнктамъ; въ библіотекѣ могли храниться всякія книги; но цензурныя комитетъ отмѣчалъ вредныя или соблазнительныя и таковыя можно было читать только профессорамъ и адъюнктамъ. Остальныя учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ вѣдѣніи соотвѣтственныхъ профессоровъ, но при этихъ послѣднихъ были помощники (лаборантъ при лабораторіи, астрономъ—наблюдатель при обсерваторіи, садовникъ при ботаническомъ садѣ и т. п.). Внутреннее устрой-

ство ихъ находилось въ рукахъ завѣдующихъ, которые обязаны были содержать ихъ въ порядкѣ, имѣть точныя описи собраній и вещей, и копии ихъ представлять совѣту за своею подписью; они же давали факультетамъ отчетъ въ суммахъ, истраченныхъ ими на нужды этихъ учреждений. Въ распоряженіи университета, наконецъ, была типографія, которою могло завѣдывать или само правленіе, или же отдавать ее въ аренду надежнымъ лицамъ. Въ университетской типографіи должны были печататься преимущественно книги, относящіяся къ наукамъ, преподаваемымъ въ университетѣ и училищахъ, а затѣмъ все вообще, что правленіе или совѣтъ найдутъ нужнымъ къ распространенію знаній ¹⁾).

Таковы были требованія устава. Въ какой же мѣрѣ они были выполнены Харьковскимъ университетомъ въ теченіе перваго десятилѣтія его существованія? Изъ всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений не были открыты только клиники — терапевтическая и акушерская; но зато мы видимъ и нѣкоторые учрежденія, не предусмотрѣнные уставомъ 1804 г. — минцъ-кабинетъ, технологическій кабинетъ, классы искусствъ — рисованія, музыки, танцевъ, фехтованія, верховой ѣзды. Всѣ они вообще могутъ быть раздѣлены на три группы: а) библіотека и типографія, служившія для нуждъ всего университета; б) кабинеты, служившіе для нуждъ отдѣльных факультетовъ, — минцъ-кабинетъ (словеснаго отдѣленія), физическій, технологическій, астрономическій, зоологическій и минералогическій, химическая лабораторія и ботанический садъ (для физико-математическаго), анатомическій театръ и хирургическая клиника (медицинскаго факультета); с) кабинеты, предназначенные для artes liberales — рисованія и живописи, музыки, фехтованія, верховой ѣзды.

Постараемся теперь сообщить собранныя нами фактическія свѣдѣнія о возникновеніи и первоначальной судьбѣ каждаго изъ нихъ и пополнить, такимъ образомъ, краткія данныя объ этомъ извѣстной книги К. Фойгта ²⁾).

Начнемъ свое обозрѣніе съ библіотеки, какъ съ общаго и самаго важнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія университета. Начало университетской библіотекѣ положено было, какъ мы видѣли, еще въ 1804 г.:

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. I-й, стр. 280—283, 299.

²⁾ Историко-статистическія записки объ Императ. Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г. Составлены при содѣйствіи профессоровъ и чиновниковъ университета помощникомъ почечителя харьковскаго учебнаго округа К. Фойгтомъ. Х. 1859 г., IV, 170. Въ основу этой книги положены документальныя данныя и хотя эти послѣднія ни одинъ разъ не были отмѣчены составителемъ, но къ нимъ, конечно, можно относиться съ полнымъ довѣріемъ. Въ нашемъ распоряженіи было гораздо болѣе источниковъ для I-го десятилѣтія, и намъ придется не столько пользоваться сочиненіемъ Фойгта, сколько его пополнять.

изъ Петербурга въ это время было получено 3219 книгъ. Библіотекаремъ былъ назначенъ проф. Белленъ-де-Баллю, который долженъ былъ составить имъ опись и сдать въ переплетъ. Въ февралѣ 1805 года университетъ заключилъ контрактъ съ петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ о доставкѣ имъ иностранныхъ книгъ. Нѣмецкія изданія онъ обязанъ былъ доставлять по каталожной лейпцигской цѣнѣ съ надбавкою противъ нея $11\frac{1}{2}\%$; французскія же, англійскія и друг. — по парижскимъ каталогамъ съ надбавкою $21\frac{1}{2}\%$, если при этомъ не найдется другихъ книгопродавцевъ, которые бы предложили болѣе льготныя условія. Сверхъ того, Цимсену было поставлено обязательство, чтобы онъ завелъ въ Харьковѣ книжную лавку ¹⁾ и снабдилъ ее разными учебными иностранными книжками, которыми опять-таки продавалъ учащимъ и учащимся по указанной выше цѣнѣ ²⁾. Университетъ же съ своей стороны обязался выписать отъ него сразу довольно значительное количество книгъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно доставилъ лейпцигскіе и парижскіе каталоги и реперторіи для новыхъ книгъ и справочную библіографію Дебюра. Послѣ этого совѣтъ поручилъ факультетамъ составить списки необходимыхъ книгъ; но воспользоваться ими оказалось невозможно, потому что Цимсенъ не доставилъ каталоговъ и реперторій, и, такимъ образомъ, общая стоимость книгъ, указанныхъ факультетами, была неизвѣстна. Въ Харьковѣ же Цимсенъ завелъ небольшую лавочку и изъ нея въ теченіе года было взято въ университетъ 435 разныхъ книгъ; кромѣ того прислано было попечителемъ округа изъ Петербурга 1460 книгъ и, наконецъ, куплено самимъ университетомъ въ лавкѣ московскаго купца Глазунова въ Харьковѣ ³⁾

¹⁾ Харьковский губернаторъ И. И. Бахтинъ разрѣшилъ открытіе этой лавки Василію Цимсену, который оставилъ довѣреннымъ лицомъ вмѣсто себя въ Харьковѣ Фридриха Ласта (Харьковский университетскій архивъ. Дѣло правленія 1805 г., по архиву № 36, по картону № 3).

²⁾ Разрѣшая открытіе магазина Цимсену, губернаторъ И. И. Бахтинъ подвергъ его дѣйствію университетской цензуры. По цензурному же уставу, выписываемыя изъ заграницы книги и эстампы не разсматривались цензурою, а только владѣльцы магазиновъ представляли каталоги своихъ книгъ и давали подписку, что они не будутъ продавать ничего предосудительнаго (Харьковский университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюнь; засѣданіе 6 марта).

³⁾ Вотъ контрактъ, заключенный правленіемъ съ довѣреннымъ Глазунова Бѣлоусовымъ, обязавшимся доставлять русскія книги для университета и училищъ: „1808 года іюня 14 дня. Я, нижеподписавшійся, московскій купецъ Алексѣй Ѳеодоровъ сынъ Бѣлоусовъ, по данной мнѣ отъ хозяина моего московскаго купца Матвея Глазунова на 4 года довѣренности, засвидѣтельствованной прошлаго 1807 года ноября 6 дня, заключилъ сей контрактъ въ правленіи Императорскаго харьковскаго университета на выписку для него и училищъ округа его російскихъ книгъ, который состоятъ въ слѣдующемъ:

(здѣсь шла продажа русскихъ изданій) и у частныхъ лицъ 636 русскихъ и иностранныхъ книгъ да подарено разными особами 48. Для того, чтобы обезпечить правильный переплетъ книгъ, правленіе заключило контрактъ и съ переплетчикомъ Ведде (тѣмъ самымъ, который былъ привезенъ еще изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ и который оказался теперь очень нужнымъ и полезнымъ человекомъ для университета). По этому контракту Ведде за 250 рублей жалованья обязался переплестать университету 1200 книгъ въ годъ, получая за нихъ только половину той цѣны, какую платили частныя лица въ Петербургѣ (за французскій переплетъ книжки въ листъ 2 р. 50 к., въ четвертку—1 р. 50 к., въ осьмушку—50 к.; въ полуфранцузскій переплетъ—въ листъ 1 р. 25 к., въ четвертку—80 к., въ осьмушку—35 к.; въ бумажный—въ листъ 50 к., въ четвертку—30 к., въ осьмушку—10 к.). Сверхъ того Ведде долженъ былъ выучить своему мастерству въ теченіе пяти лѣтъ одного ученика изъ казенныхъ питомцевъ, который дѣйствительно и былъ ему отданъ въ науку.

Цимсенъ и въ слѣдующемъ 1806 году не прислалъ справочныхъ каталоговъ, такъ что и тогда еще невозможно было отправить ему реестры необходимыхъ для университета изданій. Между тѣмъ, попечитель округа разрѣшилъ употребить на покупку книгъ въ 1806 году—8000 р. и въ 1807 году—6000 р. Въ виду этого университетъ отпра-

1) Я. Бѣлоусовъ, обязываясь доставлять русскія книги, какъ для Императорскаго харьковскаго университета, такъ и для училищъ его округа и всѣхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ сему университету и училищамъ его округа, для перваго—по требованію правленія его, а для училищъ по требованію директоровъ ихъ съ уступкою противъ каталожныхъ цѣнъ со всѣхъ выписываемыхъ книгъ по 10%, а для университета по 20%. 2) Когда выписывается на значительную сумму, то книги, издаваемыя въ Москвѣ, должны быть доставляемы чрезъ два, а печатаемыя въ Петербургѣ, чрезъ три мѣсяца, считая сей срокъ со дня дачи мнѣ препорученія; когда-жъ выписывается на небольшую сумму, то долженъ поставить скорѣе онаго срока. 3) Если дастъ мнѣ университетъ для продажи какаго-либо книги, то и долженъ ихъ продать, получивъ за труды по назначенію правленія университета. 4) Доколѣ контрактъ сей существовать будетъ, именоваться мнѣ, Бѣлоусову, книгопродавцемъ Императорскаго харьковскаго университета и состоять подъ вѣдѣніемъ онаго; но правленіе университета не дастъ мнѣ чрезъ сіе никакого права выписывать на имя и счетъ университета книги или что-либо другое и за меня ни въ чемъ не отвѣчаетъ, исключая когда мнѣ такова выписка именно поручена будетъ, для чего данъ будетъ мнѣ тогда и особый на сіе видъ. 5) Доколѣ сей контрактъ существовать будетъ, правленіе университета съ своей стороны обязуется не имѣть у себя другого, кромѣ меня, книгопродавца русскіихъ книгъ. 6) Обязательство сіе доколѣ существовать должно, доколѣ и при исправномъ во всемъ выполненіи онаго буду имѣть довѣренность отъ хозяина моего, московскаго купца Матвея Глазунова“. (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1808 г., май—августъ, засѣданіе 2 іюля 1808 года).

вилъ составленный факультетами и одобренный совѣтомъ списокъ книгъ въ Лейпцигъ книгопродавцу Гейнзіусу, предлагая ему доставку ихъ въ Харьковъ; но и онъ выставилъ такія затруднительныя условія, что дѣло это не было окончено въ 1806 году и университетская библіотека была пополнена слѣдующими коллекціями: покупкою книгъ академика Палласа (584 т. по естественной исторіи, географіи и исторіи Россіи), книгами, пріобрѣтенными въ Петербургъ попечителемъ (128 т.), купленными самимъ университетомъ (456 т.), напечатанными въ университетской типографіи (180 т.) и подаренными разными лицами (151 т.). Всего въ 1806 году въ университетской библіотекѣ было 7523 тома; переплетено было въ этомъ году 1386 т. Тогда же проф. Шнаубертъ и адъюнктъ Совиньи, по порученію совѣта, ревизовали университетскую библіотеку и донесли, что все книжное имущество ея находится въ цѣлости. Въ 1807 году правленіе заключило контрактъ на поставку книгъ съ рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ ¹⁾, который обѣщаль доставлять

¹⁾ Вотъ текстъ контракта съ Гартманомъ: „Moi soussigné marchand de Riga du premier rang Carl Joseph Hartmann avois passé le present Contract avec le directoire de l'Université Impériale de Kharkow, en vertu du quel je m'engage de fournir à la dite Université, à compter de la date sous-mentionnée, tous les livres, que me demandera le directoire: 1) qu'il me soit payé pour les livres fournir suivant les prix de Leiptzig, designés dans les catalogues de cette ville; c'est pourquoi, lors de l'envoi du premier transport des livres, je suis obligé de fournir tous les catalogues veritables de Leipzig avec le prix des livres parus depuis l'année 1795 jusqu'à ce jour; et d'envoyer dorenavant chaque catalogue, qui paraîtra à Leipzig lors des foires de cette ville et pour les vieux livres procurer le catalogue de Georgius, à condition, que pour tous ces catalogues, selon le prix, le quel coutera leur achat et leur envoi je dois recevoir l'argent de l'Université. 2) Les livres, que me demandera le directoire, seront envoyés par moi à Kharkow par Moscou à l'adresse de celui, à qui on me commandera d'envoyer en prenant sur mon compte la moitié de ce que coutera le transport depuis Riga jusqu'à Moscou et cela par le moyen des entrepreneurs, les quels sont obligés de répondre pour la conservation entière des caisses et pour que les livres ne soient pas endommagés par l'humidité; c'est pourquoi lors de chaque envoi des livres, je dois en même temps envoyer aussi une copie du contract passé avec les entrepreneurs et legalement attesté dans un bureau. 3) Je ne dois jamais envoyer à l'Université des livres contrefaçonnés, mais les originaux mêmes des éditions qui ont parus et qui me seront demandés; s'il ne se trouvera point chez moi de telles livres et éditions, alors j'avertirai l'Université et lui demanderai, s'il consentirait, que je lui envoyasse celles, qui se trouvent chez moi. 4) De ne point exiger le payement pour les livres envoyés par moi, dont l'édition ne sera point complete comme ils sont parus, de même que, pour des livres defectueuses et gâtés. 5) Je ne dois jamais envoyer les livres et autres articles y appartenantes sans la demande expresse du directoire de l'Université en cas, que de telles choses seront envoyés, alors l'Université a le droit de me les renvoyer pour mon propre compte. 6) De son coté l'Université demandera pour que tout ce que sera expédié suivant ce contract pour le compte de l'Université des pays étran-

сверхъ того и справочные лейпцигскіе каталоги. Впрочемъ, въ 1807 г. онъ не успѣлъ еще доставить книгъ по спискамъ университета. Другой договоръ былъ заключенъ съ Фр. Ластомъ, открывшимъ книжную лавку въ Харьковѣ ¹⁾. Университетская библіотека получила въ этомъ году только слѣдующія приращенія: коллекцію древнихъ сочиненій, купленную въ г. Дубно попечителемъ (107 т.); самъ университетъ приобрѣлъ 871 т.; изъ университетской типографіи получено было 30 т.; пожерт-

gers en ballots ou caisses et arriverait à la douane de Riga, ne soit point visité après avoir été plombé, jusqu'à Kharkow. 7) Après l'envoye des livres, lorsqu'elles seront arrivés à Kharkow et leur reception à l'Université, je dois recevoir mon payement sans delay pour tous les livres envoyés par moi et ce qu'avait coûté leur transport, en billets de banque, en se conformant au cours de l'argent, le quel alors aura lieu à Riga, pour quel raison je suis obligé lors de chaque envoye des livres envoyer en même temps le pris-courant de Riga. 8) A compter du jour de la conclusion du present contract, je me nommerais agent pour la partie des livres de la dite Université de Kharkow. Toutes les conditions susmentionnées, je les conserverai inviolablement et les executerai avec précision. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г. о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ, № 61, стр. 22, 29).

¹⁾ Этотъ Ф. Ластъ въ 1807 году заключилъ самостоятельный контрактъ съ правленіемъ университета слѣдующаго содержанія: „1807 года сентября, я, нижеподписавшійся, шведскій уроженецъ Фридрихъ Ластъ, далъ сей контрактъ правленію Императорскаго харьковскаго университета въ томъ, что принимаю на себя быть книгопродавцемъ сего университета на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ книги, какія мнѣ препоручаемо будетъ выписывать для университета или для профессоровъ, адъюнктовъ, учителей или студентовъ оного, такожъ для училищъ, подвѣдомыхъ сему университету, имѣю я поставлять въ теченіе не болѣе какъ 6 мѣсцевъ отъ времени даннаго мнѣ препорученія, получая за оныя съ моею доставкой цѣны, означенныя въ лейпцигскихъ каталогахъ съ надбавкою 15%, исключая древнія книги или таковыя сочиненія, кои не находятся въ оныхъ каталогахъ, въ какомомъ случаѣ долженъ я представить фактуры отъ того, у кого они куплены и получить уже надбавки не 15, а 25%. 2) На первый случай беру я на себя выписать книги для библіотекъ двухъ гимназій по каталогу, какой мнѣ данъ будетъ. 3) Если правленіе его найдетъ нужнымъ отпустить мнѣ для распродажи нѣкоторое количество книгъ, печатанныхъ въ университетской типографіи, то долженъ я ихъ продавать, не налагая болѣе 5% сверхъ положенной университетомъ цѣны и вырученныя за нихъ деньги помѣсячно представлять въ правленіе. 4) Университетъ съ своей стороны даетъ мнѣ соразмѣрную квартиру, но не прежде, какъ будущей весною. 5) Вмѣстѣ съ наименованіемъ университетскаго книгопродавца, имѣю я состоять подъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ университета, не получая однакожъ чрезъ то никакого права выписывать на имя и щетъ университета книги или что-либо другое и университетъ ни въ чемъ за меня не отвѣчаетъ, исключая когда мнѣ таковая выписка поручена будетъ, въ которомъ случаѣ данъ будетъ мнѣ отъ университета особый на сіе видъ. 6) Если я, Ластъ, окажусь поступившимъ въ чемъ-либо несогласно съ выше-прописанными условіями, то вмѣстѣ съ наименованіемъ университетскаго книгопродавца лишася и всѣхъ преимуществъ, доставляемыхъ мнѣ симъ наименованіемъ отъ университета. Fridrich Last. (Харьк. университетскій архивъ. Дѣло правленія 1807—1808 гг., по архиву № 213, по картону № 14).

вовано разными лицами 96 т., всего около 1000 т., а вмѣстѣ съ прежними 8520 т. Въ 1808 году новый комиссіонеръ университета Гартманъ доставилъ, наконецъ, правленію часть его заказа — 1145 книгъ; сверхъ того въ университетскую библіотеку поступило: 379 томовъ, купленныхъ университетомъ, 144 т., подаренныхъ разными лицами, 19 том. отпечатанныхъ въ университетской типографіи, всего 1687 т. Въ 1809 году въ библіотеку поступило 1044 т. (отъ Гартмана по контракту 464 т., куплено университетомъ 233 т., куплено у проф. Якоба 300 т., пожертвовано 27 т., изъ университетской типографіи 40 т.), а съ прежними было 12261 т. Въ 1810 году библіотека пополнена была всего только 376 томами книгъ и сверхъ того было куплено у проф. Гута нѣсколько астрономическихъ атласовъ XVIII вѣка. Въ 1811 году въ библіотеку поступило 709 том. (главнымъ образомъ отъ комиссіонера Гартмана) и въ 1812 году 925 том. (въ томъ числѣ отъ Гартмана 407 т., выписано изъ Лейпцига 97 т., куплено у разныхъ лицъ 215 т., подарено 179 т., доставлено изъ университетской типографіи 27 т.). Всего въ 1812 году въ ней было 14271 томъ¹⁾. Таковъ былъ ростъ книжныхъ богатствъ харьковской университетской библіотеки. Богатства эти, какъ мы видимъ, возрастали довольно медленно; но причина этой медленности лежала не въ скудости нужныхъ для этого матеріальныхъ средствъ²⁾, а въ трудности пріобрѣтать книги изъ-за границы. Въ 1806 и 1807 годахъ было ассигновано на пріобрѣтеніе книгъ 14000 руб., т. е. въ 7 разъ болѣе, чѣмъ полагалось по штату, а между тѣмъ выписка ихъ затянулась на многіе годы. Мы видѣли, какими огромными для своего времени средствами располагалъ университетъ, какіе крупные у него ежегодно бывали остатки, какъ много, наконецъ, онъ затрачивалъ изъ своихъ хозяйственныхъ суммъ на библіотеку. Но ему трудно было организовать дѣло выписки книгъ изъ-за границы: здѣсь оказывались несостоятельными сами комиссіонеры; важное значеніе имѣло также и то обстоятельство, что университетъ усердно защищалъ „казенный интересъ“ и не хотѣлъ платить за книги высокихъ цѣнъ. Иногда доставкѣ книгъ мѣшали политическія обстоятельства. Такъ, въ 1808 году комиссіонеръ Гартманъ доводилъ до свѣдѣнія правленія, что при тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ боится отправить моремъ изъ Любека въ Ригу книги, предназначенныя для Харьковскаго университета, и испрашивалъ разрѣше-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; наши цифры нѣсколько не сходятся съ цифрами Фойгта (см. „Ист. стат. зап.“, стр. 25—26).

²⁾ Въ 1812 году университетъ рѣшилъ пріобрѣсти полное собраніе сочиненій Гумбольдта, хотя оно стоило по тогдашнему курсу около 2000 руб. ассигнаціями. (Харьк. университет. архивъ. Журналы правленія 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 15 апрѣля).

нія отправить ихъ сухимъ путемъ, что, впрочемъ, должно было значительно увеличить стоимость пересылки и ввести въ лишніе расходы университета. Правленіе поручило Гартману подождать съ перевозкою книгъ изъ Любека, пока не явится возможность доставить ихъ морскимъ путемъ¹⁾.

Съ чувствомъ признательности историкъ университета долженъ отмѣтить имена тѣхъ лицъ, которыя увеличили путемъ пожертвованій книжныя сокровища харьковской университетской бібліотеки. Первымъ жертвователемъ былъ тотъ самый харьковскій епископъ Христофоръ Сулима, который и раньше проявлялъ большое сочувствіе къ университету и произнесъ при открытіи его прекрасную рѣчь о пользѣ просвѣщенія. Его считали прежде не особенно образованнымъ и литературнымъ человѣкомъ, но уже о. Ник. Лащенко въ своей прекрасной, обстоятельной монографіи о немъ опровергъ это ходячее мнѣніе. Теперь, просматривая списокъ пожертвованныхъ имъ книгъ (сохранившійся въ дѣлахъ университета), мы приходимъ къ убѣжденію, что епископъ Христофоръ далеко не чуждался науки и литературы. Онъ пожертвовалъ университету 66 названій книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, относящихся къ богословію, философіи, исторіи и литературѣ: тутъ мы находимъ, напримѣръ, такія сочиненія, какъ *Müller-Institutiones Theologiae*, *Metaphisica Holmani*, *Sistema antiquitatum judaicarum*, нѣмецкую біблію Лютера, польскія проповѣди, нѣмецкую исторію о Петрѣ Великомъ, исторію Пруссіи на нѣмецкомъ языкѣ, философію Аристотеля на польскомъ языкѣ, труды Овидія Назона, русскую поэзію, много лексиконовъ²⁾ и т. п. И другой іерархъ—екатеринославскій архіепископъ Платонъ—въ знакъ признательности къ университету за присылку къ нему программъ и рѣчей, пожертвовалъ въ университетскую бібліотеку нѣсколько древнихъ изданій, между которыми отмѣтимъ польскую біблію, изданную въ Торунѣ въ 1632 году, всеобщую исторію на латинскомъ языкѣ, доведенную до 1493 года, проповѣди ксенза Якова Вуйка на польскомъ языкѣ, изданныя въ Краковѣ въ 1590 году³⁾.

Изъ свѣтскихъ лицъ сдѣлали болѣе крупныя пожертвованія книгами слѣдующія лица. В. Н. Каразинъ преподнесъ въ даръ нѣсколько старинныхъ изданій, а именно: Петербургскій календарь 1715 года (т. е. если не первый, прибавляетъ отъ себя В. Н. Каразинъ, то одинъ изъ первыхъ, изданный гораздо ранѣе учрежденія академіи наукъ), 6 диссертаций, изъ коихъ двѣ принадлежать къ древнѣйшимъ, представлен-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 30 марта 1808 года.

²⁾ Ibidem; журналы правленія 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 14 апрѣля.

³⁾ Ibidem; журналы 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 18 октября.

нымъ въ Дерптскій университетъ, современное описаніе Полтавской битвы (*Αποθέσις*), *Les forces de l'Europe*, изданную въ Парижѣ въ 1694 г., экземпляръ карты Россійской Имперіи 1795 года и біографію Лефорта ¹⁾. Въ 1808 году пожертвовалъ обширную и цѣнную коллекцію книгъ извѣстный намъ курскій купецъ Хлаповинъ, получившій въ Харьковскомъ университетѣ степень доктора философіи; въ этой коллекціи было 300 названій въ 700 томахъ по философіи, филологіи, исторіи и политикѣ, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ ²⁾. Профессоръ Каменскій принесъ въ даръ въ 1813 году около сотни названій книгъ, преимущественно по медицинѣ на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, изданія нач. XIX, XVIII и отчасти XVII вѣка ³⁾. Не указываемъ цѣлаго ряда болѣе мелкихъ пожертвованій, поступившихъ отъ генерала Неклюдова, графа Хвостова, А. Палицына, Селиванова, академика Гурьева, Богдановича и друг.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о выпискѣ въ университетскую бібліотеку періодическихъ изданій. Ихъ первоначально выписывали черезъ почтамтъ, принимавшій на себя эту комиссію и получавшій, очевидно, отъ этого нѣкоторую выгоду. Но такъ какъ благодаря такому посредничеству пересылка обходилась дорого, то университетъ ходатайствовалъ черезъ попечителя передъ министромъ о разрѣшеніи непосредственной выписки ихъ изъ Лейпцига отъ тамошняго книгопродавца Швечке. Министръ сперва не уважилъ этой просьбы, потому что такая выписка была запрещена закономъ ⁴⁾, но потомъ возбудилъ ходатайство передъ Верховною властью объ отмѣнѣ этого запрещенія, и университетъ сталъ выписывать научные журналы прямо изъ-за границы. Въ 1810 году такихъ журналовъ выписывалъ университетъ 20, въ томъ числѣ 14 на нѣмецкомъ и 6 на французскомъ языкѣ ⁵⁾. Что же касается

¹⁾ Ibidem; журналы 1807 г., май—августъ; засѣданіе 12 августа и дѣло правл. 1805 г., № по архиву 90 и по картону № 5.

²⁾ К. Фойгта. Ист. стат. зап., стр. 26; см. также харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 февраля.

³⁾ Полный перечень ихъ см. въ харьк. унив. архивѣ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. языкахъ, 1813 г., № 52, стр. 213, 266.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1809 г., № 22.

⁵⁾ Вотъ перечень ихъ: 1) *Hallische Literatur-Zeitung*; 2) *Ienäische Liter. Zeit.*; 3) *Göttinger gelehrte Zeitung*; 4) *Medicinisch Chirurg.*; 5) *Minerva von Archenholz*; 6) *Medicinische Annalen*; 7) *Zachs monatlicher correspondent*; 8) *Zeiten von Woss*; 9) *Huflands Medicinisches Journal*; 10) *Thäers Annalen akerbaums*; 11) *Gilbert Annalen*; 12) *Geografische Ephemeriden*; 13) *Voigts Magazin*; 14) *Allgemeines repertorium der litteratur*; 15) *Magazin Encyclopedique*; 16) *Journal de physique*; 17) *Journal de la litterature de France*; 18) *Annales de Chimie*; 19) *Journal des mines*; 20) *Revue litteraire* (Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 3 марта).

журналовъ политическихъ, то на нихъ былъ строгій интердиктъ, такъ что изъ выписанной въ 1809 году и лежавшей въ Бродахъ у комиссiонера Ласкевича серiи были исключены *Politische Zeitung*, *Minerva von Archenholz*, *Zeiten von Voss* и *Decades philosophiques* ¹⁾. Изъ списка на 1810 годъ (извѣстнаго намъ) былъ также исключенъ по этой причинѣ журналъ *Minerva von Archenholtz* ²⁾. Русскихъ повременныхъ изданiй выписывалось въ 1811 году 9 ³⁾.

Но университетъ не только заботился объ увеличеніи состава своей библіотеки, онъ выработалъ цѣлый рядъ правилъ относительно пользованiя ею, въ дополненiе къ тѣмъ распоряженiямъ, которыя опредѣлены были уставомъ. Правила эти были таковы (по редакціи, выработанной совѣтомъ въ 1806 году): 1) библіотека должна быть открыта лѣтомъ отъ 10 до 12 и отъ 3 до 5 час., а зимою—отъ 10 до 12 и отъ 3 до 4 час., за исключенiемъ праздничныхъ и табельныхъ дней; 2) для чтенiя отводится отдѣльная комната; 3) книги должны читаться только въ этомъ помѣщенiи; 4) при этомъ долженъ находиться всегда библіотекаръ или его помощникъ; 5) запрещается шумѣть, кричать или громко читать въ библіотекѣ и читальной комнатѣ; 6) студентамъ могутъ выдаваться книги на домъ только за поручительствомъ профессоровъ, а словарей и книгъ съ эстампами нельзя было выдавать имъ даже и при такомъ условiи; 7) сверхъ того было рѣшено, чтобы журналы и газеты не выдавались никому на домъ ранѣе 2-хъ недѣль со времени полученiя ихъ библіотекой, т. е. пока не прочтутъ ихъ тутъ всѣ профессора и адъюнкты ⁴⁾. Въ томъ же 1806 году была произведена, по порученiю совѣта, проф. Шнаубертомъ и адъюнктомъ Совиньи ревизiя библіотеки и все вужное количество книгъ найдено въ цѣлости. Въ 1810 году рѣшено было совѣтомъ, по предложенiю ректора, снова обревизовать библіотеку, для чего избрать по два представителя отъ каждого факультета. Но избранные для этой цѣли на математическомъ факультетѣ профессора (Шнаубертъ и Гуть) заявили, что этого сдѣлать будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока библіотека не будетъ приведена въ надлежащiй порядокъ, т. е.: 1) всѣ шкафы ея по порядку не будутъ означены латинскими буквами (А, В, С, D и т. д.), полки каждого шкафа — рим-

¹⁾ Харьк. универс. архивъ. Журналы правленiя 1810 г., май—августъ; засѣданiе 23 iюня;

²⁾ Ibidem, сентябрь—декабрь, засѣданiе 29 сентября.

³⁾ А именно—Сѣверная пчела, Русскiй Вѣстникъ, Московскiя вѣдомости, Санкт-петербургскiя сенатскiя вѣдомости, Сѣверная почта, Повременное изданiе, Подная система домоводства, Вѣстникъ Европы, Цвѣтникъ изданiя Измайлова (Харьк. универс. архивъ. Дѣло Правленiя 1810 года, № по архиву 480, по картону 26).

⁴⁾ Харьк. универс. архивъ. „Исторiя дѣлъ“.

скими знаками (I, II, III), а мѣста книгъ—арабскими цифрами (1, 2, 3 и т. д.); 2) на корешкѣ каждой книги не будутъ означены номеръ шкафа, полки и мѣста; 3) тоже не будетъ сдѣлано и въ каталогѣ передъ заглавіемъ книги. Совѣтъ, вполне сознавая необходимость этихъ мѣръ, поручилъ привести ихъ въ исполненіе бібліотекарю проф. Белленъ-де-Баллю и харьковскому книгопродавцу иностранцу Фр. Ласту¹⁾.

Въ 1811 году совѣтъ постановилъ, чтобы правила о пользованіи университетской бібліотекой были прибиты къ ея дверямъ съ новыми прибавленіями слѣдующаго содержанія: лѣтомъ бібліотека будетъ открыта только отъ 11 до 12 часовъ; всѣ лица, берущія книги, обязаны доставлять ихъ ко времени ревизіи бібліотечнаго имущества; о выходѣ студентовъ изъ университета должно быть заранѣе выставлено объявленіе на черной доскѣ, чтобы профессора могли отобрать отъ нихъ взятые на ихъ имя изъ университетской бібліотеки книги. Въ виду того, что ректору была возвращена однимъ постороннимъ лицомъ цѣлая связка гамбургскихъ газетъ, выданныхъ изъ университетской бібліотеки бывшимъ помощникомъ бібліотекаря Рейнишемъ, постановлено было внушить бібліотекарю и помощнику его, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не давали изъ университетской бібліотеки ни книгъ, ни журналовъ постороннимъ лицамъ, хотя бы они проживали въ Харьковѣ; чтобы немедленно по полученіи съ почты газетъ, ихъ отдавали въ читальную комнату при бібліотекѣ, а на другой день послѣ полудни выдавали и на домъ, съ тѣмъ чтобы каждый, прочтя ихъ, передавалъ другому. Въ этомъ же году совѣтъ рѣшилъ произвести и ревизію бібліотеки, для чего избрано было по одному представителю отъ cadaго факультета (Шмерфельдъ—отъ математическаго, Калкау—отъ медицинскаго, Лангъ—отъ этико-политическаго и Роммель—отъ словеснаго) и къ нимъ присоединено 4 кандидата. Но въ это же время получено было увѣдомленіе отъ министра народнаго просвѣщенія о переводѣ бібліотекаря Белленъ-де-Баллю въ Петербургскій педагогическій институтъ. Въ виду этого немедленно бібліотекаремъ былъ избранъ проф. Дюгуровъ и ему поручено принять книги отъ его предмѣстника по особому алфавитному каталогу, составленному на основаніи правленскихъ каталоговъ подъ руководствомъ ректора Стойковича. При этомъ обнаружилось отсутствіе нѣкоторыхъ книгъ и съ проф. Белленъ-де-Баллю было взято обязательство, что, если онѣ не отыщутся, то онъ долженъ будетъ пополнить ихъ на свой счетъ²⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Подлинный отчетъ за 1811 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1812 г. № 71) ср. также „Исторію дѣлъ“.

Изъ представленныхъ фактовъ можно, кажется, было убѣдиться, что библіотека служила предметомъ большихъ заботъ университетской коллегіи и хотя она возрастала далеко не такъ быстро, какъ этого требовали интересы учащихся и учащихся (припомнимъ здѣсь кстати, что профессора европейскихъ университетовъ не рѣшались переѣзжать въ Харьковъ вслѣдствіе скудости ея состава), но въ этомъ едва ли можно особенно винить дѣятелей университета; это зависѣло главнымъ образомъ отъ трудностей, сопряженныхъ съ доставкою книгъ изъ за границы. Нельзя также не отмѣтить первыхъ (хотя правда слабыхъ) попытокъ привести въ порядокъ книжныя богатства библіотеки и сдѣлать ихъ доступными для пользованія.

Гораздо шире и удачнѣе было поставлено дѣло университетской типографіи. Хотя для нея и не отпускатось штатной суммы, но въ деньгахъ она никогда не нуждалась: мы видѣли, что на нее дѣлались большія затраты изъ хозяйственнаго фонда. Благодаря этому, дѣятельность ея сразу приняла широкіе размѣры. До открытія университета въ Харьковѣ, быть можетъ ¹⁾, существовала только небольшая типографія приказа общественнаго призрѣнія. Выражаемся такъ осторожно, потому что не имѣемъ о ней никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Раньше вообще существовало мнѣніе, что университетская типографія была первою по времени въ Харьковѣ. Но этому противорѣчитъ фактъ напечатанія въ Харьковѣ двухъ сочиненій ²⁾ въ 1805—1806 гг. въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія. Эта типографія существовала, слѣдовательно, въ 1805 году, но основана она могла быть и раньше—еще до открытія университетской ³⁾. Какъ бы то ни было, университетская типографія занималась весьма усильно печатаніемъ не только университетскихъ изданій (какъ увидимъ далѣе, сравнительно довольно многочисленныхъ), но и трудовъ постороннихъ

¹⁾ У Харьковскаго губернатора Щербинина была мысль о заведеніи типографіи при мѣстномъ коллегіумѣ; но намъ кажется, что она не была приведена въ исполненіе. Если бы при Харьковскомъ коллегіумѣ существовала своя типографія, то о ней мы знали бы что-нибудь изъ документовъ, имѣли напечатанныя въ ней изданія, а между тѣмъ самыя раннія изъ извѣстныхъ намъ сочиненій, изданныхъ отъ имени коллегіума, даже на его счетъ, напечатаны частію въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія, частію въ университетской.

²⁾ Вотъ ихъ подлинныя заглавія: 1) „Хозяйственный способъ узнавать погоду въ 1806 г. Харьковъ, 1805. Въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія; 2) Изліяніе благодарныхъ чувствъ его сіятельству кн. А. М. Голицыну отъ питомцевъ, обучающихся въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1806 г. Въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія.

³⁾ Доказательствомъ этого являются два мѣсяцеслова, напечатанные въ Харьковѣ въ 1797-й и 1799-й годы (Сир. Сл. Гениади, II, 365 стр.).

лицъ. Можно сказать, что въ ней сосредоточено было печатаніе всѣхъ научныхъ и литературныхъ произведеній г. Харькова, харьковской губ. и сосѣднихъ мѣстностей. Типографія, слѣдовательно, одинаково служила какъ духовнымъ нуждамъ университета, такъ и мѣстнаго общества. Выше мы рассказали о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты были еще комитетомъ правленія въ 1804 г. по отношенію къ устройству университетской типографіи (стр. 148). Въ 1805 году продолжалось литье въ типографіи русскихъ шрифтовъ, чѣмъ занималось трое специально нанятыхъ для этого работниковъ; къ концу года было вылито шрифта 66 п. 15 ф. Иностранные шрифты были заказаны въ Лейпцигѣ и ихъ отправлено было оттуда въ Харьковъ 2 транспорта въ 214 пудовъ ¹⁾. Такъ какъ типографія приготовлена была къ началу работъ, то въ Москвѣ законтрактованы были наборщикъ, тередорщикъ и батырщикъ, причемъ первымъ двумъ назначено было жалованья по 300 р. въ годъ и по 30 р. квартирныхъ, а третьему по 120 р. Наборщикъ также обязался обучить своему ремеслу одного или двухъ учениковъ, для чего ему и были отданы два казеннокоштныхъ воспитанника слободскоукраинской гимназій.

Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій выказывалъ вниманіе и заботу о типографіи и обратился, между прочимъ, въ правленіе съ заявленіемъ, въ которомъ говорилось, что „сдѣланное университетомъ распоряженіе о поспѣшнѣйшей доставкѣ иностранныхъ литеръ, заготовляемыхъ лейпцигскими словолитчиками, и снабженіи типографіи нужными матеріалами его сіятельство одобряетъ; и такъ какъ правленіе въ доведеніи своемъ упоминаетъ, что російскихъ буквъ отлито уже достаточное количество, то попечитель находитъ возможнымъ и прежде еще полученія иностранныхъ литеръ приступить къ печатанію русскихъ книгъ; для этого же необходимо прежде всего обстоятельно узнать петербургскія и московскія цѣны за наборъ и печать, а, собравъ эти справки, сдѣлать объявленіе въ газетахъ объ открытіи дѣйствій типографіи и пригласить дѣлать заказы на печатаніе русскихъ книгъ; если же при этомъ будетъ сдѣлана нѣкоторая уступка, противъ столичныхъ цѣнъ, то можно надѣяться, что типографія не останется безъ дѣла, и такимъ образомъ будетъ мало по малу возвращаться затраченный на нее капиталъ. Въ заключеніе попечитель замѣтилъ, что шрифтъ, которымъ напечатано объявленіе объ открытіи университета, кажется ему нѣсколько крупнымъ и что желательно было бы имѣть и болѣе мелкій ²⁾.

¹⁾ Заказъ исполненъ былъ словолитчикомъ Гертелемъ, причемъ сношенія принялъ на себя проф. Шадъ (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 31 іюля).

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 1 августа.

Это вниманіе къ нуждамъ университета и его типографіи со стороны С. О. Потоцкаго проявилось также въ его стараніи добыть для нея по сходной цѣнѣ бумагу. „По представленію университета для пріисканія подрядчика на поставку для него разнаго рода бумаги употреблялъ я старанія, но они оказались безуспѣшными; почти никто изъ здѣшнихъ петербургскихъ промышленниковъ не согласился взять этого подряда по той цѣнѣ, которая обозначена на образцахъ, доставленныхъ университетомъ; поэтому остается одно—пріискать ихъ самому университету въ Москвѣ или другихъ городахъ. Въ виду этого правленіе обратилось въ Московскій университетъ, съ просьбою сообщить, по какимъ цѣнамъ ему доставляли бумагу подрядчики. Бумага впослѣдствіи дѣйствительно выписывалась изъ Москвы при посредствѣ принявшаго на себя эту комиссію харьковскаго купца (изъ Вереи) Щелкова ¹⁾).

Первыя дѣйствія типографіи начались печатаніемъ циркулярныхъ предписаній, извѣщеній, формъ, вѣдомостей, для разсылки ихъ директорамъ, и разныхъ мелкихъ объявленій постороннихъ лицъ; потомъ 20-го сентября начала печататься первая книга — „Риторика“ ректора *Рижскаго*, а вслѣдъ за нею пошли сочиненіе профессора *Шумлянскаго* „Мысли о способахъ противъ пожаровъ“ и *Рижскаго* „Введеніе въ кругъ словесности“. Еще въ 1804 году С. О. Потоцкій выразилъ желаніе, чтобы въ университетской типографіи могли печататься ноты. Вслѣдствіе этого университетъ заказалъ художнику Петерсону сдѣлать штемпеля для набиванія на оловянныхъ доскахъ нотныхъ знаковъ и изготовить двѣ мраморныя плиты съ желѣзными линейками; онъ же согласился выучить этому искусству и двухъ учениковъ и доставить на счетъ университета станки и оловянные доски. Въ обученіе къ Петерсону былъ опредѣленъ пѣвчій хора слободскоукраинской гимназій кол. рег. Виноградскій, который быстро выучился набивать ноты. На пріобрѣтеніе матеріаловъ для типографіи денегъ не жалѣли; такъ въ 1806 г. еще было вылито 40 пуд. шрифта и куплено разныхъ инструментовъ на 2424 руб. Въ это время обратился въ правленіе В. Н. Каразинъ съ просьбой выдать ему изъ университетской типографіи одинъ печатный станокъ съ необходимымъ запасомъ русскаго и небольшимъ количествомъ латинскаго и греческаго шрифта для печатанія задуманнаго имъ журнала. Правленіе призвало въ засѣданіе типографскаго фактора, который объявилъ, что можно отдать, безъ ущерба для дѣла, только одинъ станокъ съ принадлежностями, но безъ шрифта. Правленіе, сочувствуя „предпріятію В. Н. Каразина, клонящемуся къ пользѣ здѣшняго края“, рѣшило дать ему станокъ (безъ буквъ) на три года подѣ

¹⁾ Ibidem, журналы 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 19 февраля.

условіемъ представленія съ его стороны законнаго поручительства (залога) въ исправномъ его возвращеніи. Захотѣлъ ли воспользоваться В. Н. Каразинъ предложеніемъ правленія на такихъ условіяхъ, изъ дѣла не видно; думаемъ впрочемъ, что нѣтъ, ибо и самый проектъ журнала его не осуществился, и свои сочиненія онъ въ послѣдствіи печаталъ въ университетской типографіи ¹⁾. И въ послѣдствіи количество шрифта и инструментовъ постоянно увеличивалось—приобрѣтались наборные ящики или кассы, реалы, линейки, молоты, плиты, корректурныя шила, деревянная посуда, мѣдная доска съ вырѣзкою украшеній для дипломовъ, смывательныя доски. Въ 1809 г. личный составъ служащихъ въ типографіи былъ таковъ: два наборщика съ 5 учениками, три тередорщика, три батырщика, словолитчикъ съ ученикомъ и работникомъ; печатаніе могло происходить на трехъ и даже четырехъ станкахъ.

Чтобы дать понятіе о размѣрахъ дѣятельности университетской типографіи, приведемъ въ примѣчаніи ²⁾ имѣющіяся въ нашемъ распо-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 г., январь—июнь; засѣданіе 23 апрѣля.

²⁾ Въ 1805 году напечатаны были: 1) „Опытъ риторики“ проф. Рижскаго 2-е изд., 405 стр., 1200 экз.; 2) Шумлянскаго. Мысли о способахъ противъ пожаровъ, 31 стр., 200 экз. Въ 1806 году: 1) Рижскій. Введеніе въ кругъ словесности, ч. 1—2, 108, IV стр., 600 экз.; 2) Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ классическихъ писателей, по руководству Гедике, 467 стр., 1200 экз.; 3) Собраніе примѣровъ для наставленія въ начальномъ познаніи латинскаго языка по руководству Гедике, 119 стр.; 4) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи 17 января 1805 года при открытіи Имп. Харьковскаго университета, 34 стр., 330 экз.; 5) Рѣчи говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, 17 января 1806 года, 39 стр., 330 экз.; 6) Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральныхъ водъ, открытыхъ въ губерніи Подтавской въ Константиноградскомъ повѣтѣ при р. Орелѣ, 40 стр., 570 экз. (извлеченіе изъ донесеній Гизе и Шумлянскаго); 7) Обзоръ публичныхъ преподаваній, имѣющихъ быть отъ 17 августа 1806. г по 30 іюля 1807 г. въ Имп. Харьковскомъ университетѣ на руссійскомъ и латинскомъ языкахъ; 8) Плачъ пансіона при Харьковской гимназій, присланный попечителемъ сего университета, 1000 экз.; 9) Гамперле. Объ обязанностяхъ студентовъ; 10) Белленъ-де-Баллю. Systema novum docendi et discendi linguam latinam. Въ 1807 году: 1) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета 30 августа 1806 г.; 2) Наставленіе въ должности опредѣляемымъ по синодальному указу семинарскимъ инспекторамъ; 3) А. Палицына. Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени, 70 стр., 1200 экз.; 4) Проф. Стойковича, О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи, 270 стр., 2215 экз.; 5) Экономическій календарь на лѣто 1807 е, сочиненный для малороссійскаго, украинскаго и южной Польши горизонта. Пер. съ польскаго, на 3½ л., 300 экз.; 6) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи университета, бывшемъ 17 января 1807 года, 42 стр.; 7) Рѣчи, гово-

раженіи данныя о книгахъ и брошюрахъ, отпечатанныхъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ ея существованія.

Такой перечень необходимо было составить въ виду того, что данныя К. Фойгта оказываются очень недостаточными и не даютъ полнаго представленія о размѣрахъ печатной дѣятельности университетской типографіи. Въ этомъ легко убѣдиться, если сравнить ихъ съ гораздо болѣе полными свѣдѣніями по этой части въ обзорѣ Чирикова ¹⁾. Кропотливая, огромная работа этого изслѣдователя харьковской литературной старины даетъ намъ свѣдѣнія о массѣ такихъ сочиненій, о которыхъ вовсе не упоминается у Фойгта. Къ сожалѣнію, трудъ Чирикова былъ напечатанъ уже послѣ его смерти; авторъ не успѣлъ написать къ нему предисловія и не объяснилъ намъ, какими источниками онъ пользовался при его составленіи. На одинъ источникъ впрочемъ дѣлаются частыя ссылки въ самомъ текстѣ труда — это именно на библиографическіе указатели, въ томъ числѣ на извѣстную роспись книгъ Смирдина.

ренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковского университета, бывшемъ 30 августа 1807 г., 76 стр.; 8) А. Палицына. Игорь, героическая пѣснь, съ древней славянской пѣсни, VI, 42 стр., 1200 экз.; 9) Разсужденія, извлеченныя изъ сочиненія Геллерта. Переведено съ нѣмецкаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 71 стр., 100 экз.; 10) Астрономическій и экономическій календарь на лѣто 1808-е, изд. А. Вѣлоусовымъ на 3 л., 300 экз.; 11) Наставленіе для священно- и церковно-служителей Курской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и потомъ въ семинаріи посылать (арх. Θεоктиста), ⁵/₈ листа, 1000 экз.; 12) Tableaux des déclinaisons latines (проф. Белленъ-де-Валлю), 50 экз.; 13) Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperiuntur in bibliotheca universitatis Imperialis, quae Charcoviae floret (его же); 14) Собраніе примѣровъ для наставленія въ начальномъ познаніи латинскаго языка по руководству Гедике, ч. 2-я, 1200 экз.; 15) Проф. Шада. De vi philosophiae in reliquis scientiis; 16) Правила для казеннокоштныхъ студентовъ; 17) Обозрѣніе публичныхъ чтеній, имѣющихъ быть отъ 17 августа 1807 по 30 июня 1808 г.; 18) Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ Кочубея, 32 стр., 515 экз. Въ 1808 году: 1) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи Имп. Харьковского университета, бывшемъ 17 января 1808 г., 86 стр.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковского университета 30 августа 1808 г., 52 стр.; 3) Biberstein Fr. Flora Tauro-Caucasica, т. I, 428 стр., т. II, 477 стр., 1200 экз.; 4) Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ Кочубея, 2-е изд., 43 стр.; 5) Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Василія Каразина; 6) Хозяйственный календарь на лѣто Господне 1808-е, переведенный съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 104 стр.; 7) Богословскія предложенія изъ трактата богословскаго о созданіи міра и промыслѣ Божіемъ, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ ректоромъ его протоіереемъ А. Прокоповичемъ; 8) Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ

¹⁾ Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г. ²⁾ въ Харьковскомъ Сборникѣ за 1890 г.).

Этотъ то источникъ увеличилъ весьма замѣтно общее число книгъ, отмѣченныхъ Чириковымъ, сравнительно со спискомъ Фойгта. Затѣмъ авторъ пользовался повидимому и матеріалами Харьковскаго универси-

преподаваемыхъ священно- и церковно-служительскимъ Курской епархіи дѣтямъ, въ малыхъ духовныхъ училищахъ обучающихся; 9) Ода подъ заглавіемъ „Усерднѣйшее приношеніе отъ Курской епархіи выс. Θεоктисту въ день его тезоименитства“; 10) Календарь на лѣто Господне 1809-е переведенный съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 127 стр.; 11) Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ писателей, издана по руководству Гедике, ч. 2-я; 12) Обзорѣніе публичныхъ чтеній; 13) Объявленія о кожевенномъ заводѣ—Каразина. *Въ 1809 году*: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 іюня 1809 г., 33 стр., 450 экз.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1809 г., 46 стр., 450 экз.; 3) Стойковича. Начальныя основанія умозрительной и опытной физики, ч. 1-я, LIV, 213 стр., ч. 2-я, 450 стр. (переведена съ нѣм. рук. канд. Комлишинскимъ); 4) Извѣстіе объ испытаніи минеральной воды, открывшейся въ дачахъ помѣщика Денисенкова, Слоб. укр. губ., Изюмск. уѣзда, при дер. Быковѣ, 2½ л., 320 экз.; 5) Проф. Пильгера. Краткія разсужденія о свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ между рогатымъ скотомъ заразы, 15 стр., 1200 экз.; 6) Проф. Пильгера. Разсужденія о теченіи и излѣченіи овечьей оспы, 816 экз.; 7) Проф. Пильгера, Краткое практическое руководство къ излѣченію болѣзней собакъ. Перев. съ нѣмецк. Алек. фонъ-Келеръ, 620 экз.; 8) Таблицы о сколотѣченіи, составленныя Ф. Пильгеромъ; 9) *Chrestomatia poetica*. Curavit Belin-de-Ballu, т. 1-й, 364 стр., т. 2-й, 339 стр.; 10) Латинская грамматика Бредера, 14⅛ л., 1200 экз.; 11) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е, изд. А. Бѣлоусовымъ, 4 л., 600 экз.; 12) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е, изд. А. Бѣлоусовымъ, 4½ л., 1000 экз.; 13) Календарь на лѣто Господне 1809-е (изд. Прокоповичемъ), 127 стр.; 14) Календарь на лѣто Господне 1810-е, переведенный съ польскаго (изд. подъ ред. прот. Прокоповича), 3½ л., 600 экз.; 15) Р. Успенскаго. Наставленіе учителямъ для составленія истор., топогр. и стат. зап.; 16) Собраніе примѣтовъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латин. языка, ч. 3-я, 1200 экз.; 17) Прибавленія къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ на латинск. яз., составленныя проф. Якобомъ; 18) Латинскій переводъ университетскаго устава проф. Стойковича и Шада; 19) Стихи Делиля (на франц. яз.); 20) Положеніе о своекоштныхъ питомцахъ при гимназіи; 21) Обзорѣніе публичныхъ чтеній въ университетѣ; 22) Указъ о порядкѣ производства въ чины осемиклассные чиновниковъ гражданской службы. *Въ 1810 году*: 1) Орнатовскаго. Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики. 311 стр.; 2) Стойковича. О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи, XXXIV, 286 стр., 2550 экз.; 3) Bieberstein. *Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis* (съ 50 рис.) in fol. pars prima; 4) Главнѣйшія правила латинскаго словосочиненія (уч. Ан. Вербицкаго); 5) Александрова. Увеселительный садъ Е. И. В. Александра Павловича, 2-е изд., 6½ л., 600 экз.; 6) Pr. Jacob. *Grundriss der allgemeinen Logik für die gymnasien des Russischen Reichs*, 87 стр.; 7) Pr. Jacob. *Ausführliche Erklärung des grundrisses der allgemeinen logik*, 128 стр.; 8) Lang. *Grundlinien der politischen Arithmetik*, 216 стр., 600 экз.; 9) *Chrestomatia latina*. Curavit

тетскаго архива. Само собою разумѣется, что къ нему мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ: онъ допускаетъ возможность пробѣловъ, но не прямыхъ ошибокъ; эти послѣднія, если и найдутся, то толь-

В. С. Ch. P. A. P., 83 стр., 1200 экз.; 10) Богословскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ прот. Прокоповичемъ, 50 экз.; 11) Философскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 50 экз.; 12) *Dissertatio oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe Persarum rege, pro gradu doctoris humaniarum litterarum defendenda* a D. Gillet, 12 стр., 100 экз.; 13) Рѣчь, говоренная въ Павлоградскомъ уѣздномъ училищѣ при погребеніи ученика Майбороды, $\frac{1}{2}$ л., 500 экз.; 14) Мизко. Рѣчь, говоренная въ губ. собраніи дворянства Екат. губ. 7 стр., 900 экз.; 15) Слово говоренное арх. Никифоровъ, 300 экз.; 16) Рѣчь, говоренная въ день торжественнаго празднованія Войскомъ Черноморскимъ, при полученіи грамоты и знаменъ прот. Росинскимъ, 16 стр., 1053 экз.; 17) Начальныя основанія латинск. языка, 4 л., 3000 экз.; 18) Календарь на 1810 годъ, переведенный въ Екатеринославской семинаріи, $3\frac{1}{2}$ л., 800 экз.; 19) Календарь на лѣто Господне 1811-е (изд. Прокоповичемъ), $2\frac{1}{2}$ л., 800 экз.; 20) Календарь на 1811 годъ, изд. Вѣлюсовымъ, $4\frac{3}{4}$ л., 1200 экз.; 21) Подарокъ для дѣтей или новая руссійская азбука (изд. Вѣлюсова). Въ 1811 году— 1) Проф. Тимковского. Опытный способъ къ философическому познанію руссійскаго языка, 310 стр., 1200 экз.; 2) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 іюня 1810 г., 101 стр.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1811 г., 58 стр., 600 экз.; 4) Извѣстія о фило-техническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ 17 января и Высочайше утвержденномъ 10 марта 1811 г., 36 стр., 600 экз. (В. Н. Каразина); 5) Успенскаго. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, ч. 1-я, 156 стр., 605 экз.; 6) Извѣстіе о жизни и смерти проф. Имп. Харьк. университета Ив. Ст. Рижскаго, 43 стр., 1200 экз.; 7) О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, соч. Ф. Гизе. Пер. съ нѣмец. (В. Комлишинскаго обще съ Грозовымъ), 233 стр., 600 экз.; 8) *Chrestomatia latina*. Curavit A. Prokopowicz, 398 стр., 600 экз.; 9) Парпуры. Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому, $2\frac{1}{2}$ л., 600 экз.; 10) Вас. Масловича. Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь, пастушеская опера, 51 стр., 600 экз.; 11) *Specimen historiae Rossorum, pars prima, auctore Bernhardo Reith*, 101 стр., 500 экз.; 12) Belin de Ballu. *Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine*, $4\frac{1}{2}$ л., 600 экз.; 13) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, ч. 1-я, 2-е изд.; 14) *Dialogues des morts*. Соч. Фенелона, изд. по порученію и на счетъ университета проф. Белень-де-Валлю, $21\frac{3}{4}$ л., 1200 экз.; 15) *Dogmata orthodoxae fidei* (предложенныя ректоромъ Харьковск. коллегіума для публичныхъ состязаній), 100 экз.; 16) Дѣтское словесноесловіе и пѣснопѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія съ нотнымъ пѣніемъ, въ краткихъ правилахъ и примѣрахъ, 2-е изд., 131 стр.; 17) Ода въ день Воскресенія Христова, сочиненная Ветуховымъ (студентомъ Харьк. колл.), 100 экз.; 18) Бабушка съ внучкой. Повѣсть въ стихахъ. Т. С-л-в-н-въ, 4 стр.; 19) Слово проповѣданное арх. Діонисіемъ, при открытіи Орловской гимназіи; 20) Слово проповѣданное въ Сѣвской городской церкви при открытіи уѣзднаго училища

ко въ исключительныхъ случаяхъ. Для составленія своего перечня мы воспользовались трудами Чирикова, Фойгта, Рославскаго-Петровскаго и, наконецъ, данными, находящимися въ рукописной „Исторіи дѣлъ“, т. е.

арх. Дювасиємъ; 21) В. Н. Каразина. Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ дожоводствѣ, 2½ л., 100 экз.; 22) Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійск. Имп. общества, подъ названіемъ Филотехническаго, 32 стр., 600 экз.; 23) Надгробная рѣчь отъ лица Воронежскихъ гражданъ, сочиненная и говоренная Воронежскимъ полиціймейстеромъ Ал. Замахаевымъ, при выносі изъ дому тѣла Ворон. гражд. губ. А. Б. Сонцова, 1000 экз.; 24) Автоновскаго. Мысли при кончинѣ Ив. Ст. Рижскаго, ½ л., 150 экз.; 25) Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императ. Харьковскомъ университетѣ, 33 стр., 600 экз.; 26) Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ. Продолженіе 1-е, 89 стр.; 27) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1812 (Бѣлосова); 28) Плать и правила педагогическаго института, составленные проф. Ромжемлемъ; 29) Описаніе береговаго мяска въ г. Таганрогѣ на русск., греч., итальянскомъ и франц. яз.; 30) *Lectures instructives et morales sur differents sujets, tirés des meilleurs écrivains* (изд. университетомъ подъ редакціей проф. Белень-де-Баллю) LXXVIII, 222 стр. *Въ 1812 году*: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета, бывшемъ 17 января 1812 г., 67 стр.; 2) Записки о Слободскихъ полкахъ (Ильи Ив. Квитки), 90 стр., 150 экз.; 3) Karazin. *Memoire lu à la Société Imperiale des naturalistes (de Moscou)*, 10 стр.; 4) Утѣшеніе, твореніе Демутьера, перев. съ франц. канд. Ив. Одинецъ-Заставскій 8, 91 стр.; 5) Паратича. Краткая общая статистика европейскихъ государствъ, 181 стр., 1200 экз.; 6) Успенскаго. Опять повѣствованія о древностяхъ русскихъ, ч. 2-я, IV, 299 стр., 605 экз.; 7) *Memoria Greg. Terlaits, scripsit Athanasius Stoikovits* (и русскій переводъ студ. Лебединскаго) 9 и 11 стр., 500 экз.; 8) Начертаніе правилъ русскаго правописанія, составленное магистромъ Борзенковымъ 5000 экз.; 9) Размышленіе при гробѣ Ал. Андр. Раевской, 2½ л., 300 экз.; 10) Извѣстіе объ исчисленіи сукновальной земли въ дачахъ Канинста, I л., 270 экз.; 11) Pr. Kalcan. *Introductio ad studia medica*, 2 л., 400 экз.; 12) *Shad'i Institutiones philosophiae universae. Tomus primus, logicam puram et applicatam complectens*, VI, 365 стр., 505 экз.; 13) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, ч. 2-я и 3-я, 2-е изд.; 14) *Rommel'i, M. T. Ciceronis orationes selectae*, XLIII, 438, 1200 экз.; 15) Рѣчи, говоренныя при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ директоромъ училищъ Д. Мизко, 8 стр., 500 экз.; 16) Мизко. О свѣдѣніяхъ нужныхъ благочестивному человѣку, 11 стр., 500 экз.; 17) Правила Высочайше утвержденныя Харьковскаго общества благотворенія; 18) *Dissertatio inauguralis de tussi convulsivo. Conscripsit Ign. Netolitsky*, 3 л., 250 экз.; 19) *Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae caractere ejusque necessitate. Conscripsit Gust. Ad. Hess de Calve*, 160 экз.; 20) Харьковский ежемѣсячникъ, издаваемый Лангнеромъ, 12 номеровъ, 600 экз.; 21) Греческая азбука, изданная таганрогской гимназіей, I л., 600 экз.; 22) Азбука руссійская, изд. Глазунова, 5¼ л., 2400 экз.; 23) П. Срезневскаго. Побѣдная плѣнь россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта, 16 стр.; 24) Рѣчи, произнесенныя 27 янв. 1812 г. въ печальномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета послѣ погребенія проф. Калкау, 42 стр.; 25) Календарь на лѣто отъ Р. Х.

краткихъ отчетахъ о дѣятельности университета и его учебно-вспомогательныхъ учреждений за первое десятилѣтіе ихъ существованіи; намъ приходилось сопоставлять извѣстія этихъ источниковъ и пополнить одни

1812-е. Съ польскаго перевелъ и примѣчаніями дополнилъ А. Вербицкій; 26) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1812-е (Прокоповича), 1200 экз.; 27) Рѣчи, говоренныя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Имп. Харьковского университета, 111 стр.; 28) Регламентъ для таганрогской карантинной конторы на греч., итальянск., франц. и руссійскомъ языкахъ; 29) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковского университета, бывшемъ 30 августа 1812 года. *Въ 1813 году*: 1) Стойковича. Начальныя основанія физической географіи, 328 стр., 2000 экз.; 2) Стойковича. Начальныя основанія физической астрономіи, 252 стр.; 3) Его же. Система физики въ 3-хъ книгахъ съ фигурами XII, 473, 1200 экз.; 4) Гизе Ферд. Всеобщая химія. Съ нѣм. рук. пер. Вас. Комлишинскимъ ч. 1-я, 507 стр., 600 экз.; 5) Фихте Иванъ Готлибъ. Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи. Пер. съ нѣм. Ст. Ес—кій, XVI, 153 стр., 600 экз.; 6) Акермана. Разсужденіе о явленіяхъ медленнаго горѣнія. Перев. на русск. яз. Ив. Каменскимъ, 44 стр., 600 экз.; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковского университета, 17 января 1813 г., 47 стр.; 8) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковского университета 30 августа 1813 г., 68 стр.; 9) Chlaponin'a. Dissertatio inauguralis de principiis et objectis suti съ 3 прибавленіями, 170 стр.; 10) Майера. Объ опасности, сопряженной съ наружнымъ употребленіемъ мышьяка; 11) Карманная книга, содержащая въ себѣ нужныя для всякаго хозяина замѣчанія, 600 экз.; 12) Подарокъ городскимъ и сельскимъ экономамъ на новый 1814 г., изд. А. Вербицкимъ, 80 стр., 1200 экз.; 13) Краткая руссійская грамматика, изд. А. Вербицкій, 141 стр., 1200 экз.; 14) Правила латинскаго стихосложенія, изд. А. Вербицкимъ, 72 стр.; 15) Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство, произнесенная въ Харьковѣ 13 января 1813 года въ торжественномъ собраніи фило-техническаго общества Вас. Каразинимъ, 20 стр.; 16) Краткое руководство къ сокращенію проповѣдей, 1½ л., 1200 экз.; 17) Lexicon manuale excellentissimorum ecclesiasticorum scriptorum. Curavit A. Procopowicz, 160 стр., 600 экз.; 18) Deutsche Chrestomathie, prosäischer Theil, herausgegeben von Joh. Schad. XXI, 382 стр.; 19) Deutsche Chrestomathie poetischer Theil, herausgegeben von Chr. Rommel, 336 стр., 1200 экз.; 20) Rommel'i, Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis, 298 стр.; 21) Jac. Gromoff. De methodo, quo mineralogus in condendo systemate corporum anorganicorum uti debet, 22 стр., 100 экз.; 22) Bas. Komlischinsky. De polarisatione radiorum lucis, 34 стр., 100 экз.; 23) Pabli de Hays. Dissertatio inauguralis de prosperitate civitatis, 22 стр., 150 экз.; 24) Слово говоренное въ Харьковскомъ городскомъ соборѣ прот. Аѳ. Могилевскимъ, ¼ л., 300 экз.; 25) Слово надгробное преосв. Христофору Аѳ. Могилевскаго; 26) Великому господину преосв. Аполлосу отъ Харьковского коллегіума усерднѣйшее приношеніе, 12 стр.; 27) Ода на прибытіе преосв. Аполлоса, соч. студента (Харьк. коллегіума) Чернякова; 28) Ода преосв. Аполлосу Ст. Антоновскаго; 29) Пѣснь на освобожденіе царственнаго града Москвы студ. Юшкова, ½ л., 600 экз.; 30) Отзывъ о патріотизмѣ русскихъ, соч. Павлова (студ. университета), ¾ л., 600 экз.; 31) Краткое наставленіе, какъ употреб-

другими. Конечно, и у насъ могутъ оказаться пропуски и неточности (въ особенности въ годахъ изданія — тутъ нерѣдко источники противорѣчаютъ другъ другу), но въ общемъ, полагаемъ, нашъ списокъ (почти совпадающій со спискомъ Чирикова) даетъ довольно полное понятіе о размѣрахъ книгопечатной дѣятельности Харьковской университетской типографіи. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія отмѣченныхъ въ немъ сочиненій, не останавливаясь на классификаціи ихъ по разнымъ отдѣламъ (объ этомъ намъ придется говорить въ 5-й главѣ своего изслѣ-

лать средство, надежно предохраняющее отъ прилипчивости, $\frac{3}{4}$ л.; 32) Рѣчь, говоренная при открытіи Хорольскаго повѣтоваго училища; 33) Рѣчь, говоренная еп. Аполлосу П. Рейпольскимъ; 34) Пѣснь на прибытіе въ міръ Асмодея (Вас. Масловича), $\frac{1}{2}$ л., 150 экз.; 35) Рѣчи, произнесенныя въ Успенскомъ соборѣ при погребеніи Вас. Жданова, ученика III-го класса, 9 стр., 300 экз.; 36) Уставъ Харьковскаго общества наукъ (на русск. и латинск. яз.), 20 стр.; 37) Краткое наставленіе, какъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней простыми и общедоступными средствами, написанное проф. Шумлянскимъ и Книгинымъ; 38) Книгина. Разсужденіе о медленномъ горѣніи, составляющемъ органическую жизнь. *Въ 1814 году*: 1) Попова. Исторія о донскомъ войскѣ, ч. 1-я, XXXI, 295 стр., 3000 экз.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, 30 августа 1814 г., 64 стр.; 3) Новая французская азбука (изд. А. Бѣлоусовымъ), 1200 экз.; 4) Новые русскіе, французскіе и нѣмецкіе разговоры. Издалъ И. М—чъ (студентъ Харьковскаго университета), 364 стр., 1200 экз.; 5) Практика французскаго языка. Издалъ Разумникъ-Гонорскій, 1—2 ч.; 6) *Pratique de la langue française, composée par le chevalier de Julvecourt et par Razoumnik-Honorski*, I—II, 135, 125 p.; 7) Избранные вопросы съ отвѣтами изъ русской риторики Рижскаго съ дополненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ риторики Ломоносова (Ст. Антоновскаго), 101 стр.; 8) Сады Делиля, перев. Ан. Палицынъ, XXXIII, 233 стр., 600 экз.; 9) Времена года Сень-Ламберта, пер. съ франц. стихами А. Палицына; 10) Васни въ стихахъ Вас. Масловича, 50 стр.; 11) Гизе. Всеобщая химія, ч. 2-я, перев. съ нѣм. рук. Вас. Комлишинскій XI, 487 стр., 600 экз.; 12) Schad'a. *Institutiones juris naturalis*, 408 стр., 1020 экз.; 13) Rommel'i. *Sallustii opera*, XXVII, 281 стр., 1200 экз.; 14) Rommel'i. *Cornelii Nepotis vitae excelentium imperatorum*, 1200 экз.; 15) Разумника-Гонорскаго. Духъ Горация и Тибулла; 16) Драматическій кантатъ Харьковскому благотворительному обществу (В. Масловича), $\frac{1}{2}$ л., 300 экз.; 17) Экономическое постановленіе (Гр. Ром. Шидловскаго) 50 экз.; 18) P. Brasol. *Dissertatio inauguralis de immortalitate animorum*, 24 стр.; 19) Dudrovits. *Dissertatio inauguralis de philosophiae genuino conceptu*, 47 стр.; 20) P. Kovalevsky. *De realitate ideae divini numinis. Dissertatio inauguralis*; 21) Leop. Schuman'i. *De attractione chemica*, 35 стр., 100 экз.; 22) Ораторія на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, соч. проф. И. Срезневскаго, музыка магистра Шумана, 9 стр.; 23) Рѣчь, говоренная прот. А. Прокоповичемъ преосв. Аполлосу; 24) Antonovsky. *Questiones cum responsibus et Burgii rethorica*, 106 стр.; 25) Извѣстіе о жизни и смерти учителя Туранскаго.

дованія), мы только остановимся здѣсь на количествѣ ихъ и отчасти на технической сторонѣ работы.

Изъ приведенныхъ нами въ примѣчаніи данныхъ видно, что университетская типографія работала очень успѣшно и исполняла много постороннихъ заказовъ; въ ней сосредоточивалось печатаніе всѣхъ тѣхъ изданій, которыя появлялись тогда въ Харьковѣ. Вотъ весьма краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія о размѣрахъ ея дѣятельности въ теченіе перваго десятилѣтія ея существованія: въ 1805 году въ ней было напечатано 2 сочиненія, въ 1806 г.—9, въ 1807 г.—18, въ 1808 году—13, въ 1809 г.—22, въ 1810 г.—21, въ 1811 г.—30, въ 1812 году—29, въ 1813 году—38, въ 1814 году—25; всего за 10 лѣтъ 207 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ болѣе 20 названій въ годъ. Правда въ этой коллекціи мы находимъ значительное количество тоненькихъ брошюръ, но попадаются въ ней также не мало большихъ книгъ, таковы, напримѣръ, сочиненія Биберштейна, Гизе, Стойковича, Тимковского, Рижскаго, Успенскаго; есть изданія съ чертежами и рисунками. Слѣдуетъ отмѣтить также цѣлый рядъ изданій на иностранныхъ языкахъ—французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, даже греческомъ, итальянскомъ (Роммеля, Шада, Белленъ-де-Баллю, Рейта, Прокоповича, Гонорскаго и др.); печатались ноты и календари; послѣдніе требовали быстроты изданія. Нѣкоторые сочиненія выходили въ очень значительномъ количествѣ экземпляровъ; да и средняя цифра экземпляровъ всѣхъ вообще изданій, была, какъ намъ кажется, довольно высока. Можно полагать, что всего напечатано было въ университетской типографіи до 100 тыс. экземпляровъ, что даетъ въ среднемъ около 400 экзempl. на каждое сочиненіе.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько свѣдѣній о стоимости печатанія и объ организаціи дѣла въ университетской типографіи. Съ В. Н. Каразина взяли за его брошюру въ 2 печатныхъ листа, въ 600 экз. 23 р. (11 р. за наборъ и 12 р. за печать); съ проф. Белленъ-де-Баллю за его французскій словарь въ 4½ л. въ количествѣ 500 экз. 49 р. 50 коп. (22 р. 50 к. за наборъ и 27 р. за печать); съ Антоновскаго за 800 экз. его ариѳметики въ 5¼ л.—105 р. 10 к. (57 р. 10 к. за наборъ и 48 р. за печать); съ проф. Гизе за его книгу о селитровареніи (600 экз. въ 16½ л.)—192 р. 75 к. (90 р. 75 к. за наборъ и 102 р. за печать); со студента Парпуры за его брошюру въ 2½ л., 600 экз.—27 р. 50 к. (12 р. 50 к. за наборъ и 15 р. за печать); съ адъюнкта Успенскаго за его книгу въ 10½ л., 605 экз.—116 р. 5 к. (52 р. 50 к. наборъ и 63 р. 55 к. за печать); съ преосв. Θεоктиста за книгу въ 9 л. въ 1825 экз. 240 р. 75 к. (76 р. 50 к. наборъ и 164 р. 25 к. за печать); съ прот.

Прокоповича за календарь въ 4 л., 1000 экз.—72 р. (32 р. за наборъ и 40 р. за печать); съ университета за французскую хрестоматію въ 19 л., 1200 экз.—310 р. (190 р. за наборъ и 120 р. за печать); съ Вербицкаго за его арифметику въ 10^{1/2} л., 1200 экз.—189 р. (63 р. за наборъ и 126 р. за печать); со студ. Ветухова за его оду въ 1 листъ 100 экз.—10 р. (4 р. за наборъ и 6 р. за печать)¹⁾ и т. п. По этимъ цифрамъ трудно опредѣлить точнымъ образомъ цѣны университетской типографіи, такъ какъ, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло съ изданіями разныхъ форматовъ и разныхъ шрифтовъ. Но невольно все-таки бросается въ глаза огромная стоимость печати (сравнительно съ цѣною набора); теперь отношеніе этихъ цифръ, благодаря машинамъ, совсѣмъ иное; что же касается набора, то онъ во всякомъ случаѣ дешевле нынѣшняго (колеблется между 4 и 10 рублями за листъ).

Во главѣ дѣла стоялъ факторъ. Съ основанія типографіи до 1808 г. эту должность занималъ Гекъ, а его преемникомъ былъ вызванный изъ Москвы иностранецъ Люби. Первый получалъ 500 руб. жалованья. Объ условіяхъ, на которыхъ вель дѣло Люби, даетъ понятіе контрактъ его съ правленіемъ университета, помѣщаемый нами въ примѣчаніи²⁾.

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Отчетъ за 1811-й годъ. (Дѣло совѣта 1812 г. № 71).

²⁾ Вотъ его подлинный текстъ: „1812 года февраля 18 дня я, нижеподписавшійся, иностранецъ Петръ Федоровъ сынъ Люби учинилъ сей договоръ съ правленіемъ Императорскаго Харьковскаго университета въ томъ, что принимаю на себя обязанность быть при типографіи сего университета въ званіи фактора. Сверхъ сего должностію моею будетъ обучать тередорному и наборному искуствамъ, тѣхъ, кои мнѣ для сего отъ университета даны будутъ, такожъ имѣть подъ моимъ присмотромъ лите шрифтовъ и притовленіе оныхъ къ набору. Со дня заключенія сего контракта получать мнѣ отъ университета по 900 р. въ годъ жалованья и квартиру казенную съ дровами и сѣчами. Контрактъ сей заключается на три года; но если я окажусь въ должности моей несправнымъ, то университетъ имѣетъ право отказать мнѣ во всякое время; буде же я по какимъ либо причинамъ принужденъ буду оставить сію должность прежде истеченія срока сего контракта, въ такомъ случаѣ долженъ я объявить о семъ за 6 мѣсяцевъ до моего увольненія; равно, когда оставаться будетъ 6 только мѣсяцевъ до истеченія срока сего контракта, долженъ я объявить, буду ли я оставаться и впредь на семъ же условіи или какія вновь условія предлагать буду и какія именно. Если же прослужа исправно все время, въ семъ контрактѣ назначенное, я не пойду въ условія съ университетомъ на предбудущіе годы, то на проѣздъ мой до Москвы имѣю получить отъ университета 150 р.; буде же лаче чаянія въ случаѣ моей несправности университетъ принужденъ будетъ мнѣ отказать прежде истеченія трехлѣтняго срока, то я уже тогда лишюсь права требовать сихъ на проѣздъ денегъ. Къ сему контракту руку приложилъ Петръ Федоровъ сынъ Люби“. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1812 г., по архиву № 667, по картону № 83).

Для харьковской университетской типографіи шли прекрасно, можно сказать, блестяще; сравнительно съ послѣдующимъ временемъ это былъ золотой ея вѣкъ. Мы имѣли въ рукахъ большое количество напечатанныхъ въ ней книгъ и брошюръ. Шрифтъ ихъ довольно четкій и отчетливый, въ особенности если принять во вниманіе сѣрый или зеленоватый цвѣтъ бумаги. Впрочемъ если бумага и некрасива, грубовата, за то очень прочна: это не наша деревянная, а настоящая тряпичная бумага, которая просуществовала уже почти 100 лѣтъ, просуществуетъ и еще не одну сотню годовъ. Нельзя же отмѣтить также незначительнаго количества опечатокъ, которыя представляютъ такое огорченіе для современныхъ авторовъ.

Университетская бібліотека и типографія служили для нуждъ всего университета, безъ различія его факультетовъ. Теперь же мы обратимся къ тѣмъ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ тому или иному факультету въ отдѣльности.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго факультета, въ вѣдѣніи котораго былъ *минцъ-кабинетъ*. О минцъ-кабинетѣ въ первое десятилѣтіе его существованія у Фойнта мы находимъ только слѣдующее краткое извѣстіе: „минцъ-кабинетъ Императорскаго Харьковского университета, по богатству, разнообразію и полнотѣ составляющихъ его коллекцій, принадлежитъ къ числу первокласныхъ отечественныхъ собраний рѣдкостей. Основаніе ему положилъ первый попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ Северинъ Іосифовичъ Потоцкій, принеший въ даръ университету въ 1806 году болѣе 800 экземпляровъ монетъ разныхъ государствъ. Въ 1813 году командовавшій западною арміею адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ передалъ въ Харьковскій университетъ собраніе монетъ и медалей князей Радзивиловъ, состоящее изъ 13209 экземпляровъ и замѣчательное многими рѣдчайшими золотыми и серебряными медалями западноевропейскихъ государствъ, начиная съ XVI столѣтія“¹⁾. Къ этому мы еще можемъ добавить слѣдующее: Сев. Осип. Потоцкій пожертвовалъ коллекцію, состоявшую изъ 820 сер. и 20 золотыхъ монетъ, еще въ 1804 г., а затѣмъ прислалъ въ 1806 г. изъ Крыма, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями, подаренными университету докторомъ Богданомъ Павловичемъ Гирціусомъ, три древнихъ мѣдныхъ монеты времени Владиміра Св. и 106 древне-греческихъ. Учитель орловскаго главнаго училища Дебуше пожертвовалъ 20 оловянныхъ медалей; проф. Тимковский во время объѣзда училищъ воронежской губерніи получилъ пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ помѣщика Петра Ивановича Гарденина 44 русскихъ серебряныхъ монеты, 31 мѣд-

¹⁾ Ист. стат. зап., стр. 38—39.

ныхъ, 26 сер. иностранныхъ и 24 мѣдныхъ; отъ воронежскаго фабриканта Онуфрія Ивановича Гарденина 11 серебряныхъ монетъ; отъ директора училищъ Петрова 1 сер. и 16 мѣдныхъ. Директоръ училищъ черниговской губерніи прислалъ въ подарокъ три малыхъ серебряныхъ монеты, въ томъ числѣ одну псковскую и одну новгородскую, 6 малыхъ серебряныхъ и два старыхъ рубля, одинъ, извѣстный подъ именемъ московскаго, а другой съ надписью „добрая монета“. У вдовы Савичъ было куплено за два червонца три монеты: золотая императора Анастасіа, серебряная Александра Македонскаго и мѣдная Филиппа Македонскаго. Ротмистръ Платонъ Николаевичъ Карповъ прислалъ 14 малыхъ серебряныхъ медалей. Проф. Рижскій представилъ 15 мѣдныхъ монетъ, одну серебряную и одну древнюю кожаную. Отъ директора училищъ черниговской губерніи поступило другой разъ: японская желѣзная монета, французская мѣдная, оловянная модель рубля царя Алексѣя Михайловича и 4 позолоченныхъ жетона. Отъ губернскаго предводителя дворянства екатеринославской губерніи поступило 9 мѣдныхъ монетъ, найденныхъ на островѣ Тамани. Купленъ російскій имперіаль Петра III ¹⁾. Таковы были пріобрѣтенія нумизматическаго кабинета до 1813 года. Они состояли почти исключительно изъ пожертвованій, которыя при томъ, исключая дара пошечителя Потоцкаго, не были значительны. Въ 1813 году въ кабинетъ поступило огромное и чрезвычайно цѣнное пожертвованіе Чичагова, послужившее основною нумизматической коллекціи нашего университета. Эта коллекція была взята Чичаговымъ въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ, въ замкѣ князя Радзивила и отправлена въ Харьковъ при письмѣ слѣдующаго содержанія: „желая участвовать въ доставленіи Харьковскому университету вещей, замѣчанія достойныхъ, посылаю при семъ значительное собраніе древнихъ медалей и монетъ, взятыхъ въ добычѣ у непріятеля; покорнѣйше прошу принять ихъ въ знакъ моего уваженія къ отличному сословію, просвѣщеніемъ юншества занимающемуся. Пріятно мнѣ будетъ, когда сборъ сихъ медалей и монетъ окажется достойнымъ вниманія любителей древности и послужить въ пользу благородному юншеству“. Вся эта коллекція была сложена въ два сундука и сдана чиновникомъ Касторскимъ Волинской казенной палатѣ (въ г. Житомирѣ). Тамъ сундуки были вскрыты въ полномъ присутствіи палаты, и имъ сдѣлана опись: въ одномъ оказалось 5815 шт., въ другомъ 7394, всего 13209 штукъ. Изъ Житомира въ Харьковъ они были отправлены съ чиновникомъ Грабовскимъ. Въ Харьковѣ, въ управленіи, имъ составили новую точную опись, при чемъ оказалось въ одномъ сундукѣ 7444 штуки вѣсомъ въ 42 фунта 50 золотн. въ другомъ—

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

5808 штукъ вѣсомъ въ 35 фунтовъ 69 золот., всего 13252, вѣсомъ въ 78 фунтовъ 23 золотника. Находившіяся въ этой коллекціи медали и монеты были сдѣланы изъ разныхъ матеріаловъ—золота, серебра, мѣди, олова; золотыхъ было 9 ф. 62 зол., серебряныхъ 62 ф. 53 зол., оловянныхъ 6 ф. 4 зол.¹⁾

Такимъ образомъ, изъ этихъ цифръ, опредѣляющихъ вѣсъ металла, видна огромная цѣнность этой коллекціи, не говоря уже о томъ, что въ ней дѣйствительно было много дорогого и рѣдкаго. Владѣльцы Несвижа кн. Радзивиллы были любителями и цѣнителями старины—у нихъ былъ между прочимъ и огромный архивъ древнихъ документовъ—они давно собирали свою коллекцію и не жалѣли средствъ для ея расширенія.

Къ нынѣшнему историко-филологическому факультету относится еще музей древностей и изящныхъ искусствъ; хотя въ изучаемый нами періодъ времени и не было учрежденія съ такимъ наименованіемъ, но зародышъ его нужно отнести къ той именно эпохѣ, потому что тогда уже существовало отдѣленіе древностей въ видѣ такъ называемаго кабинета рѣдкостей и было положено начало отдѣленію изящныхъ искусствъ приобрѣтеніемъ извѣстной коллекціи *эстамповъ* академика *Аделунга*. Правда эта коллекція хранилась, какъ кажется, въ университетской бібліотекѣ, но она предназначалась, какъ увидимъ далѣе, для кабинета рисованія и живописи, который современемъ превратился въ музей изящныхъ искусствъ.

Основаніе кабинету рѣдкостей положено было въ 1807 году. Въ этомъ году въ него поступили слѣдующіе предметы: отъ проф. Тимковского два старинныхъ бердыша и топорикъ; отъ помѣщика Полт. губ. Золотон. уѣзда, с. Прохоровки, Максимовича, черезъ того же Тимковского, желѣзныя стрѣлы разныхъ видовъ (всего 17 штукъ), найденныя въ пескахъ лѣваго берега Днѣпра, гдѣ, по общему преданію стариковъ, было большое сраженіе съ татарами, во времена Батыя; отъ Курской врачебной управы—6 камней, вынутыхъ у больныхъ, страдавшихъ каменною болѣзнію; отъ находящагося при посольствѣ въ Лондонѣ г. Лонгинова—два небольшихъ куска матеріи, приготовляемой на островахъ Таити и Мадагаскарѣ изъ древесной коры; отъ проф. Рижскаго—отысканныя имъ во время визитаціи на берегахъ р. Буга на мѣстѣ древней Ольвіи разныя древности, а именно—цѣлый глиняный сосудъ, употребившійся древними греками при ихъ богослуженіи и носившій названіе амфоры, 10 отломковъ отъ другихъ подобныхъ сосудовъ, въ томъ числѣ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло управленія 1813 г. № по архиву 807, по картову 40.

ручка сосуда съ вытѣсненными на ней греческими словами, мѣдный кубикъ съ 5 точками на одной сторонѣ, напоминающій игральныя кости, весьма малый мѣдный отломокъ съ изображеніемъ русской буквы Б., желѣзный стволъ стариннаго ружья, полученный отъ кол. ас. Львова, со старымъ ружейнымъ замкомъ, найденный въ землѣ подъ гранитными камнями при копавіи Невасытецкаго канала. Въ послѣдующихъ годахъ кабинетъ получилъ слѣдующія приращенія: отъ ректора Рижскаго два куска матеріи, приготовляемой изъ травы и древесной коры на островахъ Таити и Мадагаскарѣ; отъ корреспондента доктора Лабанда разныя рѣдкости (утварь, инструменты, одежда), собранныя имъ во время кругосвѣтнаго путешествія съ Крузенштерномъ у жителей Маркизскихъ острововъ, острова Овейги и Кадьяка; отъ попечителя округа нѣсколько каменныхъ обломковъ съ древними надписями, найденныхъ въ развалинахъ Ольвии.

Коллекція эстамповъ академика Аделунга была приобрѣтена для Харьковскаго университета В. Н. Каравинымъ и, какъ мы знаемъ, эта покупка вызвала въ свое время много несправедливостей для виновника ея приобрѣтенія. Рѣшался вопросъ о томъ, стоитъ ли она такихъ денегъ, нуждался ли въ ней университетъ и т. п. Такими вопросами задавался и историкъ Харьковскаго университета Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ объ основаніи Харьковскаго университета. Мы также останавливались на этомъ эпизодѣ во 2-й главѣ своего изслѣдованія (137—141 стр.). Теперь, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ описаніе и оцѣнку этой коллекціи завѣдующій музеемъ пр.-доц. по кафедрѣ исторіи искусствъ Е. К. Рѣдінъ, и мы, принося ему за это свою искреннюю и сердечную благодарность, цѣликомъ помѣщаемъ его заключеніе на страницахъ своего труда, какъ отзывъ компетентнаго спеціалиста.

Собраніе эстамповъ (гравюръ) Аделунга хранится съ 1877 года въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей университета, куда перешло изъ бібліотеки. Оно состоитъ изъ 1297 номеровъ¹⁾ собственно гравюръ

¹⁾ Вотъ перечень эстамповъ, въ порядкѣ фамилій мастеровъ.

	Лист.		Лист.
Nic. van Aelst	3	Balechou	5
Heinr. Aldegrevier	6	Baccio Bandinelli	1
Car. Allardt	3	Fr. Barroccio	3
Alb. Altdorfer	2	B. Baron	5
G. G. ab Ambling	1	F. Bartolozzi	45
F. Aquila	2	L. P. Le Bas	2
M. Aubert	2	I. Basire	2
Andenaert	1	I. F. Bause	6
Audran	10	Nic. Beàtrici	2

различной величины и 59 акварелей и рисунковъ. Описаніе коллекціи сдѣлано покойнымъ Г. С. Чириковымъ въ „Указатель произведеній, хранящихся въ музеѣ изящныхъ искусствъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. III гравюры, офорты, хромофотографіи и проч. Отд. I. Коллекція эстамповъ Фридриха Аделунга, X. 1883, стр. 1—194, и въ Указатель. II. Живопись, X. 1877, стр. 190—202.

Beauvais	1	Adr. Collart	36
Beauvarlet	5	Jean Collart	2
Beham	1	de Colle	1
Benazech	2	Collyer	1
Bernigeroth	1	Clemendt	1
Bertelius	1	Cook	1
Bervie	3	Corn. Cort	10
Bettelini	2	Couvoy	7
Com. Blocmart	4	Curti	3
Fred. Blocmart	6	Custos	1
Bolswaert	3	<i>Dauillé</i>	2
Bonarotti	1	Daunont	10
Boll	1	Delff	1
Bonnart	1	Desplaces	5
Boydell	1	Dickinson	1
Browne	20	Dixon	1
Breughel	13	Dolando	1
Le Brun	1	Donck	1
Nic. Bruyn	7	Doringny	3
De Bry	1	Drevet	10
Byrne	8	Duchange	2
<i>Callott</i>	5	Duclos	1
Canot	2	Alb. Dürer	83
Cardon	1	Dunkarton	1
Carmona	1	Dupuis	5
Caracci	11	Dankerts	1
Cardelli	1	<i>Eartom</i>	16
Cars	4	Edelingk	9
Bened. Castiglione	17	Elliot	4
Cathelin	1	<i>Facius</i>	4
Cecchi	1	La Fage	10
Carlo Cesio	3	I. Falk	8
Chasteau	5	Faucci	1
Chauveau	1	Finlayson	1
Chenu	1	Dom. Fiorentino	1
Chereau	6	Fittler	1
Chodowiecky	3	Fonbonne	1
le Clerc	1	Fontena	1
Cochin	4	Fresius	1
Ierome Cock	4	Com. <i>Galle</i>	6

Хотя описаніе это и не вполне отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ описаніямъ подобнаго рода собраній, но все же оно даетъ возможность познакомиться съ содержаніемъ собранія и составить общее о немъ представленіе.

Коллекція Аделунга, какъ можно видѣть изъ знакомства съ вышеуказаннымъ описаніемъ ея и изъ бѣлаго обзора — не есть „собра-

Theod. Galle	39	Loir	2
Gambardella	1	de Launay	1
Gheyn	2	Lorenzini	1
Gillray	1	Laurent	1
H. Goltzius	105	Lorraine	1
Goudt	2	Londersel	1
Green	11	Maidstone	1
Gribelin	1	Martinet	1
Gunst	6	Martini	3
Guttenberg	2	Masne	3
<i>Haid</i>	2	Mason	6
Hall	10	Massard	2
Heath	2	Masson	6
Hendrix	4	Matham	7
Hertel	22	Mazell	1
Hess	1	Mechel	1
Holbein	2	Claude Mellan	3
Hond	6	F. B. Michell	4
Houbracken	27	Middiman	3
la Hire	1	Miger	1
Hogarth	3	Mitello	1
Huberti	1	Mogalli	1
Huret	2	Molès	1
<i>Ieaurat</i>	1	Monaco	1
G. de Iode	10	Morris	1
Peter Iode	13	S. Martino	1
Iones	1	F. Müller	6
Iouvigny	1	L. G. Müller	1
<i>Ketterlinus</i>	2	F. I. Müller	5
Kilian	2	<i>Nanteuil</i>	22
Johanna Krausen	8	<i>Orme</i>	2
Kusell	4	Orsolini	22
<i>Lafrerie</i>	3	Overadt	1
Lairesse	3	<i>Panderen</i>	1
Landry	1	Parker	1
Langlois	4	Pasqualini	1
Lerpinriere	8	Le Pautre	1
Larmessin	3	Hisbel Penn.	1
Lefebre	3	Pesne	1
Lenfant	3	Pether	1

нѣе отрывочное и случайное“. Она, очевидно, составлялась по намѣченному заранее плану и для извѣстныхъ цѣлей. Какъ коллекція частная, она не могла, конечно, претендовать на полноту, такъ какъ на таковую не претендуютъ даже собранія государственныя, т. е. государственныхъ музеевъ, библіотекъ. Но она давала и даетъ богатый матеріалъ для знакомства съ исторіей гравировальнаго искусства, при томъ

Petit	1	Simonneau	1
Picart	62	Skelton	1
Pitau	1	Snyers	1
Poilly	8	Soutmann	1
Polctnich	1	de Sanctis	1
Pollard	1	Smith	1
Pomarede	1	Sailliar	1
Paul Pontius	8	Stefano	2
Ioh. Popels	1	Suavius	1
Preissler	3	Strange	1
Cath. Prestel	3	Suyderhof	1
Prestel, gravures d'après les plus fameux maitres	104	Staetsius	1
Radigues	1	Sullivan	1
Ravenet	4	Suntach	1
Marco Antonio Raymondini	4	Swannenburg	8
Rembrant	13	Tardieu	4
Roberts	2	Tempesta	6
Roghmans	1	Testa	7
Rooker	3	Thomassin	7
Roth	2	Thomon	1
Roullet	1	Traballesi	1
Rousselet	41	Thourneysser	1
Ridinger	9	Trouvain	3
Ryder	1	Valck	1
Wynne Ryland	15	Vallet	1
Sadeler, père, fils et petit fils	232	Le Vasseur	1
Sacuredam	12	Vercruysse	2
Sandrart	3	Vermeulen	1
Saunders	3	Vertue	20
Sehenck	3	Villamena	1
Schmitt	1	Corn. Visscher	24
Schmutzer	1	Vivares	7
van Schuppen	3	Voit	1
Scotin	1	Vos	3
Scott	2	Vorstermann	6
Sharp	9	Voyez	2
Sherwin	11	Carol Watson	16
Simon	1	Walker	10
Simonet	1	Wagner	10
		Wille	6

не одной эпохи и не одного народа, а различныхъ эпохъ и народовъ, начиная съ XVI вѣка. Такимъ образомъ въ этой коллекціи мы имѣемъ преимущественно въ оригиналахъ образцы гравюръ работъ:

A) *Италянскихъ гравировъ XVI вѣка*: Marc' Antonio Raimondi, B. Doddi, G. Ghisi, E. Vico, N. Beatricius, A. Salamanca, Farinati, M. Rota, L. Bertelli, B. Stefani, Orazio de Sontis, Ag. Carracci, An. Carracci, Ch. Alberti, F. Bertelli; *XVII вѣка*: F. Villamona, A. Tempesta, F. Curti, P. Testa, G. Testa, C. Cesio, P. Aquila, F. Aquila, L. G. Castiglione, G. Mitelli, P. Bartoli, M. San Martino, Stefano Magiore, G. B. Pasquillani;

Wolfgang 5
de Witt 1
Woollett 68
Desseins originaux 80
Oeuvre de Le Prince 165
Supplement 284

Oeuvre de Tischbein 50
La Galerie du Louvre 18
La Grotte de Versailles 19
La Galerie de Versailles 52
Schola Italica 40

Всѣхъ листовъ по каталогу оказывается 2477.

На каталогъ этой коллекціи имѣется слѣдующая подпись.

Je reponds par ma signature, que ce catalogue d'une collection d'estampes vendues à mr. le conseiller de college, de Karassin, pour l'université Imperiale de Charkow, est juste et que toutes les deux mille quatre cent soixante et dix sept feuilles y mentionnées s'y trouvent effectivement en quatorze portefeuilles et quatre livres reliés. St. Petersbourg ce 28 janvier 1804.

Frederic Adelung.
Assesseur de Collège.

Nous soussignés certifions, qu'à l'invitation de mr. Adelung, assesseur de collège, nous avons examiné la susdite collection de 2477 estampes, et l'avons trouvé très precieuse et principalement très propre à servir à l'étude de l'histoire de la gravure, renfermant des chefs d'oeuvres des plus grands graveurs de toutes les epoques de l'art. Priés en même tems d'en estimer la valeur, nous croyons pouvoir l'évaluer au dessus de cinq mille roubles, pour laquelle somme Mr. Adelung nous dit avoir vendu cette collection à l'université Imp. de Charkow. St. Petersbourg ce 29 janvier 1804.

Labensky
garde de la collection d'estampes du
cabinet Imperial et conservateur de la
galerie de peinture

Kochler
bibliothecaire de S. M. l'Empereur et
conservateur du cabinet Impérial d'anti-
quités.

C. F. Kügelgen
peintre de S. M. L'Empereur

professeur de sculpture de l'academie Imperial des beaux arts

Jean Procofiëff.

Amateur assesseur de college français de Zimy.

Подлинный каталогъ коллекцій Аделунга (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло Совѣта на иностр. яз., 1806 г., № 60).

XVIII вѣка: F. Lorenzini, G. M. Merlo, F. Casanova, M. Marieschi, C. Gregori, M. A. Corsi, P. da Colle, S. Pomarede и др.

Б) Нѣмецкихъ гравировъ XVI вѣка: Albrecht Dürer, A. Altdorfer, S. Holbein, U. Grat, H. Aldegrevier, B. Beham, H. S. Beham; *XVII вѣка*: Raph. Custus, Jacob von der Heyden, M. Merian и друг.; *XVIII вѣка*: S. Herz, G. Knorr, J. Jung и др.

В) Голландскихъ гравировъ, XVI вѣка: Cornelius Cort, H. Goltzius, S. Saenredam, G. van Veen; *XVII вѣка*: W. Swanenburg, Ch. Sichem, W. Delff и др.; *XVIII вѣка*: S. Suntach, Allard, Folkema и др.

Г) Фламандскихъ гравировъ XVI вѣка: P. von Breughel, H. Cock. L. Suavius, A. Wierix, H. Wierix, F. von Floris, Collaert, Statius, S. de Gheyn, Th. Galle, J. de Bry; *XVII вѣка*: Sadeler, N. de Bruyn и друг., *XVIII вѣка*: von Audenaerde, A. Cardon.

Д) и Е) Французскихъ и англійскихъ гравировъ XVI—XVIII вѣка. Удовлетворяя такимъ образомъ одному требованію—быть сокровищницею образцовъ гравировальнаго искусства у различныхъ народовъ и различнаго времени, коллекція Аделунга въ тоже время отвѣчаетъ и другому требованію—давать „копіи съ превосходнѣйшихъ картинъ знаменитыхъ школъ живописи“. Укажемъ прежде всего, что въ число гравюръ ея входитъ специальное, хотя и небольшое (95), но удивительное по подбору, собраніе гравировальныхъ рисунковъ знаменитыхъ художниковъ итальянскихъ школъ: какъ Рафаэля (№№ 1203—1209: Избіеніе младенцевъ, явленіе Бога Ною, Аѳинская школа, Христосъ въ Храмѣ, св. Павелъ и Варнава въ Листрѣ, Вторженіе Сарацинъ, Преображеніе), Марка Антоніо, Франчіа Биджіо, Матурино, Микель Анджело (№№ 1213—1214: Юдиовъ въ шатрѣ обезглавленнаго Олоферна, Моисей), Каруччи, Юлія Романо, Корреджіо, Тиціана, Доссо Досси, Пармедіанино, Вазари, Карраччи, Я. Лигоцци, Гвергино, Виньяли, Лутти, Солимены, Ферретти; затѣмъ идутъ представители нѣмецкой школы: Мартинъ Шонгауэръ, Меккененъ, Альбрехтъ Дюреръ, Альтдорферъ и друг.; голландской: Герардъ Доу, Остаде и друг.; Фламандской: Рубенсъ, Ванъ-Дикъ и др.

На вопросъ о цѣнности коллекція въ настоящее время—трудно отвѣтить, какъ трудно, полагаемъ, это было и для членовъ комиссіи, обсуждавшихъ его. Мы не знаемъ, что могли разумѣть гг. Делавинъ и де-Баллю подъ „лучшимъ и гораздо полезнѣйшимъ представляемаго собранія“, которое они полагали возможнымъ пріобрѣсти въ Парижѣ за тѣ-же 5000 руб., конечно, изъ той-же области памятниковъ искусства и для той-же цѣли, на какую указывалось членами комиссіи. Еще въ

настоящее время может быть можно было бы сказать, что за 5000 р.¹⁾ можно приобрести большее количество фотографій, и съ большаго числа предметовъ, но и это было бы неправильно, такъ какъ во 1-хъ фотографія это не то-же, что гравюра: послѣдняя „дѣло духовнаго творчества, а первая—результатъ различныхъ естественныхъ силъ, которыми знающій ихъ законы даетъ извѣстное направленіе“; „граверъ есть художникъ, свободнымъ творчествомъ выражающій извѣстную идею; фотографъ же—рабъ естественной силы, которая, поставленная въ правильныя условія—работаетъ механически, безсознательно, не свободно“²⁾, во 2-хъ, и фотографіи хорошія, въ большую величину, не дешевы даже въ настоящее время.

Если знатоками гравернаго дѣла коллекція была оцѣнена уже тогда свыше 5000 р., то въ настоящее время цѣнность ея стоитъ еще выше, такъ какъ, по свидѣтельству Вессели, „нынѣ цѣны на хорошія гравюры въ десять разъ выше тѣхъ, что въ каталогахъ прошлаго столѣтія и первыхъ десятилѣтій настоящаго“³⁾.

Зная предназначеніе В. Н. Каразина, по которому университетъ долженъ былъ вмѣщать въ себѣ и академію художествъ, мы нисколько не сомнѣваемся въ цѣли, для которой коллекція Аделунга была приобретена имъ. В. Н. Каразинъ, полагаемъ, воспользовался дѣйствительно случаемъ, чтобы получше осуществить на дѣлѣ свой прозектъ и снабдить будущую академію художествъ прекрасными пособиями. Но мы совершенно отказываемся признать истиннымъ мотивъ этой покупки, выставлемый Н. А. Лавровскимъ⁴⁾ — вліятельную рекомендацію, отъ которой неловко было отдѣлаться.

Мы отказываемся также признать истиннымъ утвержденіе того-же автора, что эта покупка была непроизводительна и крайне непрактична и что самыя вещи ея могли понадобиться въ весьма отдаленномъ будущемъ. Эстампы эти, говоритъ онъ, дѣйствительно хорошія; можетъ быть, они стоятъ и дороже пяти тысячъ; но они составляютъ во всякомъ случаѣ роскошь.... приобретение ихъ при самомъ первоначальномъ обзаведеніи университета.... было по меньшей мѣрѣ непрактично.... и эти эстампы 65 лѣтъ лежатъ безъ всякаго употребленія!⁵⁾

Такъ-ли это было? Вѣдь при университетѣ до 1859 г. были классы рисованія, а для нихъ гравюры давали богатый матеріалъ—и при изученіи рисунка, и для мотивовъ орнамента; именно въ виду этой служеб-

¹⁾ Замѣтимъ отъ себя—*асимпаций*, что на серебро составилъ 1500 руб. Д. Б.

²⁾ Вессели. О распознаваніи и собираніи гравюръ. Москва 1882, стр. 86.

³⁾ Ibid., стр. 170.

⁴⁾ М. М. Н. П. январь 1872 г., стр. 86.

ной цѣли гравюры эти теперь особенно цѣнятся при промышленныхъ музеяхъ, а также при академіяхъ художествъ ¹⁾.

Если же насамомъ дѣлѣ гравюры при нашемъ университетѣ лежали 65 лѣтъ безъ всякаго употребленія (въ чемъ, однако, сомнѣваемся) ²⁾, то, въ чемъ же тутъ вина В. Н. Каразина? Это лишь свидѣтельство нашего пониманія и оцѣнки сокровищъ искусства, а не тѣхъ, кто старался добыть ихъ для насъ. Если коллекція Аделунга, какъ и нѣкоторыя другія коллекціи нашего университета, оставались и, можетъ быть, остаются мертвымъ капиталомъ, то, повторяемъ, это не вина тѣхъ, кто оставилъ ихъ намъ. Настоящіе цѣнители искусства не эгоисты, скажемъ въ заключеніе словами Вессели (стр. 211); они не сидятъ на сокровищахъ искусства, подобно скрягѣ на денежномъ сундукѣ. Они чувствуютъ потребность раздѣлить съ кѣмъ либо свою радость по поводу прекраснаго, и поэтому собраніе ихъ открыто для cadaго обладающаго любовью и пониманіемъ произведеній искусства. Дѣленая радость — двойная радость. Такъ иное собраніе дѣйствуетъ плодотворно по многимъ направленіямъ и разсылаетъ свои благодѣнія по безчисленнымъ радіусамъ. Искусство подобно огню, могущему раздробляться на безчисленное множество частей, ничего не утрачивая въ существѣ своемъ или въ первобытной своей силѣ.

Теперь переходимъ къ семи учебновспомогательнымъ учрежденіямъ физико-математическаго факультета.

Начало *физическому кабинету* было положено соединенными усиліями трехъ лицъ—В. Н. Каразина, попечителя округа С. О. Потоцкаго и профессора физики А. Н. Стойковича. На него ежегодно дѣлались значительныя денежныя затраты, нерѣдко превышавшія штатную ассигновку (500 р. въ годъ); всего было выписано инструментовъ до 1813 г. на 11914 руб. ассигн. (3404 руб. сер.). Въ 1814 году было получено значительное число разныхъ приборовъ изъ Англіи, заказанныхъ тамъ еще въ 1806 г. (на 857 р. сер.) ³⁾. Попечитель округа въ 1805 году доставилъ въ кабинетъ изъ Петербурга электрическую машину со многими приборами и два большихъ зеркала и секстантъ. Прислѣшникъ физическаго кабинета Рейнике подарилъ ему часы особеннаго сложнаго устройства, имъ самимъ сдѣланные по образцу тѣхъ, кои онъ видѣлъ въ Петербургѣ и коихъ краткое описаніе помѣщено было въ журналѣ

¹⁾ См. Вессели, стр. 187 и 221.

²⁾ Гравюры эти въ дѣйствительности приносили пользу, ибо служили нагляднымъ пособіемъ въ классѣ рисованія и живописи. Прибавимъ къ этому, что въ это время былъ кромѣ учителя рисованія особый преподаватель гравировальнаго искусства. Д. Б.

³⁾ К. Фойтта. Ист. стат. зап., стр. 48—49.

„Сѣверный вѣстникъ“ за октябрь мѣсяцъ. Рейнике получалъ 300 руб. въ годъ жалованья, а кромѣ его для болѣе важныхъ работъ (и между прочимъ для приготовленія новыхъ физическихъ приборовъ) былъ еще особый инструментальный мастеръ Черничъ, получавшій 600 р. въ годъ. Въ 1808 году всѣхъ инструментовъ въ физическомъ кабинетѣ было 127. Предметы для него частію выписывались изъ Петербурга, частію дѣлались на мѣстѣ; такъ, напримѣръ, было куплено вѣсколько инструментовъ у проф. Гута (вѣсы, два алькоголометра, два гигрометра изъ китовой кости ¹⁾ и т. п.). Нужно замѣтить, что проф. Гуть, переѣзжая въ Россію, привезъ съ собою огромную научную коллекцію разныхъ предметовъ и приборовъ; Харьковскій университетъ приобрѣлъ у него часть этой коллекціи за 7547 р. ²⁾ (это были по преимуществу астрономическіе приборы). Чтобы дать нѣкоторое понятіе о предметахъ, находившихся въ физическомъ кабинетѣ, перечислимъ тѣ изъ нихъ, которые были приобретены въ 1807 году: фонтанъ Героновъ, фонтанъ чрезъ сжиманіе воздуха, Rosulum vexatorium, водоподъемныя чотки, водоподъемныя ведра, Архимедовъ шурупъ (винтъ), колесо наливной мельницы, колесо подъсубойной мельницы, колодезь съ насосомъ, безконечный шурупъ, три рода сообщительныхъ трубокъ, два сифона, ртутный молотокъ, сіяющая змѣя, цилиндръ деревянный, воротъ, рычагъ, блоки, двойной конусъ для теоріи средоточія тяжести, двѣ машины для діагональнаго движенія, машина въ большомъ видѣ для подниманія воды изъ глубокихъ колодезей, барометръ и термометръ, барометръ для измѣренія высотъ, машинка силъ центробѣжныхъ, машина ускоряемаго движенія, гидростатическіе вѣсы, планетарій, модель глаза, ходомѣръ, гигрометръ, Гарденеровъ насосъ ³⁾. Въ 1811 году приобретены были слѣдующіе инструменты: земная труба, говорная сокращенная труба съ извитымъ краемъ, слуховая извитая труба, трубка съ двумя шарами для электрическаго ртутнаго дождя; электрическая ртутная змѣя; небольшой стеклянный колоколь, электрическое солнце, 22 безвоздушныхъ стеклянныхъ трубки и жестяная 17-ти трубочная машина ⁴⁾.

Изъ представленныхъ фактовъ видно, что физическій кабинетъ пополнялся весьма усердно, и главнымъ виновникомъ этого былъ завѣдывавшій имъ профессоръ Стойковичъ.

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Проф. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьковскаго университета отъ 1808 по 1842 г., (Зап. Имп. Харьк. унив., 1893, кн. 3-я Харьк. унив. лѣт., стр. 9).

³⁾ Отчетъ за 1807 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Совѣта 1807 г., № 64).

⁴⁾ Отчетъ за 1811 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Совѣта 1812 г., № 71).

Астрономическій кабинетъ находился въ вѣдѣніи извѣстнаго математика и астронома Гута, который положилъ ему начало въ 1808 году, уступивъ значительное число инструментовъ изъ своей богатой коллекціи, привезенной въ Россію; стоимость этихъ инструментовъ равнялась 5000 р., „Между этими инструментами, говоритъ проф. Г. В. Левицкій, мы находимъ большинство употребительныхъ въ то время топографическихъ инструментовъ, затѣмъ солнечные часы, двое часовъ стѣнныхъ и столовые, 8-ми футовый зеркальный телескопъ, двухдюймовый рефракторъ Доллонда, вертикальный квадрантъ и т. п.“. Одинъ приборъ—секстантъ Адамса—былъ приобретень въ Петербургѣ попечителемъ С. О. Потоцкимъ и нѣкоторые выписаны изъ за границы, гдѣ они также были заказаны, по порученію университета, Гутомъ. „Такимъ образомъ, уже въ 1809 году Харьковскій университетъ обладалъ собраніемъ астрономическихъ инструментовъ, совершенно достаточнымъ для снабженія почти всѣмъ необходимымъ небольшою обсерваторію“. Далѣе Г. В. Левицкій рассказываетъ, что Гуть представилъ попечителю проектъ постройки небольшою обсерваторіи (виредь до устройства настоящей, постоянной), которая и была выстроена гдѣ-то на университетскомъ дворѣ въ 18^{10/11} учебномъ году; но наблюденія на ней если и производились, то очень недолго, ибо въ маѣ 1811 года Гуть уже перешелъ въ Дерптъ ¹⁾. Изъ „исторіи дѣлъ“ видно, что для этой обсерваторіи была приспособлена „стоявшая на бульварѣ къ югу каменная ротунда, въ которой по требованію Гута въ 1809 году и были сдѣланы нужныя поправки“ ²⁾.

Вотъ нѣкоторыя подробности ея постройки. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій обратился въ правленіе съ предложеніемъ такого содержанія. „Проф. Гуть, писалъ онъ, усердствуи къ пользѣ и чести университета и желая безъ замедленія приступить къ занятіямъ по астрономической части, представилъ мнѣ свои замѣчанія относительно устройства въ маломъ видѣ обсерваторіи, годной къ производству астрономическихъ наблюденій. Я нахожу предположенія Гута, особенно относительно 1-й и 3-й статей его замѣчаній, заслуживающими тѣмъ большаго одобренія и признательности, что они, преслѣдуя общепользную дѣль, сопряжены съ малыми издержками и легко могутъ быть приведены въ дѣйствіе. Вслѣдствіе сего предлагаю университету, чтобы онъ сдѣлалъ съ своей стороны нужныя распоряженія для скорѣйшаго выполненія предложеннаго проф. Гутомъ плана“. Планъ же проф. Гута состоялъ въ слѣдующемъ: онъ предлагалъ 1) устроить небольшую временную обсерваторію; 2) распорядиться объ измѣреніи градуса г. Харь-

¹⁾ Астрономы и астрономическія обсерваторіи, стр. 11, 12, 14—15.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

кова какъ по меридіану, такъ и по параллели, 3) завести метеорологическія наблюденія какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и во всѣхъ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа. Для приведенія въ исполненіе перваго пункта, по мнѣнію проф. Гута, можно было бы воспользоваться амбаромъ, находящимся у конца южнаго флигеля, приспособивъ его для астрономической обсерваторіи, сдѣлавъ подлѣ него твердую и ровную земляную насыпь, на которую можно было бы ставить инструменты для наблюденія неба, и устроивъ также при немъ небольшую комнату для зимнихъ занятій. Но вслѣдъ за этимъ проф. Гуть сдѣлалъ существенную поправку къ своему предложенію: вмѣсто амбара онъ предлагалъ воспользоваться для обсерваторіи каменной угольной бесѣдкой у большаго дома (ротундой). Въ ней необходимо было сдѣлать слѣдующія передѣлки: нужно было вездѣ выштукатурить стѣны и выбѣлить вмѣстѣ съ потолкомъ; старый полъ снять и вмѣсто него помостить другой, совершенно гладкій съ плотно набитой подъ нимъ землей, на южной сторонѣ сдѣлать новое окно и передѣлать старыя такъ, чтобы оконницы крѣпко запирались; при каждомъ изъ нихъ подѣлать ставни, дверь также передѣлать и снабдить крѣпкимъ замкомъ; поставить небольшую изразцовую печь; крышу перекрыть и для избѣжанія течи снабдить жолобомъ для стока воды, въ углу передъ павильономъ сдѣлать насыпь, высота которой доходила бы до пола павильона; эта насыпь должна была въ видѣ террасы окружать обсерваторію; въ 20 арш. отъ террасы поставить параллельно ей рѣшетку въ 50 арш. длины, выровнявши и усыпавши пескомъ землю. По смѣтѣ помощника архитектора вся эта перестройка должна была обойтись въ 463 руб.

Правленіе вполне согласилось съ этимъ проектомъ и сдѣлало распоряженіе о приведеніи его въ дѣйствіе ¹⁾.

Такова была эта временная обсерваторія.

Отсутствіе хорошо обставленной обсерваторіи отражалось невыгодно на ученыхъ занятіяхъ представителя каведры проф. Гута. До переѣзда въ Харьковъ, за границей, гдѣ у него была даже собственная обсерваторія, онъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ астрономическихъ открытій и наблюденій; въ Харьковѣ же онъ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи ничего.

Химическая лабораторія, по словамъ Фойгта, какъ отдѣльное учрежденіе, возникла только въ 1847 году; до этого же времени она входила въ составъ фармацевтической, которая въ свою очередь осно-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1809 года, май—августъ; засѣданіе 26 іюля.

вана была въ 1812 году ¹⁾. Выходить такъ, что до 1812 года при Харьковскомъ университетѣ не было никакой лабораторіи—ни химической, ни фармацевтической. Но это не вѣрно: начало химической лабораторіи положено еще въ 1804 году; въ 1805 году она получила 32 предмета, а всѣхъ, вмѣстѣ съ прежде купленными, было 154, не считая 353 штукъ стеклянной посуды и матеріаловъ; къ концу 1806 года всѣхъ вещей въ ней было 89 (меньше прошлогодняго) на 1719 руб. и стеклянной посуды на 117 руб.; въ теченіе года поступилъ 21 предметъ на 245 рублей; въ 1807 году доставлено приборовъ и разной посуды 441 штука (это были—приборъ для добыванія сѣрной кислоты, 134 плавильныхъ горшка, узкогорлыя и широкогорлыя склянки съ притертыми пробками разной величины, реторты, колпаки, колбы, тигли, каменные плиты). Въ 1808 году приобрѣтены были только матеріалы и одинъ оловянный котелъ; въ 1809—кромѣ матеріаловъ значительное количество приборовъ и посуды; въ 1810-мъ—кромѣ матеріаловъ 106 предметовъ (изъ инструментовъ, посуды и приборовъ, купленныхъ у проф. Гута); въ 1811 году—десять предметовъ (кромѣ матеріаловъ), а именно—Вежевудова ступка, стальная ступка, желѣзная раздувательная труба, двѣ желѣзныя сковороды, пила и терпугъ, приборъ Паркерова для составленія кислой воды посредствомъ углекислаго газа и двѣ реторты съ пробитыми пробками; въ 1812 году—11 предметовъ (кромѣ матеріаловъ) ²⁾. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что химическая лабораторія существовала съ самаго основанія университета (начало ей было положено еще даже до открытія университета), но только дѣйствовала она чрезвычайно мало. Это видно между прочимъ изъ того, что она не затрачивала на себя штатной ассигновки (1000 руб. въ годъ): такъ въ 1808 году вмѣсто 1000 руб. было употреблено только 153 руб., въ 1812 г.—вмѣсто 1000—532 руб. Это очень странное обстоятельство, такъ какъ кафедра химіи была представлена двумя преподавателями—Шнаубертомъ и Гизе, изъ коихъ послѣдній былъ очень энергичнымъ и дѣльнымъ работникомъ по своему предмету; остается сдѣлать одно предположеніе,—что officialный представитель кафедры проф. Шнаубертъ, въ вѣдѣніи котораго главнымъ образомъ находилась химическая лабораторія, не обращалъ должнаго вниманія на ея устройство и обогащеніе, и дѣло пошло успѣшнѣе только съ того момента, когда Шнаубертъ оставилъ Харьковъ и во главѣ ея сталъ Гизе (въ 1811 году).

¹⁾ Ист. стат. зап., стр. 54, 105.

²⁾ Харьковский университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; см. также рукописные отчеты за 1807 и 1811 годы (Харьковск. универс. архивъ. Дѣла сов. 1807 г. № 64 и 1812 г. № 71).

Въ одномъ помѣщеніи съ химической лабораторіей находилась и *фармацевтическая*, относившаяся впрочемъ уже къ медицинскому факультету и получившая свое начало въ 1812 году, благодаря энергіи преподавателя фармаціи адъюкта Болгаревскаго.

Первыя пріобрѣтенія *технологическаго кабинета*, читаемъ мы у Фойгта, относились къ 1806 году и состояли въ разныхъ моделяхъ машинъ, принадлежащихъ къ области промышленности и практической механики. Пріобрѣтенія продолжались и въ слѣдующіе годы и между прочимъ въ 1808 году поступила модель машины, движимой водяными парами; въ 1809 году—модель хлѣбнаго сарая, въ 1810—модель лошадиной мельницы съ 4 ходами; каждая машина стоила 100 руб. (ас.). Въ 1811, 1812, 1813 гг. были преимущественно покупаемы образцы земледѣльческихъ орудій, такъ какъ особаго агрономическаго кабинета не существовало ¹⁾. Къ этому мы можемъ прибавить весьма немногое. Проф. Тимковскій доставилъ изъ Шостенскаго порохового завода различные образцы пороха и селитры. Университетскій механикъ Кельнъ сдѣлалъ 34 модели; отъ ген.-лейтенанта кн. Мещерскаго поступила въ даръ доска (на подобіе шахматной), составленная изъ разныхъ деревенныхъ мѣстныхъ породъ, а отъ директора училищъ орловской губерніи—модель печи, согревающей 15 комнатъ, съ планами и описаніями. Наконецъ, у профессора сельскаго хозяйства Нельдехена куплено было въ 1812 году 11 моделей ²⁾. Тотъ же проф. Нельдехенъ былъ и завѣдующимъ кабинетомъ.

Преподаваніе естественной исторіи, конечно, сильно нуждалось въ наглядныхъ пособіяхъ и они сосредоточены были въ зоологическомъ и минералогическомъ кабинетѣ и ботаническомъ садѣ.

Зоологическій кабинетъ возникъ въ 1807 году. „Правленіе, говоритъ Фойгтъ, озабочиваясь учрежденіемъ музея естественныхъ произведеній, пригласило директоровъ училищъ въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ учебнаго округа, присылать достопримѣчательнѣйшіе предметы края и этимъ путемъ получило нѣкоторыхъ животныхъ и въ особенности окаменѣлости, положившія начало зоологическому кабинету. Завѣдываніе симъ собраніемъ было возложено на профессора ботаники Делявина; но дальнѣйшее обогащеніе шло медленно, такъ какъ вообще на музей естественной исторіи, включая сюда минералогическій и зоологическій кабинеты, отпускалось по штату всего 600 руб. ас. Не ранѣе 1809 г. послѣдовало новое приращеніе кабинета—собраніе птицъ, насѣкомыхъ

¹⁾ Ист. стат. зап., стр. 90.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

и окаменѣлостей, купленныхъ у ганноверскаго аптекаря Андре¹⁾. По нашимъ источникамъ, покупка коллекціи Андре совершилась ранѣе 1809 года—еще въ 1805 году, а доставлена она была въ Харьковъ въ 1807 году и тогда же произошло распредѣленіе ея предметовъ въ кабинетъ минералогіи, зоологіи и ботаники. Въ томъ же 1807 году приобрѣтена была и другая естественно-историческая коллекція, купленная С. О. Потоцкимъ въ Петербургѣ у Антона Четти за 1800 руб. Въ ней оказалось между прочимъ 100 коралловъ и полиновъ, 36 морскихъ ежей, 12 морскихъ звѣздъ, 2623 раковины, 235 бабочекъ, 540 жуковъ, 90 жуковъ въ спиртѣ, 28 высушенныхъ, 125 чучель птицъ. Въ 1808—1810 гг. къ этимъ предметамъ присоединилось еще 630 насѣкомыхъ, собранныхъ приспѣшникомъ кабинета, кандидатомъ Фирихомъ, въ окрестностяхъ Харькова, 126 чучель (имъ же сдѣланныхъ), окаменѣлая голова какого-то животнаго, вѣроятно, дикаго буйвола (*urus*), присланная директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи, большая окаменѣлая раковина, полученная отъ директора училищъ черниговской губер., чучело бѣлаго пеликана, подаренное адъютантомъ Успенскимъ²⁾. Многіе предметы этого кабинета во время перевозки сильно попортились, какъ это видно изъ заявленія проф. Делявина, по настоянію котораго были сдѣланы для размѣщенія коллекціи удобные шкафы³⁾.

„Основаніемъ минералогическому кабинету, говоритъ Фойгтъ, послужили два значительныя собранія, приобрѣтенныя университетомъ при просвѣщенномъ содѣйствіи перваго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, гр. С. О. Потоцкаго въ 1807 г. Первое—кабинетъ проф. Андре куплено у ганноверскаго аптекаря Грунера за 8000 р. ас.; оно составлялось въ теченіе 40 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ минералы почти изъ всей западной Европы и особенно богато кварцами, семействами цеолитовъ и известковаго шпата. Второе собраніе—иностранца Четти въ количествѣ 520 штуфовъ, куплено за 1800 р. ас. и содержитъ превосходныя экземпляры кокколита, авгита, пистолита, лабрадора и другихъ; всѣ штуфы норвежскихъ и шведскихъ минераловъ принадлежать къ этой коллекціи⁴⁾. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ мы можемъ прибавить слѣдующія. Еще въ 1805 году университетъ озабоченъ былъ приобрѣтеніемъ готоваго минералогическаго кабинета, и ректоръ (И. С.

¹⁾ Ист. стат. зап., стр. 82—83; изъ другого мѣста книги Фойгга видно, что это была коллекція проф. Андре и только купленная у ганноверскаго аптекаря Грунера (стр. 58).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

³⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1808 г. № по архиву 368, по картону 20.

⁴⁾ Ист. стат. зап., стр. 58—59.

Рижскій) тогда же заявилъ, что въ Петербургѣ продается довольно полная учебная коллекція минераловъ у оберъ-бергмейстера Медера за 5000 р. Но такъ какъ одновременно съ этимъ было получено извѣстіе отъ попечителя о покупкѣ имъ въ Ганноверѣ кабинета Грунера, то мысль о пріобрѣтеніи перваго собранія была оставлена. Въ 1806 году Грунеровскій кабинетъ былъ доставленъ въ Петербургъ, а въ Харьковѣ приняты мѣры къ размѣщенію его въ шкафахъ; но полученъ онъ былъ въ университетъ только въ слѣдующемъ году. Тогда же университетъ поручилъ разборку его минераловъ проф. химіи Шнауберту и адъютанту минералогіи Крюгеру, а растений проф. ботаники Делявиню. Въ томъ же 1807 году доставлена была въ Харьковъ и коллекція Четти, въ которой оказалось 520 разныхъ минераловъ. Другихъ покупокъ слѣдано не было, а поступили только пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго 10 минераловъ и нѣсколько вещей (а именно: полированный рожекъ дикой козы, окаменѣлая большая раковина, глиняное лицеподобіе какой-то греческой древней богини, отломокъ ручки и верхушка глинянаго священнаго сосуда), отломокъ воздушнаго камня, найденнаго недавно передъ тѣмъ въ Смоленскѣ, три куска привезенныхъ изъ Крыма известковыхъ камней и кусокъ сибирскаго самороднаго желѣза, открытаго академикомъ Пилласомъ; отъ директора училищъ черниговской губ. Маркова 13 минераловъ и раковинъ, 4 камня Антельской пещеры въ венгерскихъ горахъ, подаренные ему помѣщикомъ Энгельгардтомъ, и одна улитковая окаменѣлость; отъ ректора Рижскаго—подаренныя ему разными лицами 3 окаменѣлости и 6 минераловъ; отъ неизвѣстныхъ—5 кусковъ камня, составляющаго въ Одессѣ и близъ нея берегъ Чернаго моря и употребляемаго тамъ на постройки, два куска гранита и одинъ кварца изъ Ненасытецкаго порога, отполированный съ двухъ сторонъ кусокъ гранита, употребляемаго на постройку въ Полтавѣ монумента въ память полтавской побѣды и находямаго на берегу Днѣпра на 40 в. ниже Кременчуга у с. Келеберды, кусокъ мрамора, издающаго при разбиваніи противный запахъ, большой кусокъ окаменѣлаго дерева, найденный въ изюмскомъ уѣздѣ, близъ с. Савинецъ, на лѣвомъ берегу Довца; отъ директора училищъ екатеринославской губ.—раковина; отъ учителя одесской гимназіи Ферри—два небольшіе кусочка хрустала; отъ директора тагаврогской гимназіи Манне—4 минерала; отъ учителя курской гимназіи Пузанова 2 куска сливагося стекла ¹⁾. Какъ видимъ изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ, составъ минералогическаго кабинета былъ довольно полный, — и стоимость его равнялась почти 10000 руб. асс.; но, къ сожалѣнію, дѣло

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣла“.

разборки и описаніи его, порученное, какъ намъ извѣстно, проф. Шнау-берту и адъюнкту Крюгеру, не было приведено въ исполненіе и подало поводъ къ неприятымъ замѣчаніямъ министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго.

Подробности этого эпизода таковы. Крюгеръ не исполнилъ даннаго ему университетомъ порученія. Тогда университетъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому съ просьбою розыскать каталогъ Грунеровой коллекціи (котораго, очевидно, при ней не оказалось) и прислать для описи адъюнкта Московскаго университета Таубера. Въ отвѣтъ на это министръ и написалъ то рѣзкое и ѣдкое письмо, которое приведено было нами на 391 стр. настоящаго труда. Въ немъ онъ упрекаетъ университетъ въ крайней безиечности, заявляетъ, что теперь отыскать каталогъ невозможно, отказывается въ командировкѣ Таубера и рекомендуетъ университету, если онъ не можетъ этого сдѣлать самъ, поручить составленіе каталога гимназическому учителю естественной исторіи. Университетъ не оставилъ безъ объясненія такого рѣзкаго замѣчанія, но текста этого объясненія мы не имѣемъ—сохранился только отвѣтъ на него министра, который мы приведемъ здѣсь цѣликомъ. „Я согласенъ, отвѣчалъ А. К. Разумовскій, чтобы университетъ списался съ г. Грунеромъ въ разсужденіи купленнаго у него минеральнаго кабинета, дабы получить отъ него, если возможно будетъ, копію съ каталога сего кабинета. Впрочемъ относительно изъясненія совѣта, что сочиненіе упомянутаго каталога предполагаетъ столь великія и точныя свѣдѣнія, что оныхъ ни отъ одного гимназическаго учителя, а слѣдовательно и отъ учителя естественной исторіи, при Харьковской гимназіи находящагося, ожидать не можно, я долженъ замѣтить, что такового изъясненія принять нельзя. Студенты здѣшняго педагогическаго института, поступившіе учителями въ гимназіи, въ бытность свою въ институтѣ неоднократно доказали на самомъ опытѣ знанія свои по сей части, составивъ каталоги важнымъ минеральнымъ кабинетамъ, въ институтѣ поступившимъ. Если гимназическіе учителя по харьковскому округу столь далеки въ знаніяхъ своихъ отъ сихъ студентовъ, то нельзя отнести сего въ похвалу имъ, равно какъ и тѣмъ, кѣмъ они къ настоящимъ должностямъ призваны“ (8 января 1812 г.)¹⁾. И этотъ отвѣтъ, какъ мы видимъ, дышетъ также ѣдкимъ сарказмомъ, который какъ то странно звучитъ въ дѣловой, формальной бумагѣ министра къ подчиненной ему коллегіи. Мы не знаемъ, какія извиненія представляла эта коллегія въ свое оправданіе, но нѣкоторое понятіе о нихъ можно составить по перепискѣ ея съ академикомъ Фусомъ. Отъ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1811 г. № 35.

Фуса правленіе надѣялось узнать о судьбѣ каталога Груннеровскаго кабинета. И вотъ что отвѣтилъ ему Фусъ: „на запросъ правленія я не иначе отвѣчать могу, какъ токмо изъ памяти, потому что всѣ писанныя ко мнѣ отъ аптекаря Грунера касательно продажи его каталога письма, по мѣрѣ полученія ихъ, мною препровождаемы были къ его сіятельству графу Северину Осиповичу Потоцкому, который препоручилъ мнѣ просить г. Грунера о сообщеніи каталога его кабинета, отъ коего я получилъ отвѣтъ, что онъ препроводилъ его къ російскому посланнику, при берлинскомъ дворѣ находившемуся. Спустя нѣсколько времени г. Алопеусъ увѣдомилъ меня, что пакетъ сей отправленъ былъ съ курьеромъ. По полученіи сего извѣстія я неоднократно писалъ къ покойному статскому совѣтнику Драхенфельсу, управлявшему тогда одною изъ экспедицій канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, прося его о выдачѣ помнутаго пакета, но тщетно. Давъ знать о семъ его сіятельству графу Потоцкому, я просилъ его отнестись къ его сіятельству князю Черторижскому, управлявшему тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, дабы онъ приказалъ отыскать сей каталогъ, но сдѣлано ли по сему предмету какое отношеніе и съ какимъ успѣхомъ, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ я всегда думалъ, что его сіятельство г. попечитель помннутый каталогъ получилъ и что не иначе какъ по разсмотрѣніи оного опредѣлено было купить сей кабинетъ“ ¹⁾. Получивъ этотъ отзывъ, совѣтъ университета, очевидно, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою навести справки о каталогѣ въ посольствѣ—а въ отвѣтъ на него послѣдовало извѣстное намъ рѣзкое замѣчаніе гр. А. К. Разумовскаго. Въ концѣ концовъ такъ и осталось неизвѣстнымъ, у кого затерялся каталогъ—въ посольствѣ ли, у попечителя, или, наконецъ, въ университетѣ. Правда изъ документовъ видно, что самъ университетъ не остававливался на этой послѣдней возможности; а между тѣмъ мы не можемъ исключить и ее: каталогъ могъ затеряться у проф. Шнауберта или еще скорѣе у адъюнкта Крюгера, который въ 1811 году оставилъ Харьковскій университетъ, не выполнивъ даннаго ему порученія объ описаніи минералогическихъ коллекцій. А что это было именно такъ, видно изъ слѣдующаго мѣста официального отчета университета за 1807-й годъ: „правленіе университета препоручило принятіе по доставленному при семъ кабинетъ (Груннера) каталогу разсортированіе и приведеніе въ порядокъ тѣхъ ископаемыхъ профессору химіи Шнауберту и адъюнкту минералогіи Крюгеру“ ²⁾. Изъ описи бумагъ, полученныхъ въ университетѣ вмѣстѣ съ кабинетомъ Груннера, видно, что въ числѣ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 64.

ихъ былъ и черновой каталогъ, переданный проф. Шнауберту. Последний составилъ указатель къ коллекціи Груннера, но считалъ нужнымъ, чтобы кому либо изъ специалистовъ въ минералогіи было поручено составить еще другой подробный систематическій каталогъ (съ описаніемъ минераловъ) ¹⁾.

Ботаническій кабинетъ—слава и гордость Харьковскаго университета—былъ основанъ въ 1825 году (хотя нѣкоторые предметы, входящіе въ его составъ, были приобрѣтены еще до открытія университета), а въ изучаемый нами періодъ времени все вниманіе было обращено на ботаническій садъ. О ботаническомъ садѣ за первые 10 лѣтъ его существованія у Фойгта мы находимъ только слѣдующее извѣстіе. „Обширное мѣсто, занимаемое ботаническимъ садомъ, уступлено университету еще въ 1804 году обывателями г. Харькова, по ходатайству перваго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа С. О. Потоцкаго, и тогда же раздѣлено на два большія отдѣленія—верхній или англійскій садъ, предназначенный для общественныхъ гуляній, и нижній или собственно ботаническій. До 1807 г. включительно главное попеченіе было обращено на насажденіе лѣсныхъ деревьевъ для устройства аллей и рошъ и на возведеніе необходимыхъ строеній. Экзотическія растенія, за неимѣніемъ еще оранжерей, содержались въ комнатахъ, а свойственные климату травянистыя породы разводились на открытомъ воздухѣ. Въ 1808 году построены каменная оранжерея и деревянная теплица. Экзотическія растенія были перенесены туда и стали постепенно умножаться частію покупками, частію дарственными приношеніями, частію выводомъ изъ сѣмянъ. На открытомъ воздухѣ, съ этого времени до 1825 года, устроены 4 квадратныя отдѣленія для систематическихъ плантацій, также 2 каменные парника, небольшой цвѣтникъ близъ оранжерей и вырытъ колодезь“ ²⁾. Эти свѣдѣнія слишкомъ кратки и не даютъ почти никакого представленія о тѣхъ заботахъ, которыя употреблялъ относительно ботаническаго сада попечитель Потоцкій и дѣятели университета. Въ дѣйствительности, нужно сказать, что ботаническій садъ былъ предметомъ особенныхъ, исключительныхъ заботъ попечителя, и на устройство его потрачены были весьма значительныя суммы, далеко превышавшія штатныя ассигновки.

Первоначально, до открытія университета, какъ мы знаемъ, небольшой ботаническій садикъ былъ разведенъ на дворѣ университетскихъ зданій, но это было крохотное пространство, площадь котораго

¹⁾ Харьковскій университет. архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № по архиву 280, по картону 15.

²⁾ Ист. стат. зап., стр. 74—75.

равнялась всего 450 кв. саж. Его впрочемъ не забросили и тогда, когда начали разводить большой садъ по сумскому шоссе (нынѣшній университетскій): въ немъ было въ 1805 году 1000 растений разныхъ видовъ. Но главное вниманіе съ 1805 г. было обращено, конечно на устройство большаго сада, на томъ огромномъ пространствѣ, которое было частью куплено университетомъ въ опеку Кантемира (такъ называемый Кантемировскій садъ), частью уступлено войсковыми обывателями безвозмездно, частью, наконецъ, приобретено у нихъ за деньги (собственно усадебныя мѣста). Тутъ предполагалась постройка всѣхъ университетскихъ зданій; тутъ Потоцкій рѣшилъ развести и ботаническій садъ. Еще будучи на открытіи университета, Сев. Ос. Потоцкій выразилъ желаніе, чтобы были приняты мѣры къ скорѣйшему устройству ботаническаго сада. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Крымъ адъюнктъ ботаники Каретниковъ въ сопровожденіи помощника садовника Стровальда, и имъ поручено было привезти оттуда разные деревья и сѣмена, по списку, составленному профессоромъ ботаники Делявинымъ. Прислано и привезено было адъюнктомъ Каретниковымъ изъ Крыма 250 разныхъ видовъ. Съ весны начались въ саду работы для разсадки деревьевъ по аллеямъ. Чтобы увеличить запасъ деревьевъ, садовникъ Цетлеръ (привезенный попечителемъ изъ Вѣны) отправленъ былъ для пріисканія ихъ въ окрестные лѣса, а за тѣмъ, по предложенію графа Потоцкаго, командированъ въ имѣніе графини Браницкой — мѣстечко Бѣлую Церковь (близъ Кіева). Графиня Браницкая, по просьбѣ попечителя, подарила Харьковскому университету 37 разныхъ видовъ растений въ количествѣ 380 экземпляровъ¹⁾. Сверхъ того самъ Сев. Ос. Потоцкій прислалъ 150 плодовыхъ деревьевъ, 50 молодыхъ акацій и нѣсколько сѣмянъ; а университетъ купилъ 32 вида разныхъ растений у коллежскаго совѣтника Минстера и два воза миндальныхъ деревьевъ у профессора Делявина. Всѣ приготовленія къ посадкѣ деревьевъ приходили къ концу — какъ вдругъ ударили морозы, и посадка была отложена до слѣдующаго года. Для жилья садовника и его помощника были приспособлены два небольшихъ домика, изъ коихъ одинъ перешелъ къ университету отъ войскаго обывателя, а другой находился въ Кантемировскомъ саду; для годовыхъ же работниковъ куплено было двѣ избы у другихъ обывателей. А чтобы имѣть впродъ въ университетѣ собственнаго садовника,

¹⁾ Сохранился полный списокъ этихъ видовъ; среди нихъ мы между прочимъ находимъ: *Amygdalus pumila*, *Aster sibirica*, *Berberis vulgaris*, *Bignonia catalpa*, *Culutea orientalis*, *Cornus alba*, *Fragaria vesca*, *Lonicera caprifolium*, *Lycium barbatum*, *Phyladelphus coronarius*, *Populus dilatata*, *Pyrus spectabilis*, *Rubus idaeus*, *Rosa centifolia*, *Salix babilonica* и др.

Цетлеру отданъ былъ въ ученье одинъ казенный воспитанникъ слободскоукраинской гимназіи, слабо успѣвавшій въ наукахъ, но обнаруживавшій охоту къ садовому дѣлу. Наконецъ, адъюнктъ архитектуры Васильевъ представилъ попечителю планъ будущаго устройства ботаническаго сада и его оранжереи, но онъ не получилъ утвержденія.

Таковъ былъ общій ходъ дѣла по устройству ботаническаго сада въ 1805 году. Остановимся теперь на подробностяхъ и приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ предложеній попечителя, ярко рисующихъ его заботу объ этомъ учрежденіи. Въ маѣ мѣсяцѣ ректоръ университета Рижскій получилъ отъ гр. С. О. Потоцкаго письмо, въ которомъ тотъ предлагалъ 1) употребить всѣ старанія относительно ботаническаго сада, чтобы наверстать такимъ образомъ два потерянные лѣта; 2) огородивъ и приготовивъ землю для посадокъ, немедленно приступить за садъ, тѣмъ болѣе что графиня Браницкая рѣшила пожертвовать нѣкоторую часть всѣхъ имѣющихся у нея иностранныхъ породъ; 3) завести особаго комиссіонера по этой части въ Кіевѣ, съ тѣмъ чтобы онъ получалъ идущія изъ Европы для университета коллекціи. Съ своей стороны гр. Потоцкій прислалъ нѣкоторое количество деревьевъ и сѣмянъ и обѣщалъ выслать съ Судаковымъ общій планъ сада. Правленіе постановило немедленно извѣстить объ этихъ предложеніяхъ проф. Делявина (директора сада) и запросить его, что ему нужно для приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ еще въ въ текущемъ году ¹⁾. Между прочимъ подъ вліяніемъ этого письма ректоръ университета Рижскій предложилъ для ускоренія земляныхъ работъ нанять въ с. Пенѣ и Медвѣнкѣ курской губ. специалистовъ грабарей и замѣнить ими поденныхъ рабочихъ; для найма ихъ былъ командированъ въ эти деревни университетскій служитель Моисей Бурименко ²⁾.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ гр. С. О. Потоцкій обратился въ университетъ съ новымъ напоминаніемъ о ботаническомъ садѣ; тутъ онъ требовалъ: 1) чтобы правленіе поручило, кому слѣдуетъ, возможно скорѣе составить планъ сада и представить на его одобреніе; 2) чтобы проф. Делявинъ и садовникъ Цетлеръ доставили ему списокъ наиболѣе необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, растений и сѣмянъ; 3) избрать комиссіонеровъ въ Кіевѣ для такихъ случаевъ, какъ пожертвованіе граф. Браницкой. Правленіе въ отвѣтъ на это увѣдомило попечителя, что земля для ботаническаго сада уже вспахана и еще разъ будетъ перепахана послѣ дождей, что со стороны большой дороги она обрыта уже рвомъ и обнесена

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюль; засѣданіе 30 мая.

²⁾ Ibidem; іюль—декабрь; засѣданіе 3 іюля.

плетнемъ, который проф. Делявинъ намѣренъ въ послѣдствіи замѣнить живою изгородью, что на избранномъ проф. Делявинымъ мѣстѣ, защищенномъ отъ сѣвера и востока горою, рѣшено построить оранжерею, причемъ приступили было уже къ работамъ, но приостановили ихъ до весны въ виду заявленія проф. Делявина, что оранжерея, построенная въ концѣ лѣта, будетъ зимою сыра и неудобна для растений (въпрочемъ заготовка матеріаловъ продолжалась безостановочно). Въмѣстѣ съ тѣмъ правленіе распорядилось, чтобы проф. Делявинъ, съ садовникомъ Цетлеромъ и адъюнктомъ архитектуры Васильевымъ, представили къ ближайшей суббота, утромъ 29 іюля, планъ сада, чтобы его можно было отправить того же числа къ попечителю; кассиру университетскому былъ отданъ приказъ заготовить нужные матеріалы для обнесенія плетнемъ остальныхъ сторонъ сада; наконецъ, по предложенію проф. Умляуфа, рѣшено было запросить проживавшаго въ Кіевѣ аптекаря Бунге, не согласится ли онъ сдѣлаться комиссіонеромъ Харьковскаго университета и на какихъ условіяхъ ¹⁾. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ гр. Потоцкій прислалъ письмо проф. Делявину, въ которомъ просилъ 1) чтобы все мѣсто, занятое садомъ, было обнесено хотя какою-нибудь оградой для защиты отъ скота, 2) чтобы сдѣланъ былъ прежде всего генеральный планъ сада, дабы въ послѣдствіи не производить передѣлокъ и поправокъ, что обыкновенно случается, когда начинаютъ работы наудачу; онъ, попечитель, оставилъ раньше легкій абрисъ плана, а теперь посылаетъ другой, но проситъ не стѣсняться имъ и прислать нѣсколько другихъ плановъ, чтобы остановить свой выборъ на лучшемъ, но необходимо, прибавлялъ онъ, поспѣшить съ планомъ, чтобы имѣть возможность приготовить землю къ посадкамъ; желательно также было бы получить, писалъ попечитель, 2 или 3 рисунка рѣшетокъ, на половину кирпичныхъ, на половину деревянныхъ, покрашенныхъ черною краскою подъ цвѣтъ желѣза, съ хорошими по срединѣ воротами (главный входъ съ большой дороги), а также списокъ сѣмянъ и растений, которые нужно выписать изъ Вѣны и Берлина. Правленіе приняло мѣры, соотвѣтствовавшія выраженнымъ въ этомъ письмѣ желаніямъ попечителя. Получивъ планъ отъ проф. Делявина, гр. С. О. Потоцкій въ общемъ его одобрилъ, но сдѣлалъ рядъ мелкихъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ былъ тонкій знатокъ и любитель этого дѣла (письмо относится къ 21 августу). Профессорскій домъ нужно было, по мнѣнію графа, подвинуть къ сторонѣ университетскаго зданія, ибо, находясь по срединѣ, онъ отнимаетъ видъ у сада, который долженъ быть совершенно открытъ; на другой же сто-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 24 іюля.

ронѣ къ городу можно будетъ современемъ поставить кофейный домъ. Предположеніе проф. Делявина обнести садъ живой оградой онъ одобряетъ, но съ лицевой стороны нужно сдѣлать полисадъ или рѣшетку хорошей работы (*une jolie grille*), которая придастъ ему великую красоту и черезъ которую будетъ входъ для публичнаго гулянья. Желательно, чтобы въ нынѣшнемъ еще году успѣли сдѣлать 5 аллей, изъ коихъ средняя должна быть шире другихъ. Но занимаясь этой работой, не слѣдуетъ упускать изъ виду находящіеся въ разныхъ мѣстахъ сада боскеты; если ихъ нѣсколько обдѣлать, привести въ лучшее состояніе, провести между ними небольшія усыпанные пескомъ англійскія дорожки, то эти рощицы будутъ представлять очень хорошій видъ и эта работа, въ виду ея легкости, можетъ быть исполнена еще нынѣшнимъ лѣтомъ, а ему, попечителю, будетъ очень пріятно увидѣть все это, когда онъ пріѣдетъ въ концѣ зимы въ Харьковъ ¹⁾. Въ сентябрѣ гр. С. О. Потоцкій снова обращается въ университетъ съ бумагой, въ которой между прочимъ подаются разные совѣты относительно покупки для ботаническаго сада сѣмянъ и растений г. Босса, а также въ Берлинѣ и Дессау, гдѣ очень много сѣвероамериканскихъ породъ ²⁾. Въ концѣ сентября, согласно предложенію проф. Делявина, былъ командированъ для осмотра окрестныхъ лѣсовъ и доставки деревьевъ адъюнктъ Каретниковъ, который долженъ былъ разыскать, по списку, составленному проф. Делявинымъ, 660 экземпляровъ деревьевъ и 5700 экз. кустарниковъ; въ этомъ списокѣ фигурируютъ—*Quercus robur*, *Fraxinus excelsior*, *Acer platanoides*, *Acer pseudoplatanus*, *Populus tremula*, *Populus alba*, *Populus nigra*, *Ulmus campestris* и др.; больше всего (5000 экз.) проф. Делявинъ хотѣлъ имѣть *Crataegus oxyacantha*. На путевые расходы и на уплату за деревья Каретниковъ получилъ 200 р., причемъ всѣ расходы долженъ былъ вписывать въ данную ему шнуровую книгу; въ случаѣ отсутствія указанныхъ породъ онъ могъ пополнить свою коллекцію болѣе простыми видами ³⁾. 11 сентября графъ С. О. Потоцкій прислалъ въ университетъ письмо, полученное имъ отъ графини Александры Васильевны Браницкой и просилъ о немедленной командировкѣ садовника Цетлера въ ея имѣніе Бѣлую Церковь. Графиня А. В. Браницкая писала Потоцкому: „имѣвъ честь получить письмо ваше отъ 17-го іюля поспѣшаю увѣрить васъ, милостивый государь, что мнѣ весьма пріятно будетъ произведеніе моего сада раздѣлить съ садомъ Харьковскаго университета. Выборъ деревъ для сего отдаю я на волю садовника, кото

¹⁾ Ibidem, засѣданіе 7 сентября.

²⁾ Ibidem, засѣданіе 11 сентября.

³⁾ Ibidem, засѣданіе 21 сентября.

рый будетъ отъ васъ присланъ, предоставляя себѣ только удовольствіе немедленно увѣдомить васъ о томъ, что имъ будетъ избрано и отправлено въ Харьковъ". Графъ С. О. Потоцкій совѣтовалъ въ виду этого поскорѣе отправить Цетлера съ какимъ-нибудь помощникомъ въ Бѣлую Церковь, съ тѣмъ чтобы они забрали оттуда деревья и если будутъ проѣзжать черезъ Нѣжинъ, то посадили бы тамъ, на мѣстѣ, отведенномъ подъ гимназію, нѣкоторое количество тополей. Что касается составленнаго Цетлеромъ плана ботаническаго сада, то онъ, по мнѣнію попечителя, доказывалъ плохое знакомство его съ англійскими садами и ихъ украшеніями; а такъ какъ расположеніе сада графини Браницкой доведено до возможной степени совершенства, то ему, Цетлеру, представлялась теперь возможность внимательно изучить этотъ послѣдній, съ тѣмъ чтобы по образцу его устроить университетскій. Правленіе рѣшило выдать на расходы Цетлеру 350 руб., прикомандировать къ нему въ помощь канцелярскаго служителя Анадоляскаго и снабдило ихъ подробною инструкціей, въ которой, между прочимъ, говорилось, чтобы Цетлеръ выкапывалъ изъ сада только тѣ деревья, которыя въ тогдашнее холодное время года не боялись бы перевозки, остальнымъ же онъ долженъ былъ сдѣлать только списокъ и представить его правленію, а копію съ него оставить садовнику графини, съ тѣмъ чтобы ихъ взять потомъ весною хотя бы и въ отсутствіе этой послѣдней. Въ заключеніе правленіе предлагало совѣту внести имя графини Браницкой въ списокъ благотворителей Харьковскаго университета ¹⁾. Привезенныя Цетлеромъ деревья были завернуты въ солому и оставлены на зиму въ сараѣ.

При исполненіи мѣропріятій, намѣченныхъ попечителемъ, встрѣтились впрочемъ неожиданныя затрудненія. Когда стали копать ямы для посадки деревьевъ, въ полуаршинѣ глубины отъ поверхности почвы оказался столь твердый и плотный слой глины, что работникамъ понадобилось бы въ 10 разъ болѣе времени на работу, чѣмъ предполагалось раньше; проф. Делявинъ счелъ нужнымъ донести объ этомъ правленію и просилъ разрѣшенія вывозить эту глину для предполагаемыхъ университетскихъ построекъ, а вмѣсто нея подсыпать черную землю. Правленіе рѣшило подождать еще отзыва по этому дѣлу садовника Цетлера, какъ лица, практически знакомаго съ садоводствомъ, а также сдѣлать на мѣстѣ должный осмотръ ²⁾. Цетлеръ съ своей стороны далъ отзывъ, что глинистая почва сада не годится для посадокъ и должна быть смѣшана съ черноземомъ, пескомъ и известковой землей. Несовѣтъ удачной оказалась и экскурсія адъюкта Каретникова по окружающимъ

¹⁾ Ibidem; засѣданіе 25 сентября.

²⁾ Ibidem; засѣданіе 5 октября.

лѣсамъ. Ему не удавалось выкапывать деревьявъ, потому что на это не послѣдовало разрѣшенія казенныхъ лѣсничихъ; поэтому онъ долженъ былъ поѣхать за этимъ разрѣшеніемъ въ Зміевъ и только послѣ этого отправилъ въ Харьковъ небольшое количество деревьевъ; но и они оказались негодными для посадки, потому что корни у нихъ были обрублены у самого ствола; за эту небрежность и недосмотръ правленіе сдѣлало Каретникову выговоръ ¹⁾.

Между тѣмъ тр. Потоцкій, одобливъ ходъ дѣла по доставкѣ деревьевъ изъ Бѣлой Церкви, выразилъ неудовольствіе по поводу медленнаго хода работъ въ самомъ саду. „Что касается до работъ, производящихся въ саду, писалъ онъ, то нѣсколько удивительно мнѣ, что производство ихъ имѣетъ весьма медленный ходъ. Я полагалъ, что ямы, въ которыхъ должно садить деревья, давно уже приготовлены, судя по времени предложенія, даннаго мною по сему предмету, но къ сожалѣнію усмотрѣлъ нынѣ, что университетъ не приступалъ еще къ сей работѣ; начавшіеся же морозы сдѣлаютъ теперь великое въ томъ помѣшательство. Если бы они приготовлялись въ хорошее время, то работа была бы окончена скорѣе и слѣдовательно съ меньшими издержками. Притомъ знатоки въ садоводствѣ утверждаютъ, что вырытыя ямы могутъ стоять цѣлое лѣто не закрытыми и что окружающая ихъ земля не только не подвержена какому-либо поврежденію, но отъ стекающаго въ нихъ дождя и дѣйствія атмосферы становится гораздо лучше и плодороднѣе. По симъ причинамъ надѣюсь я, что университетъ впредь въ подобныхъ случаяхъ не оставитъ произвести таковыя работы въ свое время“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ онъ заявляетъ, что лично посѣтитъ Харьковъ и при этомъ добавляетъ: „я постараюсь поспѣшить прибытіемъ моимъ въ Харьковъ, дабы имѣть время принять дѣятельнѣйшія мѣры къ устроенію университетскаго сада и чтобы съ наступающею весною немедленно начать въ немъ разсаживаніе аллей и рощей; а какъ для этого нужно будетъ достаточное число работниковъ, то университетъ имѣетъ прискаты и нанять ихъ къ тому времени и предварительно приготовить нужныя къ тому деревья, дабы немедленно заняться этими работами. Хотя производство ихъ потребуетъ значительной суммы, но какъ дѣло это необходимо и неминуемо должно быть, конечно, то лучше пожертвовать ее вдругъ, чтобы удобнѣе можно было явить какіе-либо плоды нашихъ занятій, долженствующіе принести университету ощутительную пользу и въ то же время доставить тамошней публикѣ совершенное удовольствіе. Что же касается до предположенія, будто земля

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem; засѣданіе 6 ноября.

тамъ неудобна къ садоводству, то я весьма въ томъ сомнѣваюсь, види повсюду въ окрестностяхъ Харькова сады въ такомъ положеніи, въ какомъ дозволяютъ имъ быть прилагаемыя о нихъ старанія. Я сужу, что на землѣ и нашего сада удобно могутъ расти деревья и разнаго рода растенія, тамошнему климату свойственныя, тѣмъ болѣе, когда будутъ приложены къ воспитанію и содержанію ихъ тщательныя попеченія¹⁾. Изъ представленныхъ нами писемъ графа Потоцкаго ясно видно, какъ сильно онъ былъ увлеченъ устройствомъ ботаническаго сада; и, конечно, этимъ увлеченіемъ нужно объяснить то недовѣріе, которое онъ высказалъ въ послѣднемъ письмѣ къ заявленію проф. Делинина и садовника Цетлера о непригодности глинистой почвы сада для посадокъ.

Въ 1806 году попечитель дѣйствительно два раза посѣтилъ Харьковъ: одинъ разъ въ мартѣ—апрѣлѣ, другой — въ августѣ—сентябрѣ. Между прочимъ, относительно университетскаго сада онъ предложилъ построить въ 1806 году по утвержденному имъ плану оранжереи и теплицы и часть каменной ограды съ таковыми же воротами²⁾. И это было исполнено. Въ теченіе 1806 года вообще въ саду были сдѣланы слѣдующія работы: происходила посадка деревьевъ, приготовлено было мѣсто для собственно ботаническаго сада; начата постройкой каменная оранжерея длиною въ 40, а шириною въ 10 арш.; на большой Сумской дорогѣ, съ лицевой стороны сада, построена часть каменной съ деревяннымъ палисадомъ ограды, съ каменными же воротами посерединѣ; для поливки посадокъ выкопано два колодца—одинъ въ верхней части сада подлѣ мѣста назначеннаго для фруктовой школы (глубиною въ 12 саж.), другой—внизу подлѣ каменной оранжереи (глубиною въ 5 саж.); получено было частію за деньги, частію въ даръ значительное количество деревьевъ, кустарниковъ, травъ и сѣмянъ, а также приобрѣтено много орудій; для сбереженія растений въ теченіе зимы навято каменное строеніе аптекаря Пискуновскаго³⁾. Инициаторомъ и душею дѣла попрежнему былъ гр. С. О. Потоцкій. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго предложенія его на имя правленія. „Для лучшаго руководства въ работахъ, долженствующихъ быть въ саду, я почелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторые замѣчанія относительно ихъ. Впрочемъ если университетъ найдетъ какое-либо затрудненіе или неудобство въ исполненіи ихъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то можетъ мнѣ представить объ ихъ перемѣнѣ: 1) Поставить огорожу, отступя сколько будетъ можно, чтобы она составляла прямую линію, съ будущимъ университетскимъ

¹⁾ Ibidem; журналы правленія 1806 г., январь—июнь; засѣданіе 22 января.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

³⁾ Ibidem.

строеніемъ. 2) Сдѣлать рѣшетку и ворота по утвержденному фасаду, исключая желѣзныхъ дверей, которыя оставить впредь до разрѣшенія. 3) Эта рѣшетка должна имѣть на каждой сторонѣ воротъ отъ 7 до 10 присель или звеньевъ. 4) При входѣ въ садъ оставить отъ рѣшетки порожнее мѣсто въ видѣ полуциркуля или лучше эллипса, въ которомъ бы удобно можно было помѣстить по крайней мѣрѣ отъ 10 до 12 каретъ кромѣ дрожекъ. 5) Совершенно сравнять и удобрить землю, назначенную подъ ботаническій садъ и если потребуется глина, то брать ее изъ горы, близъ которой будетъ оранжерея, а черноземъ — съ самаго низу, благодаря чему мало по малу приготовится тамъ каналъ, полезный во многихъ отношеніяхъ. 6) По окончаніи этихъ работъ сдѣлать два рва, изъ коихъ первый будетъ отдѣлять ботаническій садъ отъ верхняго или променада и будетъ служить ему защитой отъ стекающей въ него воды, а другой на концѣ сада на означенномъ мѣстѣ отъ угла улицы до самаго низу, проведя его по прямой линіи; причемъ надобно устроить такъ, чтобы первый имѣлъ достаточную покатость для удобнаго стеченія воды. 7) Сдѣлать одинъ колодезь при оранжерей, другой — внизу ботаническаго сада, а третій, если не слишкомъ дорого стоитъ будетъ — на самомъ концѣ большой аллеи по лѣвую сторону. Если этотъ послѣдній будетъ сдѣланъ, то вырываемую изъ него землю насыпать на аллею. 8) Приготовить для посадки деревьевъ и кустарниковъ ямы на томъ мѣстѣ, гдѣ поставлены колышки, разстояніемъ одна отъ другой аршина на $1\frac{1}{2}$ или на 2, наблюдая при томъ, чтобы онѣ были не въ прямой линіи; дорожекъ же между ними не дѣлать до моего пріѣзда; причемъ нужно также заготовить довольно количество чернозему; такъ какъ въ серединѣ куртинъ сажаютъ обыкновенно большіе кустарники, а по краямъ меньшіе, то и ямы должны быть вырыты въ серединѣ большія, а по краямъ меньшія. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Харькова садовникъ Цетлеръ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ остаться въ семъ городѣ. По сему если подасть онъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности, то университетъ имѣетъ объявить ему, что онъ никого силою держать не можетъ, а потому и онъ получить увольненіе, только по прошествіи 6 недѣль отъ дая подачи просьбы, дабы въ это время университетъ могъ пріискать другого на его мѣсто; при семъ просилъ онъ а) выдать ему на путевыя издержки; б) оставить ему нѣкоторыя ботаническія книги, полученныя имъ отъ анштета и с) заплатить за сѣмена и растенія, которыя онъ привезъ съ собою и за которыя университетъ дѣйствительно ничего не платилъ; хотя на требованіе первыхъ двухъ статей не имѣетъ онъ никакого права, но какъ эти сѣмена и растенія оставляетъ онъ въ пользу

университета, то можно ему какъ въ вознагражденіе его, такъ и для поощренія къ дальнѣйшимъ трудамъ, пока будетъ оставаться на этомъ мѣстѣ, выдать по усмотрѣнію университета нѣкоторую сумму на путевыя издержки по соразмѣрности стоимости упомянутыхъ растений, и оставить у него нѣкоторую часть означенныхъ книгъ¹⁾. Осмотрѣвъ лично университетскій садъ, гр. С. О. Потоцкій остался недоволенъ произведенными въ немъ работами и выразилъ это въ слѣдующемъ письмѣ: „отъ 19-го прошлаго февраля, писалъ С. О. Потоцкій, далъ и университету замѣтить, что издержки, сдѣланныя имъ для ботаническаго сада показались мнѣ довольно значительны, тѣмъ болѣе что изъ донесеній его не можно было усмотрѣть, чтобы успѣхи работъ были соразмѣрны употребленной для нихъ суммѣ. Обзорѣвъ нынѣ всѣ сіи работы, въ прошломъ году произведенныя, нахожу я, что съ одной стороны университетъ прилагалъ великое о садѣ попеченіе и что производство ихъ дѣйствительно могло стоить таковыхъ издержекъ, но съ другой стороны не могу не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ не только не приносятъ какой либо пользы, но даже вредны для хорошаго расположенія сада и потому употребленныя на нихъ издержки совсѣмъ бесполезны. Университетъ хотя не имѣлъ утвержденного плана, но тѣмъ не менѣе зналъ, что намѣреніе мое было устроить сей садъ въ англійскомъ вкусѣ. Я имѣлъ въ томъ два вида: во 1-хъ, что въ семъ случаѣ можно пользоваться всякимъ мѣстоположеніемъ и особенно находящеюся на нихъ рощею, размѣщая и умножая въ ней иностранныя деревья и кустарники, кои желательно и возможно перенести въ здѣшній климатъ; во 2-хъ, потому что устройство англійскаго сада, принаровненное къ естественному мѣстоположенію, самое удобное и слѣдовательно съ меньшими издержками соединенное. Но университетъ, при назначеніи работъ, кажется, упустилъ это изъ виду, опредѣливъ столь великое пространство вспахать, низкія мѣста насыпать, а возвышенныя уравнивать; онъ не взялъ на замѣчаніе, что сіи возвышенія и пригорки, оставаясь въ прежнемъ своемъ положеніи, не только бы не испортили, но, составляя разнообразныя виды, необходимыя для англійскаго сада, могли бы сами собой служить нѣкоторымъ украшеніемъ. По сему рекомендую университету какъ до утвержденія плана ботаническаго

¹⁾ Садовникъ Цетлеръ недавно передъ тѣмъ [подаль гр. С. О. Потоцкому прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о разныхъ льготахъ для себя. Часть ихъ попечитель, какъ это можно видѣть изъ отвѣта его Цетлеру, готовъ былъ удовлетворить, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ обучалъ садоводству нѣсколькихъ учениковъ и работниковъ, которые могли бы быть полезны какъ для университета, такъ и для мѣстныхъ помѣщиковъ. (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 года, январь—іюнь; засѣданіе 23 апрѣля).

ида, такъ и послѣ этого въ распоряженіяхъ работъ—1) стараться воспользоваться самымъ естественнымъ положеніемъ земли, находящейся одѣ садомъ; 2) производить издержки съ возможною бережливостію, избѣгалъ всячески излишняго уравниванія неровныхъ мѣстъ, исключая только тѣхъ, которыя предназначены для школы садоводства и собственно для ботаническихъ растений¹. Изъ справокъ, приведенныхъ правленіемъ и приложенныхъ къ настоящему письму попечителя, можно прочесть убѣдиться, что онъ былъ не совсѣмъ правъ въ своихъ упрекахъ; правленіе и администрація сада дѣйствовали съ одобреніемъ графа Потоцкаго и предварительно сообщали ему о всѣхъ своихъ предпріятіяхъ (въ томъ числѣ писали ему и о вспахиваніи земли въ саду); предпріятыя въ саду работы правда обошлись очень дорого—60 земледельцевъ съ 30 телѣгами стоили въ мѣсяцъ до 2000 руб.—но самъ попечитель, какъ мы знаемъ, просилъ университетъ нанять побольше рабочихъ и не бояться единовременной затраты на это средствъ¹). Осенью 1806 года гр. С. О. Потоцкій прислалъ въ правленіе слѣдующее письмо, при распоряженіяхъ, прежде мною слѣданныхъ въ разсужденіи сада, забылъ упомянуть, что желательно было бы посадить сверху оранжерей 100 молодыхъ сосенъ и елей; онѣ вѣрно тамъ примутся. Я видѣлъ тому примѣръ въ Лиличахъ; тамъ пересажена осенью цѣлая роща того рода деревьевъ,—и всѣ принялись чрезвычайно хорошо. Сія роща осенью и елей будетъ началомъ къ насажденію другихъ обыкновенныхъ деревьевъ и можетъ быть нѣкоторымъ украшеніемъ нашего сада. Обѣданный сѣмена Василиемъ Назаровичемъ (Каразинымъ), вѣроятно, не исключаютъ въ себѣ всѣ роды деревьевъ и кустарниковъ, тамошнему краю свойственныхъ; для сего нужно стараться доставить оныя частнымъ образомъ или отъ другихъ помѣщиковъ или отъ форшмейстеровъ, хотя бы это стоило нѣсколько десятковъ рублей; симъ способомъ мы будемъ имѣть современемъ собственную школу деревьевъ и кустарниковъ, кои могутъ расти въ тамошнемъ климатѣ²).

Въ 1807 году въ университетскомъ саду весной было 30 человекъ земледельцевъ, занимавшихся тамъ и раньше. Они выполнили слѣдующія работы: вырыли ровъ, отдѣляющій ботаническій садъ съ сѣвера отъ университетскаго мѣста; выкопали болѣе 3000 ямъ для посадокъ деревьевъ; вырыли внизу между ботаническимъ садомъ и рѣкою Лопанью водоемъ длиною въ 60, а шириною въ 3½ саж. Прочія работы въ саду выполняли три годовыхъ работника и одинъ ученикъ подъ наблюде-

¹) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 года, январь—мартъ; засѣданіе 30 апрѣля.

²) Ibidem; июль—декабрь; засѣданіе 8 октября.

ніем садовника и его помощника. Въ саду въ это время было сдѣлано значительное количество посадокъ, а именно: на пустыхъ мѣстахъ посажено, согласно предложенію попечителя, 10540 лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ, 1000 шелковицъ, подаренныхъ аптекаремъ Пискуновскимъ, 630 фруктовыхъ деревьевъ, купленныхъ университетомъ, разныя иностранныя растенія, присланныя въ 2-хъ ящикахъ попечителемъ. Сверхъ того получено было — отъ марбургскаго профессора Меренса выписанныя отъ него по порученію университета адъюнктомъ Шмерфельдомъ 434 сорта разныхъ сѣмянъ; отъ директора училищъ екатеринославской губерніи сѣмена китайскаго ревеня; отъ барона Биберштейна сѣмена крымскихъ растений; куплены у иностранца Вейса и посѣяны сѣмена разныхъ сортовъ деревьевъ южнаго края; доставлено директоромъ училищъ воронежской губ. два мѣшечка сѣмянъ липы и акацій; получено значительное количество сѣмянъ отъ попечителя и изъ г. Риги. Энергично воздвигались также и постройки: каменная оранжерея покрыта была листовымъ желѣзомъ, и въ ней сдѣланы въ окнахъ рамы; продолжалась постройка каменной ограды; по предложенію попечителя, построень въ университетскомъ саду для профессора ботаники въчервь одноэтажный домъ (длиною въ 30, шириною въ 26 аршинъ) съ необходимыми службами и, наконецъ, начата постройкой по плану, одобренному попечителемъ, бесѣдка ¹⁾).

Въ 1808 году устройство англійскаго сада, согласно предложенію попечителя, было поручено проф. Стойковичу, а собственно ботаническаго — проф. Делявину; но работы подвигались, повидимому, менѣе энергично, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ говорится о нихъ въ общихъ выраженіяхъ и только замѣчено, что противъ оранжереи устроено было 4 парника ²⁾. Это также подтверждается косвенно и заявленіемъ проф. Делявина, который указывалъ на разныя неустройства и неисправности въ ботаническомъ саду, а именно: 1) садъ ни съ одной стороны не огороженъ какъ слѣдуетъ; на сѣверѣ и югѣ изгородь обваливается; на востокъ ворота у рѣшетки неплотно затворяются, такъ что въ нихъ свободно можетъ ходить скоть; 2) солдаты, приставленные къ саду, не исполняютъ въ точности своего дѣла; одинъ изъ нихъ всегда почти бываетъ пьянымъ, а другой, за старостю или слѣдуя приказаніямъ смотрителя Макарова, не можетъ болѣе заниматься своею должностію; 3) садовникъ Стровальдъ живетъ почти за версту отъ сада, а его помѣщеніе въ саду занимаетъ Макаровъ; 4) работники, живущіе въ саду, равно какъ и казакъ, держатъ у себя и позволяютъ бродить

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Ibidem.

по саду разнымъ животнымъ, которыя истребляютъ растенія. Поэтому онъ, Делявинъ, проситъ это исправить. Всѣ эти указанія были признаны основательными и противъ неустройствъ приняты мѣры, рекомендованныя проф. Делявинымъ ¹⁾.

Что касается построекъ, то онѣ продолжались попрежнему: была закончена отдѣлкой оранжерея и въ нее перенесены всѣ тѣ тепличныя растенія, которыя до того времени находились въ университетскомъ флигелѣ, въ ротундѣ и оранжереѣ харьковского аптекаря Пискуновскаго; каменная ограда была оштукатурена, рѣшетка на ней покрашена и поставлены ворота; закончена отдѣлка дома и службъ для профессора ботаники Делявина, но тотъ отказался туда переѣхать, *въ виду нахождения его на отшибѣ и притомъ внѣ городской черты*; въ виду этого рѣшено было поселить въ немъ садовника и годовыхъ работниковъ; продолжалась постройка бесѣдки; для отдѣленія ботаническаго сада отъ англійскаго сдѣлана рѣшетка съ воротами и двумя калитками ²⁾.

Въ 1809, 1810 и 1811 годахъ заботы по части устройства и обихода сада повидимому уменьшились; въ это время только прислано было отъ попечителя изъ Петербурга небольшое количество сѣмянъ, куплено нѣсколько деревьевъ и кустарниковъ, привезено садовникомъ артельсомъ нѣкоторое количество сѣмянъ изъ ботаническаго сада г. А. К. Разумовскаго въ Горенкахъ, въ оранжерею доставленъ барометръ, окончательно достроена бесѣдка и выстроены новыя каменные ворота (вмѣсто прежнихъ, признанныхъ попечителемъ негодными) и на нихъ поставленъ двойной щитъ съ вензелемъ государя ³⁾. Заботы и расходы уменьшались; но расходы не уменьшались. Между тѣмъ душа этого дѣла г. С. О. Потоцкій уѣхалъ въ 1811 году на много лѣтъ въ отпускъ и вовсе не навѣдывался въ Харьковъ; въ университетѣ началась реакція противъ сада, которая нашла себѣ выраженіе и въ правленіи, и въ совѣтѣ. Правленіе вошло въ совѣтъ съ предложеніемъ объ уменьшеніи чрезмѣрныхъ расходовъ на ботанической садъ. „Еще до открытія университета, писало правленіе, его сіятельство попечитель г. С. О. Потоцкій предложилъ завести на принадлежащей университету землѣ ботанической и англійской сады, какъ для студентовъ, обучающихся ботаникѣ, такъ и для прогулки стороннихъ посѣтителей, на счетъ творянской суммы слободскоукраинской губерніи. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, исключая издержки, сдѣланныя для заведенія этихъ садовъ,

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1808 г., сентябрь—октябрь, засѣданіе 8 октября.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣла“.

³⁾ Ibidem.

употребляется ежегодно на содержаніе ихъ изъ той же суммы, кромѣ жалованья садовнику, до 4000 р., между тѣмъ какъ по Высочайше утвержденному штату сего университета положено на содержаніе ботаническаго сада только 1000 р. Такъ какъ для содержанія этихъ садовъ въ такомъ состояніи, въ каковомъ они доселѣ содержаны были, потребна столь значительная сумма сверхъ положенной по уставу для ботаническаго сада, то правленіе полагаетъ представить его сіятельству г. министру просвѣщенія и просить разрѣшенія, оставить ли сіи сады въ настоящемъ ихъ состояніи съ производствомъ нужныхъ на нихъ издержекъ изъ дворянской суммы, или уменьшить ихъ такъ, чтобъ кромѣ жалованья садовнику, довольствоваться расходами изъ одной штатной суммы. При семъ слушано и представленіе садовника Бартельса о заготовленіи нужнаго бутоваго камня для фундамента подъ новую оранжерею, дабы будущимъ лѣтомъ можно было начать постройку ея для помѣщенія умножающагося числа растений. По справкѣ-жъ оказалось, что на постройку новой оранжереи нѣтъ еще разрѣшенія отъ вышняго начальства¹⁾. Рѣшили донести обо всемъ министру народнаго просвѣщенія и просить у него разрѣшенія на постройку второй деревянной оранжереи¹⁾. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ очевъ рѣзкій отзывъ министра гр. А. К. Разумовскаго. „Сады при университетахъ, писалъ онъ, учреждаются не съ тѣмъ, чтобы они служили для прогулки стороннихъ посѣтителей, но съ тѣмъ чтобы имѣть въ нихъ растенія для показанія студентамъ, при наставленіи ихъ въ ботаникѣ; и потому одни только ботаническіе сады могутъ приносить и для университетовъ существенную пользу. Не отвѣтствуя за распоряженія, до вступленія моего въ настоящее званіе сдѣланныя, для заведенія и содержанія англійскаго при Харьковскомъ университетѣ сада, стоящаго ему немѣрныхъ суммъ, предлагаю правленію прекратить на него всѣ издержки, а вмѣсто того пешихъ болѣе объ устройствѣ ботаническаго сада, употребляя на него сумму по штату положенную, кромѣ жалованья, производимаго садовнику. Что касается до постройки въ немъ еще одной оранжереи, я согласенъ на это, если то считается необходимымъ²⁾. Правленіе постановило руководствоваться въ будущемъ этими указаніями, а чтобы не запускать аллей и дорожекъ, сдѣланныхъ въ англійскомъ саду, (что было бы не прилично) исправлять ихъ на деньги, которыя будутъ выручаться за сѣно, скашиваемое въ университетскомъ саду²⁾. Вторая (деревянная) оранжерея начата была постройкой въ слѣдующемъ 1812 г.

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 3 октября.

²⁾ Ibidem; засѣданіе 20 ноября.

Такой оборотъ приняло дѣло устройства университетскаго сада, съ отъѣздомъ изъ Петербурга попечителя С. О. Потоцкаго. Рѣзкое замѣчаніе министра въ сущности направлено было не по настоящему адресу: оно всецѣло должно было относиться къ гр. С. О. Потоцкому, а не къ правленію или совѣту Харьковскаго университета. Изъ приведенныхъ нами въ большомъ изобиліи документальныхъ данныхъ видно, что мысль о раздѣленіи университетскаго сада на ботаническій и англійскій принадлежала попечителю, который былъ вообще инициаторомъ всѣхъ мѣръ, клонившихся къ его первоначальному устройству и украшенію. Можно сказать, что тутъ онъ доходилъ даже до крайностей, являлся слишкомъ властнымъ въ своихъ распоряженіяхъ, забывалъ, что садъ является однимъ изъ учебновспомогательныхъ учрежденій университета, который несъ за него нравственную и матеріальную отвѣтственность и потому долженъ былъ имъ распоряжаться. Впрочемъ едвали былъ вполнѣ правъ и министръ народнаго просвѣщенія, заявившій, что университетъ долженъ былъ заботиться только о ботаническомъ садѣ. Одна крайность вызвала другую: излишнія заботы гр. С. О. Потоцкаго объ англійскомъ отдѣленіи университетскаго сада, предназначенномъ для публики, вызвали слишкомъ крайнее мнѣніе гр. А. К. Разумовскаго, что университету не нужно было принимать во вниманіе „этихъ стороннихъ посѣтителей“. Въ дѣйствительности же, *по мѣстнымъ условіямъ*, которыхъ совершенно не принялъ во вниманіе министръ народнаго просвѣщенія, да и *въ интересахъ самого университета*, нельзя было игнорировать и той части сада, которая предназначалась для публики. Дѣло въ томъ, что всѣ затраты на садъ дѣлались изъ суммъ „патріотическаго приношенія“, а не изъ штатныхъ ассигновокъ, и даже можно сказать, что самое поступленіе этихъ сборовъ находилось въ связи съ тѣмъ, на что они расходовались. Между прочимъ постановлено было въ интересахъ болѣе исправнаго поступленія суммъ тратить ихъ не на текущія нужды, а на фундаментальныя сооруженія (въ томъ числѣ и на устройство сада). Такова была мысль С. О. Потоцкаго и она имѣла за собою большія основанія. Но мало того: разводя на прежнихъ пустыряхъ садъ, С. О. Потоцкій дѣйствовалъ несомнѣнно въ интересахъ университета, въ особенности если мы припомнимъ, что здѣсь вскорѣ должны были появиться всѣ зданія новаго университета. Своими заботами о насажденіи сада гр. С. О. Потоцкій поднималъ цѣнность и значеніе этихъ пусто- порожнихъ земель и привелъ часть ихъ въ то культурное состояніе, которое сдѣлалось залогомъ ихъ нынѣшняго цвѣтущаго состоянія. И теперь этотъ „англійскій“ садъ С. О. Потоцкаго, съ его аллеями, рошицами и бесѣдкой служитъ главнымъ образомъ для „стороннихъ посѣтителей“, —

а между тѣмъ никто не находить этого страннымъ! Всякій считаетъ исполнѣ естественнымъ, что, при полномъ почти отсутствіи въ Харьковѣ общественныхъ садовъ, излюбленнымъ мѣстомъ для публики является университетскій садъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, въ противоположность физико-математическому, были весьма немногочисленны: количество ихъ далеко не соответствовало требованіямъ устава, затраты на нихъ были гораздо меньше суммы, положенной по штату. Это объясняется тѣмъ, что медицинскій факультетъ, благодаря недостатку студентовъ, сталъ функціонировать позже другихъ.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учреждений его въ первое десятилѣтіе были открыты—анатомическій театръ и хирургическій институтъ.

Анатомическій театръ съ кабинетомъ, по словамъ Фойгта, получилъ свое начало въ 1806 году. „Заботливостью перваго профессора и прозектора анатоміи Ванотти приобрѣтены были нужнѣйшіе инструменты на 28 р., изготовлено 44 препарата и устроено для практическихъ занятій временное помѣщеніе за городомъ на землѣ, уступленной жителями г. Харькова для ботаническаго сада. Въ 1809 году выписаны изъ Лейпцига восковыя изображенія, числомъ 37 на 171 р. Въ 1811 г. профессоромъ Каменскимъ принесены въ даръ кабинету инструменты для налитія кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ и куплены разные снаряды на 114 руб. Въ 1812 г. проф. Ванотти умеръ и анатомическій театръ съ кабинетомъ перешли въ вѣдѣніе проф. Книгина, при пособіи особаго прозектора¹⁾. Къ этимъ скуднымъ даннымъ мы можемъ прибавить еще слѣдующія. Заботы о приисканіи помѣщенія для анатомическаго театра начались еще въ 1805 г., немедленно по приѣздѣ въ Харьковъ (29 мая) адъюнкта и прозектора Ванотти; тогда же поручено было ему и кассиру университета найти подходящій домъ въ окрестностяхъ Харькова (для перевозки его въ городъ) или въ самомъ городѣ; но всѣ поиски не привели ни къ чему: изъ двухъ домовъ въ Харьковѣ одинъ оказался совершенно негоднымъ, а другого не желали отдать подъ анатомическій театръ хозяева; а домовъ, находившихся въ сл. Люботинѣ и Валкахъ, не хотѣли владѣльцы доставлять на свой счетъ въ Харьковъ.

Поиски готоваго дома продолжались и въ слѣдующемъ году, но также безуспѣшно. Тогда, наконецъ, правленіе рѣшилось приспособить подъ анатомическій театръ путемъ пристройки одинъ изъ обывательскихъ домиковъ, оставшихся въ ботаническомъ саду, снабдивъ его инстру-

¹⁾ Ист. ст. зап., стр. 97—98.

ментами и необходимою мебелью; инструментовъ было куплено на 100 р., посуды и другихъ вещей на 128 р. Трупы стали доставляться туда, по предписанію губернатора, съ 15-го октября. Губернаторъ распорядился, чтобы въ анатомическій театръ доставлялись трупы самоубійць, которые не могли быть погребены по христіанскому обряду, и найденныхъ на улицѣ неизвѣстныхъ лицъ. Университетъ съ своей стороны объяснилъ, что на первый разъ онъ совершенно удовлетворится 5 трупами ¹⁾. Столь скромны были размѣры дѣятельности этого учрежденія. Въ 1808 г. туда доставлено было только небольшое количество стеклянной посуды и матеріалы для изготовленія препаратовъ. Съ декабря 1811 года въ немъ стали производиться „анатомическія операціи“ ²⁾.

Что касается клиникъ, то учрежденіе ихъ относится къ самому концу изучаемаго нами періода: въ 1814 году была открыта хирургическая, въ 1815 г.—терапевтическая клиника. Дѣятельность *хирургической клиники* была болѣе чѣмъ скромная: она помѣщалась въ одномъ изъ флигелей университетскаго двора и въ ней было всего 6 кроватей и въ теченіе года 26 больныхъ. Директоромъ клиники былъ проф. хирургіи Шумлянскій, а врачомъ—адъюнктъ Колумна-Вигура; инструментовъ и матеріаловъ для нея было выписано на 1865 руб. Позднее открытіе ея объясняется тѣмъ, что правильное чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ началось въ 1811 г. и, слѣдовательно, студенты только въ 1814 г. почувствовали необходимость къ клиническимъ занятіямъ ³⁾.

Если къ этому присоединить *фармацевтическую лабораторію*, которая пріютилась въ химической и была обязана своимъ происхожденіемъ адъюнкту *Боларезскому*, то мы исчерпаемъ этимъ все учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета въ періодъ времени съ 1805 г. по 1815-й годъ.

До сихъ поръ мы говорили объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, касавшихся преподаванія наукъ; теперь мы сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно такихъ же учреждений, имѣвшихъ въ виду преподаваніе *искусствъ* — *artes liberales*; это были рисовальный, музыкальный, фехтовальный классы и манежъ.

Кабинетъ (или классъ) *рисованія и живописи*. Основаніе ему было положено заботами В. Н. Каразина, пріобрѣвшаго для него бюсты, станки для тисненія картинъ, краски, эстампы и ландшафты. Затѣмъ онъ былъ пополненъ разными хозяйственными принадлежностями и ин-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 22 ноября.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

³⁾ Ист. стат. зап., стр. 116.

струментами ¹⁾. Аделунговская коллекція должна была служить нагляднымъ пособіемъ въ рисовальномъ классѣ. Такова была и цѣль ея пріобрѣтенія. Объ этомъ прямо говорится въ отчетѣ: „для рисовальнаго класса куплено университетомъ, согласно предложенію е. с. г. попечителя, собраніе эстамповъ разныхъ школъ, состоящее изъ 2575 листовъ у почетнаго члена сего университета Аделунга за 5000 руб.²⁾. Затѣмъ доставлены были изъ Петербурга пріобрѣтенныя въ академіи художествъ попечителемъ 22 гипсовыя фигуры, но отъ худой укладки онѣ при перевозкѣ были сильно повреждены и къ употребленію сдѣлались негодными. Въ даръ отъ гр. С. О. Потоцкаго поступило двѣ картины: одна изъ нихъ изображала Ярослава, дающаго Русскую Правду, другая—Багратиона, отвергающаго предложеніе французскихъ маршаловъ о капитуляціи; куплено было 163 эстампа; выписано изъ Лондона за 250 р. 10 видовъ этого города, 12 раскрашенныхъ видовъ Индіи, 4 тетради постепенныхъ уроковъ рисованія, 3 ландкарты чертежей ³⁾. Эстампы и рисунки выписаны были по предложенію учителя рисованія Матеса и гравированія Шенфлина. 163 листа эстамповъ стоили 302 р., что въ среднемъ составитъ около 2 руб. за штуку. Въ такую приблизительно цѣну обошлась и коллекція Аделунга (въ ней было около 2500 листовъ, а заплачено было за нее 5000 руб., значить въ среднемъ листъ обошелся въ 2 рубля) ³⁾.

Музыкальный классъ получилъ начало въ 1804 году. Въ теченіе 10 лѣтъ для него было сдѣлано пріобрѣтеній почти на 2400 р. Здѣсь были музыкальные инструменты (скрипки, флейты, фаготы, гобои, кларнеты, віолончель, контрабасъ, литавры, мѣдныя трубы, вальдгорны), ноты (произведенія Жировеца, Плейелли, Гофмейстера, увертюры разныхъ оперъ), матеріалы для выбиванія нотъ и подставки для этихъ послѣднихъ ⁴⁾; на починку и содержаніе въ порядкѣ инструментовъ отпускалось въ годъ по 250 р. Всѣ эти инструменты предназначались для казеннокоштныхъ студентовъ ⁵⁾.

Былъ еще и танцевальный классъ, гдѣ играли особо приглашенные музыканты и получали за это извѣстную плату; сначала играло трое музыкантовъ помѣщика Захаржевскаго съ платою по 200 р. въ годъ, а потомъ нѣкій Головенко съ 2 товарищами ⁶⁾.

¹⁾ Ист. ст. зап., стр. 122—123.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

³⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1806 г., № по архиву 133, по картону 8.

⁴⁾ Ист. стат. зап., стр. 125—126.

⁵⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

⁶⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 27 января.

Фехтовальный класс помещался въ особой комнатѣ. Начало ему было положено попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. Для него въ разное время приобретены были рапиры, маски, перчатки, нагрудники, сабли, клинки (всего на сумму 710 р.) ¹⁾.

Манежъ, по словамъ Фойгта, только предполагали выстроить въ университетскомъ саду, и хотя обученіе студентовъ верховой ѣздѣ началось еще въ 1807 году, но велось съ большими перерывами и безъ правилъ ²⁾. Учитель фехтованія Ледюкъ вошелъ въ 1809 году съ представленіемъ къ попечителю о заведеніи при университетѣ манежа не только для студентовъ, но и для постороннихъ лицъ дворянскаго происхожденія. Гр. С. О. Потоцкій отнесся къ этому весьма сочувственно, какъ можно видѣть изъ отношенія его въ правленіе. „Такъ какъ сіе заведеніе, писалъ попечитель, можетъ быть полезно для молодыхъ дворянъ здѣшней губерніи, желающихъ посвятить себя военной службѣ, и вообще можетъ вызвать въ дворянствѣ большую привязанность къ университету, то онъ полагалъ бы возможнымъ употребить на заведеніе манежа изъ университетскихъ суммъ отъ 1000 до 1500 р., но подѣлъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы предварительно убѣдились въ готовности дворянъ отдать своихъ дѣтей для обученія въ это заведеніе“. Правленіе постановило: не предпринимая пока ничего для устройства манежа при университетѣ, затребовать у Ледюка свѣдѣнія, какую цѣну онъ намѣренъ брать со студентовъ и постороннихъ лицъ, желающихъ обучаться верховой ѣздѣ, и затѣмъ отнестись къ губернскому предводителю съ просьбой сообщить объ этихъ условіяхъ харьковскимъ дворянамъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить, кто изъ нихъ захочетъ отдать своихъ дѣтей въ обученіе Ледюку ³⁾.

Таковы были учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Они поставлены были въ общемъ довольно удовлетворительно. Хорошее впечатлѣніе они произвели и на одного русскаго туриста, проѣзжавшаго въ 1810 году черезъ г. Харьковъ — князя Долгорукаго. „Г. Рижскій, ректоръ университета, пишетъ князь Долгорукой, съ откровеннымъ доброхотствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. Университетъ помещенъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время (увы! это продолжается до нашихъ дней), потому что онъ не довольно

¹⁾ Ист. стат. зап., стр. 127—128. Подробности о выпискѣ этихъ вещей — Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1808—1810 г., № по архиву 376, по картону 20.

²⁾ Ист. стат. зап., стр. 129.

³⁾ Харьковский университетскій архивъ. Журналы правленія 1809 г., май—августъ; засѣданіе 26-го іюля.

для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ дѣйстви. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; сихъ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ заведеніи. Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, коимъ его снабдили, есть доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества. Кабинетъ минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза остановятся съ удовольствіемъ на одной штuffѣ, которая представляетъ аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всѣ въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ наилучшемъ порядкѣ. Зала совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія русскіихъ художниковъ: портретъ Государя, потомъ графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, университетъ еще очень молодъ и новостъ его бытія очевидна повсюду. Никакія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ. Г. Рижскій между прочими рѣдкостями университета показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу: она отъ времени получила видъ пергамента. Я выпросилъ доскуточекъ и взялъ его съ собою. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда правилась подобному себѣ! Откуда попалась къ нимъ такая добыча, я не могъ доказательно узнать; но ужъ ли въ ученомъ мѣстѣ солгутъ?!. Попеченіемъ университета разводится ботаническій садъ, на который, разумѣется, казна дала и деньги, и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ничего нельзя;—новое заведеніе, однако для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часть времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ¹⁾.

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о проектахъ трехъ неосуществившихся учебновспомогательныхъ учреждений—о ветеринарномъ институтѣ, опытномъ полѣ и ботаническомъ садѣ въ Крыму.

Профессоръ ветеринаріи Пильгеръ выступилъ въ 1807 году съ проектомъ устройства ветеринарнаго института на очень широкихъ основаніяхъ. Сущность его предложенія сводилась къ тому, чтобы создать

¹⁾ Славны бубны за горами (Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн. 1869, кн. 2-я; стр. 50—53).

учрежденія двоякаго рода: въ однихъ нужно было знакомить слушателей съ жизнью здоровыхъ животныхъ; въ другихъ—лѣчить больныхъ и готовить препараты изъ мертвыхъ. Учрежденія перваго рода должны были сосредоточиться въ особомъ хуторѣ: тутъ предполагалось сельское хозяйство, въ особенности посѣвъ кормовыхъ травъ, раціональное скотоводство и коневодство. Для учреждений 2-го рода нужно было выстроить зоотомическій театр, клиники и т. п. Факультетъ и совѣтъ одобрили этотъ проэктъ; но ректоръ Стойковичъ доложилъ выдержку изъ письма къ нему попечителя округа, гдѣ гр. С. О. Потоцкій предлагалъ повременить съ этимъ дѣломъ, въ виду того, что подобную школу скотолѣчения предполагалось устроить недалеко отъ Харькова—въ г. Лубнахъ (полтавской губ.)¹⁾. Такъ это дѣло и не вышло изъ области *pium desiderium*.

Такая же судьба постигла и предложеніе проф. сельскаго хозяйства Нельдехена, объ устройствѣ опытнаго поля, на которомъ онъ предполагалъ вести образцовое сельское хозяйство, съ улучшенными способами обработки, орудіями и сѣменами. Первоначально проф. Нельдехенъ просилъ объ отводѣ ему для такого хутора 30 десятинъ университетской земли—и правленіе соглашалось на это, но потомъ онъ захотѣлъ увеличить его размѣры до 100 десятинъ, что, конечно, должно было бы повести къ увеличенію расходовъ,—и его просьба была отклонена, такъ какъ въ распоряженіи университета было всего 165 десятинъ земли, а между тѣмъ на нихъ предстояло еще устроить всѣ его будущія зданія и учрежденія. Интересенъ взглядъ проф. Нельдехена на значеніе предлагавшагося имъ учебновспомогательнаго учрежденія въ дѣлѣ преподаванія предмета: „безъ сего, писалъ онъ, я никогда не буду въ состояніи исполнять своей должности, какъ бы мнѣ того желалось, и по моему мнѣнію профессоръ сельскаго домоводства, когда не имѣетъ способовъ преподавать практическихъ наставленій своимъ ученикамъ, является совершенно ничтожнымъ твореніемъ“. Мотивируя его необходимость, онъ указывалъ на возможную пользу отъ него, какъ для университета, такъ и для края; дѣло это, по его мнѣнію, должно было оказаться выгоднымъ и въ финансовомъ отношеніи²⁾. Трудно сказать въ точности, почему не принять былъ проэктъ проф. Нельдехена. Важную роль играли тутъ, несомнѣнно, широкіе размѣры предпріятія, далеко выходившіе за предѣлы университетскаго устава и смѣты; нѣкото-

¹⁾ Харьковский университетскій архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № по арх. 209, по карт. 14.

²⁾ Харьковский университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 30 октября; 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 5 февраля.

рое значеніе могло имѣть и недовѣріе къ организатору, какъ иностранцу, незнакому съ русскою жизнью, къ его дѣятельности на практическо-хозяйственной почвѣ.

Наконецъ, съ очень оригинальнымъ прозкомъ выступилъ въ 1806 году профессоръ ботаники Делявинъ: онъ предложилъ совѣту университета устроить особый вспомогательный ботаническій садъ въ Крыму. Его объяснительная записка распадается на двѣ части: въ первой доказывается важность этого предпріятія, во второй—его практическая возможность. Слѣдуетъ сознаться, что аргументація проф. Делявина очень серьезная и довольно убѣдительная, въ особенности въ 1-й части его записки ¹⁾. Но его прозкъ все таки испыталъ судьбу двухъ предъидущихъ. Это объясняется, по всей вѣроятности, несоотвѣтствіемъ его съ буквою университетскаго устава и отсутствіемъ необходимыхъ для него штатныхъ суммъ ²⁾.

И такъ, мы дали своимъ читателямъ краткій историческій очеркъ всѣхъ учебновспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, за первыя десять лѣтъ его существованія. Какое же о нихъ нужно произнести общее сужденіе? Въ какой мѣрѣ они удовлетворяли своему назначенію? Какъ они были обставлены въ смыслѣ полноты предметовъ, ихъ цѣнности и научной важности? Какъ относились къ нимъ тѣ лица, которымъ они были поручены?

Изъ четырехъ факультетовъ наиболѣе богатъ былъ учебно-вспомогательными учрежденіями физико-математическій—у него были всѣ тѣ кабинеты, какіе требовались уставомъ. Лучше всѣхъ изъ нихъ были обставлены физическій и минералогическій кабинеты; за тѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ ботаническій садъ, астрономическій, зоологическій кабинетъ, химическая лабораторія и технологическій кабинетъ. Астрономическій кабинетъ былъ въ достаточной степени снабженъ инструментами, но обсерваторія была совсѣмъ не пригодна для научныхъ цѣлей. Устройство университетскаго сада стоило огромныхъ денегъ, но эти деньги потрачены были не даромъ, а вполне производительно, хотя и слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что размѣры его далеко превышали размѣры научныхъ потребностей немногочисленной группы студентовъ-естественниковъ и медиковъ. Бѣднѣе всѣхъ были обставлены химическая лабораторія и технологическій кабинетъ. За физико-математическимъ факультетомъ слѣдуетъ, какъ это ни странно, не медицинскій, а

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 60, стр. 113, 120 (записка проф. Делявина въ совѣтъ Харьк. университета на франц. яз.).

²⁾ Излагаемъ здѣсь только сущность всѣхъ трехъ прозковъ, расчитывая поговорить о нихъ подробнѣе въ особой статьѣ.

словесный, т. е. нывѣшній историко-филологическій. Въ его вѣдѣніи былъ огромный и пѣбный въ научномъ отношеніи минць-кабинетъ; къ нему примыкалъ и кабинетъ рѣдкостей, бывшій въ сущности, какъ мы видѣли, собраніемъ древностей. Медицинскій факультетъ долгое время обладалъ однимъ анатомическимъ театромъ (весьма убогимъ) и только въ послѣдній 1814 годъ къ нему присоединилось другое учебно-вспомогательное учрежденіе—хирургическая клиника, но дѣятельность ея была болѣе чѣмъ скромная. Причину этого явленія мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, на этико-политическомъ отдѣленіи не было ни одного учебно-вспомогательнаго учрежденія.

Изъ учреждений, которыми одинаково пользовались всѣ факультеты, въ цвѣтущемъ состояніи находилась типографія, приносившая огромную пользу не только университету, но и всему краю. Университетской библіотекой также иногда пользовались постороннія лица, но, къ сожалѣнію, она не была достаточно обширна и, кажется, не вполне удовлетворяла даже запросы университетской среды.

Наибольше вниманія отдавалось (со стороны попечителя округа) университетскому саду, затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить заботы совѣта и правленія о составленіи правилъ и каталога университетской библіотеки, усердное стремленіе къ пополненію физическаго и астрономическаго кабинетовъ (Стойковича и Гута), внимательное отношеніе проф. Делявина къ зоологическому кабинету; но попытка описанія минералогической коллекціи окончилась неудачей, а коллекція нумизматическая и совсѣмъ не подвергалась, какъ кажется, ученому описанію. Всѣ эти учебно-вспомогательныя учрежденія, въ большей или меньшей степени, удовлетворяли своему назначенію, т. е. служили подспорьемъ въ дѣлѣ преподаванія. Даже обсерваторія, не удовлетворявшая чисто научнымъ цѣлямъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ учебномъ отношеніи—такъ впрочемъ и смотрѣлъ на нее ея устроитель проф. Гуть. Хуже всего была поставлена въ этомъ смыслѣ библіотека: съ самаго своего открытія, она должна была удовлетворять спросу на книги по всѣмъ предметамъ университетскаго преподаванія а между тѣмъ пополнялась крайне медленно и, нужно думать, недостаточно систематично. Причина медленнаго пополненія нѣкоторыхъ коллекцій лежала впрочемъ не въ недостаткѣ денежныхъ средствъ (мы видѣли, что ежегодно бывали значительные остатки), а въ трудности покупки многихъ предметовъ. На мѣстѣ, въ Харьковѣ, можно было приобрѣтать очень немногія вещи—все же остальное приходилось выписывать изъ Петербурга, Москвы или заграницы. Доставку разныхъ вещей изъ Москвы и Петербурга Харьковскій университетъ поручилъ особому комиссіонеру—проживавшему въ Харьковѣ

то, что погибло или испортилось отъ невѣжества, небрежности, невниманія, несчастныхъ случайностей, что продано за гроши и пропало для науки на территоріи огромнаго Харьковскаго учебнаго округа, начиная съ 1804 года и по наши дни! Сколько въ это время погибло однихъ вещественныхъ памятниковъ старины—каменныхъ орудій, металлическихъ издѣлій и украшеній, монетъ! Сколько разрыто, испорчено и расхищено кладоискателями кургановъ! Сколько драгоценныхъ монетныхъ кладовъ попало въ плавильные горшки, сколько исчезло костей допотопныхъ животныхъ и человѣка! Какая масса письменныхъ документовъ безвозвратно исчезла изъ правительственныхъ, общественныхъ, сословныхъ и частныхъ хранилищъ, сгорѣла во время пожаровъ, пропала отъ сырости и небреженія, расхищена любителями—а въ нихъ между тѣмъ заключалась вся ввнутренняя исторія нашего края изъ со-
сѣднихъ районовъ!

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что нашъ университетъ постоянно откликался на тѣ запросы, съ которыми къ нему обращалось общество—и это ясно доказываетъ, что онъ правильно и широко понималъ свою просвѣтительную миссію.

V-я ГЛАВА.

Преподавательская и научная дѣятельность профессоръ.

(Посвящается памяти старыхъ историковъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго и Фойгта).

Указъ 1804 г. опредѣляетъ задачу университетовъ такимъ образомъ: „университетъ есть высшее *ученое* сословіе, для *преподаванія* наукъ учрежденное“. Отсюда вытекалы двѣ обязанности его дѣятелей—научная и преподавательская, которыя впрочемъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Посмотримъ же теперь, насколько удачно Харьковскій университетъ выполнялъ обѣ эти функціи въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія, иными словами, какова была преподавательская и научная дѣятельность его профессоровъ, какъ высоко стояла она въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Разрѣшивъ этотъ кардинальный вопросъ, мы уяснимъ себѣ этимъ самымъ наиболѣе важную сторону въ исторіи нашего стараго университетскаго быта. Съ удовольствіемъ можемъ предупредить читателя, что для этого въ нашемъ распоряженіи имѣется огромный матеріалъ, который повидимому почти исчерпываетъ затронутый нами сюжетъ¹⁾. Въ предыдущей главѣ,

¹⁾ Этому вопросу посвящена статья бывшаго профессора и ректора Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго „Объ *ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія*“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., № 7, 36 стр.). Она основана исключительно на документахъ университетскаго архива, хотя авторъ ѿ не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ на свои изысканія. Я черпалъ свой матеріалъ изъ того же источника (университетскаго архива), но разыскивалъ его тамъ вполне самостоятельно и воспользовался имъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ упомянутый авторъ, присоединилъ сюда еще документы архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, выбралъ все необходимое изъ печатныхъ первоисточниковъ и изслѣдованій, лившихся въ свѣтъ послѣ статьи Рославскаго-Петровскаго, шире поставилъ самую задачу изслѣдованія—и потому представляемъ вниманію читателей глава моего „Опыта“ имѣть и новое болѣе широкое охватаніе, и новое освѣщеніе, и новыя выводы, сравнительно съ почтенной однако и ценной для своего времени работой перваго историка Харьковскаго университета, а также не поставить въ особую заслугу Рославскому-Петровскому того обстоятельства.

разсматривая дѣтельность совѣта, мы отчасти касались уже вопроса о выборѣ профессоровъ на различныя кафедры, полагавшіяся по университетскому уставу 1804 г. Мы видѣли, что практика первоначально установила два средства для пополненія персонала преподавателей— 1) вызовъ ученыхъ изъ иностранныхъ государствъ и 2) приглашеніе русскихъ преподавателей. Къ этимъ двумъ способамъ скоро присоединился третій—приготовленіе къ профессурѣ собственныхъ питомцевъ. Всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ въ 1803—1814 гг. было 47 душъ (не считая лекторовъ); изъ нихъ 29 ученыхъ было вызвано изъ заграницы, 14 человекъ было русскаго происхожденія и четверо приготовлено самимъ Харьковскимъ университетомъ.

Постараемся прежде всего опредѣлить образовательный цензъ, научный уровень и преподавательскую опытность иностранныхъ и русскихъ профессоровъ.

Уже à priori можно, конечно, сказать, что образовательный и научный цензъ иноземныхъ кандидатовъ на профессорскія кафедры въ Харьковскомъ университетѣ былъ выше, чѣмъ ихъ русскихъ коллегъ, ибо Западная Европа располагала несравненно большими образовательными средствами, чѣмъ Россія конца XVIII и начала XIX в. Просвѣтительное теченіе, нашедшее себѣ широкій доступъ въ Россію со времени Петра Великаго, дѣйствовало неослабно въ теченіе дѣлаго XVIII столѣтія, причеиъ французское вліяніе боролось постоянно съ нѣмецкимъ. Въ дѣлѣ водворенія въ Россіи университетскаго преподаванія и науки нѣмецкое вліяніе оказалось впрочемъ особенно сильнымъ и замѣтнымъ; идеи историка германскихъ университетовъ проф. Мейнерса получили широкое практическое примѣненіе въ Россіи—отразились непосредственно на самомъ уставѣ 1804 года. Съ открытіемъ въ Харьковѣ университета, тотъ же самый Мейнерсъ, а равно и другіе столпы нѣмецкой науки—знаменитый авторъ „Нестора“ акад. Шлецеръ, проф. Геттингенскаго университета Сарторіусъ, выдающійся филологъ проф.

что онъ первый рѣшился писать очерки по исторіи Харьковскаго университета на основаніи документовъ университетскаго архива. Замѣтимъ кстати, что данная его работа вызвана, очевидно, 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ Харьковскаго университета (1805—1855 г.). По стопамъ Рославскаго-Петровскаго послѣдовалъ Фойгтъ; первая глава его книги (общая историко-статистическая записка объ университетѣ) написана Рославскимъ-Петровскимъ; остальные составлены имъ самимъ при содѣйствіи профессоровъ, заведывавшихъ разными учебноспомогательными учрежденіями. Въ основу книги положены также документы университетскаго архива, и она дѣйствительно отличается строго фактическимъ характеромъ. Вызвана она, также какъ и статья Рославскаго-Петровскаго, 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ университета. Живое чувство благодарности къ лицамъ, раньше трудившимся на избранномъ мною полѣ, побуждаетъ меня посвятить имъ эту часть своего труда.

Гейне, великій поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупный ученый Гете рекомендовали лицъ, желавшихъ занять въ немъ профессорскія кафедры по разнымъ предметамъ. Выше мы привели письмо Мейнерса, въ которомъ онъ рекомендовалъ сразу 18 кандидатовъ по разнымъ предметамъ и выражалъ желаніе указать еще и многихъ другихъ. Профессора-иноземцы, устроившіеся въ Харьковѣ, въ свою очередь приглашали своихъ бывшихъ товарищей. Многие изъ приглашенныхъ и даже избранныхъ совѣтомъ не поѣхали въ Харьковъ по разнымъ причинамъ (мы указывали на эти причины въ своемъ мѣстѣ). Но часть приняла приглашеніе, переѣхала въ Харьковскій университетъ и составила тамъ сильную, сплоченную группу профессоровъ нѣмецкаго происхожденія; къ нимъ присоединились выходцы изъ Франціи и славянскихъ земель Австріи. Различныя обстоятельства и побужденія заставляли западныхъ ученыхъ ѣхать въ заходустный Харьковъ во вновь основанный тамъ университетъ—преимущественно политическія и финансовыя. Для тѣхъ, кто не занималъ профессорской должности въ одномъ изъ западно-европейскихъ университетовъ, могла быть заманчивой и самая профессура въ Харьковѣ; ближайшимъ же поводомъ для перехода въ Харьковскій университетъ преподавателей иностранныхъ университетовъ могли служить финансовыя и политическія соображенія. Въ этомъ сознаются и такіе выдающіеся дѣятели, какъ Шадъ и Роммель. Да оно и понятно: въ дѣлѣ переселеній вообще обыкновенно на первомъ планѣ стоятъ личные интересы и побужденія—человѣкъ разсчитываетъ лучше устроиться на новомъ мѣстѣ, избѣгать какихъ-либо политическихъ или религіозныхъ преслѣдованій и т. п. Конечно, въ этой профессорской, такъ сказать, колонизаціи, по крайней мѣрѣ у лучшихъ представителей ея, бывали и другія болѣе высокія побужденія,—они преслѣдовали и культурныя цѣли, желали внести сѣмя науки и образованія въ новый край, примѣнить тамъ свои познанія и таланты. У всѣхъ былъ кромѣ того интересъ къ Россіи: ея сильно интересовались въ Европѣ, но знали о ней очень мало; а тутъ представлялся прекрасный случай присмотрѣться къ ней, изучить ея природу и нравы жителей. „Художники“, въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. ремесленники, техники, врачи и т. п.), давно уже проложили себѣ путь въ Россію изъ различныхъ странъ Западной Европы; переѣзжали и ученые люди, дѣлавшіеся членами нашей Академіи Наукъ и главными двигателями только-что зарождавшейся русской науки. Теперь на такихъ лицъ оказался сразу особенно большой спросъ—явилось и предложеніе. Германія и тогда изобиловала университетами; эти послѣдніе ютились и въ такихъ незначительныхъ городахъ, которые мало чѣмъ отличались по количеству жителей отъ тог-

дашняго Харькова. Между тѣмъ политическое положеніе Германіи въ эпоху Наполеоновскихъ побѣдъ было очень печально, и многіе поневолѣ должны были искать себѣ пріюта и счастья на чужбинѣ. А Россія представлялась такой страной, гдѣ способный человекъ всегда могъ хорошо устроиться и даже достигъ высокихъ степеней, гдѣ иностранцевъ принимали охотно и относились къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Съ другой стороны еще раньше великая французская революція повела къ усиленному выселенію французскихъ изгнанниковъ, значительная часть которыхъ пристроилась къ Россіи на педагогическомъ поприщѣ. Политическія и національныя преслѣдованія способствовали также и переселенію въ Россію славянскихъ ученыхъ.

Послѣ этихъ краткихъ общихъ замѣчаній обратимся къ самимъ профессорамъ, переѣхавшимъ въ Харьковскій университетъ изъ заграницы, и сообщимъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи данныя объ ихъ образовательномъ цензѣ и о причинахъ, побудившихъ ихъ къ переѣзду. Всѣхъ профессоровъ иностраннаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ было 29 человекъ и по національностямъ они распредѣляются такъ: нѣмцевъ было 18 человекъ, французовъ 4 и славянъ 7. Обращаемся къ нѣмцамъ и прежде всего остановимся на переходѣ въ Харьковъ тѣхъ двухъ дѣятелей, которые оставили богатый автобіографическій матеріалъ—разумѣю здѣсь проф. Роммеля и Шада. Это были выдающіеся представители тогдашней нѣмецкой образованности и потому крайне любопытно сообщить возможно подробныя свѣдѣнія объ ихъ жизни до перехода въ Харьковъ. Роммель оставилъ намъ записки, которымъ мы посвятили отдѣльный критическій экскурсъ (стр. 283—290), причемъ пришли къ убѣжденію, что онѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія ¹⁾. И вотъ какіе данныя находимъ мы въ этихъ запискахъ о научномъ цензѣ и личности Роммеля. Роммель родился въ Касселѣ (Гессенскомъ ландграфствѣ) въ протестантской семьѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ семьѣ своего отца. „Представляя образецъ кроткаго, полнаго любви и образованнаго пастыря, онъ далъ многочисленному своему семейству прекрасное воспитаніе, чуждое всякаго педантизма и предразсудковъ“. Воспитаніе Христофора Роммеля было просто и вполне свободно. Съ

¹⁾ Къ тѣмъ доказательствамъ достовѣрности ихъ, которыя были приведены раньше, прибавимъ еще два. Н. А. Лавровскій въ подтвержденіе недостоверности ихъ приводитъ указаніе Роммеля на исполненіе имъ обязанностей университетскаго казначея. А между тѣмъ въ журналахъ правленія намъ удалось найти свѣдѣніе, что Роммель, въ качествѣ члена правленія, дѣйствительно имѣлъ ключи отъ кладовой и денежнаго сундука. Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ о пропажѣ у него лошадей—и въ журналахъ правленія мы опять находимъ официальное свидѣтельство объ этомъ фактѣ.

удовольствіемъ онъ вспоминаетъ также о впечатлѣніяхъ мѣстной природы. „Кругомъ города, на небольшомъ пространствѣ, природа соединила самыя разнообразныя картины; вдали синѣются горы, подлѣ раскинулись плодоносныя долины, орошаемыя красивыми рѣчками Диммелемъ, Эддеромъ и Швальмомъ; по низовьямъ Гессена разбросаны островерхія возвышенности изъ базальта и развалины рыцарскихъ замковъ. Посреди этихъ ландшафтовъ, не грозныхъ, но прекрасныхъ, развилась во мнѣ любовь къ природѣ и родинѣ. Тогда же полюбилъ я и привыкъ уважать неутомимаго въ трудахъ земледѣльца: рослая и сильная его фигура съ загорѣлымъ лицомъ, съ длинными, распущенными по плечамъ волосами, напоминала древнихъ хаттовъ, потомками которыхъ называютъ себя гессенцы“. Отецъ желалъ, чтобы одинъ изъ его сыновей изучалъ богословіе—и выборъ его палъ на автора воспоминаній. „Заранѣе начали готовить меня, говоритъ Роммель, къ будущему призванію и не упустили даже познакомить съ арабскимъ языкомъ: я бралъ уроки у какого то кандидата богословія, по имени Вискемана, который жилъ на дальнемъ переулкѣ Кассельскаго предмѣстья, въ темной конурѣ, въ нищетѣ и, несмотря на то, владѣлъ дорогими восточными рукописями“. Въ Кассельскомъ лицѣ въ него уже вдохнули любовь и даже страсть къ филологіи. Ректоръ лицея Рихтеръ, изящно образованный филологъ, зналъ тайну пробуждать въ своихъ ученикахъ любовь и уваженіе къ себѣ и своей наукѣ и поддерживать соревнованіе между учащимися.

По окончаніи лицея, Роммель поступилъ въ Марбургскій университетъ. Здѣсь онъ занимался исключительно науками, велъ самую скромную жизнь и не зналъ почти никакихъ развлеченій. Изъ профессоровъ особенно нравились ему Арнольди и Крейцеръ (1-й преподавалъ богословіе, второй греческій языкъ). Изъ латинскихъ авторовъ онъ особенно любилъ Цицерона и старался подражать его стилю; уважалъ также Вольтера за его *Melanges de la littérature et de philosophie*, но увлекался не выходками его противъ религіи, а стремленіемъ къ просвѣщенію человечества. Изъ Марбургскаго университета Роммель перешелъ въ Геттингенскій, занимавшій тогда первое мѣсто въ ряду германскихъ университетовъ, по рѣдкому соединенію великихъ ученыхъ, по свободной литературной дѣятельности и по избранной обширной библіотекѣ. „Въ Геттингенѣ, говоритъ Роммель, мои ученыя стремленія нашли полное удовлетвореніе. До сихъ поръ я не выходилъ изъ тѣснаго круга богословской пропедевтики; здѣсь новый міръ открылся для моей любознательности, безграничная арена развернулась передо мною; Гейне указалъ всѣ богатства сокровищъ древности; Эйхгорнъ, Геренъ и Шлецеръ

звели въ область древней и новой исторіи и общей географіи; Блументбахъ вызвалъ къ разумному созерцанію природы.... Свѣтлый взглядъ на жизнь, крѣпкое здоровье, неразстроенное никакими излишествами, правильное распредѣленіе времени и занятій помогли мнѣ сдѣлать много: въ три года я не только познакомился съ 12 языками, древними и новыми, но еще успѣлъ приготовить множество небольшихъ статей для журналовъ. Главнымъ учителемъ Роммеля былъ Гейне, настоящій правитель университета. „Онъ принялъ меня, рассказываетъ Роммель, въ свой филологическій семинарій и часто его умные провицательные глаза обращались съ кафедры на меня съ любовью.... Сильно подвинуло мои занятія то, что я усвоилъ себѣ его привычку вставать рано и работать по утрамъ. Онъ поощрялъ мои литературные труды, сочиненія на премію философскаго факультета. Первымъ изъ нихъ было описаніе Аравіи по тексту Абульфеды. Какихъ усилій стоило мнѣ это произведеніе! По 12 часовъ въ день проводилъ я надъ извлеченіями изъ всѣхъ возможныхъ географовъ отъ Моисея до Нибура, не оставлялъ картъ даже во время обѣда, видѣлъ во снѣ Мекку и Медину. Трудъ мой не пропалъ даромъ; сочиненіе призвано достойнымъ награды. Мало этого, Блументбахъ взялся переслать его двумъ знаменитѣйшимъ оріенталистамъ того времени—Вильяму Узеле, въ Англіи, и Сильвестру де-Саси, въ Парижѣ. Лестные для молодого ученаго отзывы ихъ скоро пришли.... Вниманіе великихъ ученыхъ такъ ободрило меня, что я продолжалъ заниматься тѣмъ же предметомъ, началъ печатать свои изслѣдованія объ Аравіи въ разныхъ ученыхъ журналахъ и скоро перешелъ къ изученію Кавказа. Тогда же предлагали мнѣ мѣсто профессора въ Харьковѣ (въ 1803 г.), но я отказался, не принявъ также предложенія Гейне—прожить въ Италію одного знатнаго юношу и не хотѣлъ промѣнять ни на что въ свѣтѣ свой тихій музей противъ Геттингенской бібліотеки. Великіе планы, мечты о дальнихъ путешествіяхъ роились въ моей головѣ; я готовился на подвиги и работалъ неутомимо съ жаромъ“. Не ограничиваясь факультетскими науками, онъ „обошелъ лекціи почти всѣхъ корифеевъ Геттингенскаго университета—Аммона, Планка, Пюттера, Мартенса и др., не забылъ даже посѣтить акушерскую клинику Озіандера, послушать колкія выходки знаменитаго хирурга Рихтера противъ буквѣдовъ-филологовъ и не скучалъ болтливимъ самохвалствомъ анатома Врисберга“. Выдержавъ докторскій экзамень, въ которомъ принималъ живѣйшее участіе знаменитый Шлецеръ, Роммель открылъ, въ качествѣ приватъ-доцента, курсъ чтеній о Гомерѣ.

Но не долго пробылъ онъ въ Геттингенѣ. Вскорѣ его пригласили профессоромъ въ Марбургскій университетъ, куда онъ и перешелъ 25-ти-

лѣтнимъ юношею. Здѣсь онъ выступилъ не сухимъ буквоѣдомъ филологомъ, а представителемъ взглядовъ Винкельмана и Гейне, приверженцемъ эстетическаго изученія классическаго міра. „Въ первые два семестра лекціи мои о Горациі, Ювеналѣ, Аполлодорѣ и Теофрастѣ, говоритъ Роммель, заслужили одобреніе моихъ слушателей, сильно меня порадовшее; кураторъ университета съ своей стороны изъявилъ мнѣ письменно благодарность и утвердилъ ординарнымъ профессоромъ; тогда я не допускалъ и мысли, чтобы мое стремленіе къ живому, эстетическому изученію древнихъ, по примѣру Винкельмана и Гейне, поставило меня въ столкновеніе, съ нѣкоторыми товарищами и отдалило отъ большинства студентовъ. Въ первой же своей программѣ о филологіи и философскомъ объясненіи древнихъ, напечатанной въ 1805 году, я объявилъ войну сухому буквоѣдству и съ большимъ жаромъ указывалъ филологическимъ наукамъ высшую самостоятельную, разностороннюю задачу. На мой голосъ не было отзыва, какъ въ пустынь. Потомъ мало по-малу увидѣлъ я огромные недостатки пригготовительнаго ученія въ гимназіяхъ, понималъ грубость большинства служителей науки, выросшихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ общественныхъ отношеній, убѣдился въ недостаточности библіотеки, гдѣ не было большихъ итальянскихъ собраній по археологіи; наконецъ, съ грустью замѣтилъ, что прибыльные, доставляющія хлѣбъ науки—юриспруденція, богословіе, медицина—съ каждымъ днемъ брали перевѣсъ“.

Положеніе нѣмецкихъ университетовъ было тогда очень печальное: это было время Наполеоновскихъ завоеваній; Роммель, проникнутый горячимъ патріотическимъ чувствомъ къ родинѣ, постоянно выражалъ его въ публичныхъ рѣчахъ. На классическую филологію онъ смотрѣлъ между прочимъ какъ на средство пробудить патріотизмъ. „Разумѣется, говоритъ онъ, много правды въ томъ, что занятія одною оболочкою, мертвыми формами языка иссушаютъ умъ и сердце молодыхъ людей. Но еще больше опасности было, по моему мнѣнію, въ меркантильномъ направленіи нашего вѣка, болѣею опасностью грозили положительные и матеріальные интересы, которые сильно овладѣвали умами и вытѣсняли ничѣмъ не замѣнимое по формѣ и содержанію античное образованіе. Географія, этнографія и политическія науки также входили въ кругъ моихъ занятій. Я продолжалъ свои арабскія и кавказскія изслѣдованія и хотѣлъ дать этнографіи особое мѣсто на ряду съ географіей и статистикой, разумѣя подъ этнографіею послѣдовательное и самостоятельное описаніе народовъ всего земнаго шара по языку, нравамъ, обычаямъ, промышленности, культурѣ и государственному устройству“. До нашествія французовъ Марбургскіе профессора находились въ тѣсныхъ связяхъ съ мѣстнымъ обществомъ:

„профессоры, студенты и всѣ образованные жители города соединялись въ одинъ кружокъ, лѣтомъ вмѣстѣ предпринимали прогулки за городъ, на горы; зимою составляли литературныя общества и домашній театръ въ пользу бѣдныхъ. Существовалъ кромѣ того Шекспировскій литературный клубъ“. Но съ появленіемъ французовъ все измѣнилось; носились зловѣщіе слухи о закрытіи университетовъ. Подъ вліяніемъ своего мрачнаго настроенія Роммель рѣшился уѣхать изъ Германіи и въ 1810 г. принять приглашеніе пріѣхать въ качествѣ ординарнаго профессора въ Харьковскій университетъ. „Это было, говоритъ Роммель, въ цвѣтущую пору благороднаго императора Александра, который начерталъ великій планъ, какъ писалъ мнѣ секретарь университетскаго совѣта въ Харьковѣ, подвинуть свой народъ на высшую степень образованія учрежденіемъ русскихъ университетовъ. Недолго задумывался я надъ рѣшеніемъ. Передо мною открывалась широкая и свободная арена. Жажда дѣятельности манила въ страну, еще не затронутую образованіемъ, гдѣ я въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный какъ птица, полный здоровья и силъ, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки. Это желаніе взяло верхъ надъ любовью къ отечеству. Много нужно было мнѣ стоическаго терпѣнія, пока шла медленная переписка между Геттингеномъ, Касселемъ, Петербургомъ и Харьковомъ; наконецъ, около половины 1810 г. пришло утвержденіе императора вмѣстѣ съ офиціальнымъ приглашеніемъ отъ университета“. Роммель переѣхалъ русскую границу зимою въ 30 градусный морозъ. Длинная дорога оставляла много времени на раздумье. „Грустное впечатлѣніе, говоритъ Роммель, скоро прошло и понеслись передо мною неясные образы, легкіе какъ дымъ, поднимавшійся отъ негаснувшей турецкой трубки. Одинъ посреди огромной снѣжной пустыни, я впервые испыталъ полное чувство самостоятельности.... Живая фантазія переносила меня то въ таврическіе дворцы прежнихъ крымскихъ хановъ, съ гаремами прекрасныхъ грузинокъ и черкешенокъ, то въ аудиторію, наполненную молодыми любознательными казаками“. Въ Харьковѣ прибылъ Роммель 17 января 1811 года вечеромъ и подѣхалъ прямо къ университету, гдѣ тогда ректоръ Рижскій давалъ вечеринку своимъ товарищамъ-профессорамъ и ихъ семьямъ. Ректоръ обильно, поцѣловалъ Роммеля, товарищи его поздравляли, онъ получилъ годичное жалованье, взялъ себѣ въ услуженіе русскаго солдата, чтобы выучиться у него русскому языку и началъ чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ.

Мы нарочно остановились такъ долго на біографіи Роммеля, чтобы изобразить типъ лучшаго иностранца, какимъ несомнѣнно былъ Роммель. Мы видимъ, что это былъ профессоръ въ полномъ смыслѣ этого

слова, начитанный, умный, широкообразованный, съ тою беззавѣтною преданностью наукѣ, которая характеризуетъ истиннаго ученаго. Онъ широко воспользовался тѣми образовательными средствами, которыя доставила ему семья, гимназія и университетъ; стремясь къ возможно глубокому и широкому образованію, онъ оставляетъ Марбургскій университетъ, чтобы вступить въ Геттингенскій, ученаѧ слава котораго тогда гремѣла повсюду; его новые профессора были звѣздами первой величины на ученомъ небосклонѣ тогдашней Германіи—и онъ широко воспользовался ихъ лекціями, бесѣдами, сочиненіями для собственнаго самоусовершенствованія. Но Роммель не превратился въ буквоѣда-педанта. Онъ понималъ цѣли ученыхъ филологическихъ наукъ чрезвычайно раціонально—такъ, какъ понимаютъ теперь лучшіе филологи. Къ явленіямъ окружающей его жизни политической и общественной Роммель относился не безразлично, а наоборотъ можетъ быть даже съ излишнею пылкостью; онъ былъ горячимъ патріотомъ и ненавидѣлъ къ иноземному завоевателю (Наполеону) главнымъ образомъ и побудила его оставить отечество. Въ Россію его влекло не одно желаніе устроить свое матеріальное благополучіе, но и мысль о насажденіи на этой петронутой почвѣ науки. Онъ мечтаетъ на эту тему во время своего длиннаго переѣзда; бодро и весело онъ смотритъ на будущее. Въ Россіи онъ не увлекся, подобно многимъ другимъ своимъ товарищамъ, погоней за наживой. На нравственной репутаціи его нѣтъ ни малѣйшаго пятна. Роммель, до перехода своего въ Харьковъ, напечаталъ слѣдующіе труды: 1) *Straboniana regionum et gentium Caucasiarum descriptio commentario perpetuo illustrata* (представлено было Россійскому Государю Императору); другія сочиненія его на латинскомъ языкѣ: 2) О нѣкоторыхъ качествахъ слога, нужныхъ къ украшенію рѣчи, 3) О Тацитовомъ описаніи германцевъ, 4) Объясненіе повѣствованій древнихъ объ амазонкахъ, 5) Надежда и счастье нашихъ временъ въ самыхъ злополучіяхъ, 6) О родахъ краснорѣчія; на нѣмецкомъ языкѣ: 7) О философскомъ объясненіи греческихъ и нѣмецкихъ авторовъ, 8) О докторѣ Галѣ въ разсужденіи преподаванія, 9) Кавказскіе дикари по извѣстіямъ путешественниковъ, 10) Характеры Теофраста, переводъ съ примѣчаніями и разсужденіемъ о характерахъ, 11) Аристотель и Россій или объ искусствѣ вообще и въ особенности о жестахъ и декламаціи, 12) О географіи, этнографіи, статистикѣ. Сверхъ того цѣлый рядъ статей въ журналахъ—Географическія Эфемериды, Меркурій, Моргенблять, Минерва¹⁾ и др.

¹⁾ Послужной списокъ въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ.

Еще болѣе крупную научную силу представлялъ профессоръ Шадъ. Въ формулярномъ спискѣ о профессорѣ Иванѣ Егоровичѣ Шадѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Онъ былъ первоначально преподавателемъ въ Банцѣ (во Франконіи), а въ 1798 г. перешелъ для усовершенствованія себя въ науки (химіи, экспериментальной физикѣ, медицинѣ, анатоміи) въ Іенскій университетъ, гдѣ въ слѣдующемъ 1799 году былъ избранъ университетскимъ совѣтомъ въ преподаватели философіи и читалъ всѣ отдѣлы этой науки по 1804 годъ, т. е. до перехода своего въ Харьковъ. Въ Харьковъ его пригласилъ попечитель округа графъ С. О. Потоцкій, по рекомендаціи великихъ писателей Гете и Шиллера (ему тогда было 44 года). Къ этому времени Шадъ приобрѣлъ себѣ большую извѣстность изданіемъ цѣлой серіи ученыхъ, философскихъ трудовъ. Онъ состоялъ также почетнымъ членомъ минералогическаго общества. Эти краткія данныя могутъ быть дополнены подробностями, заключающимися въ автобіографіи Шада. Обширная автобіографіи Шада (на нѣмецкомъ языкѣ) издана была два раза — въ 1803—1804 и 1828 г. (2-е изданіе въ трехъ частяхъ)¹⁾; но ею не воспользовался ни одинъ изъ историковъ Харьковского университета, быть можетъ потому, что книги этой не было въ университетской библіотекѣ. Теперь она выписана изъ заграницы, и профессоръ Ѳ. А. Зеленогорскій, напечатавшій уже статью о философскихъ трудахъ Шада (въ Вопросахъ психологіи и философіи за 1895 годъ), рѣшилъ составить о немъ на основаніи этого источника біографическій очеркъ. Мы имѣли въ рукописи этотъ очеркъ и, съ любезнаго разрѣшенія автора, слѣдаемъ краткій экстрактъ изъ него для своей работы. Johann Baptist Шадъ родился въ 1758 г. въ деревнѣ Мюрсбахѣ, вблизи Бомберга и Кобурга. Отецъ его былъ крестьянинъ, имѣвшій хлѣбопекарню и постоянный дворъ. Семья, въ которой выросъ Шадъ, держалась строго римско-католическаго вѣроисповѣданія. Отецъ его былъ религіозенъ, добръ, справедливъ и своихъ дѣтей, которыхъ было не мало, онъ старался воспитать въ тѣхъ же добродѣтеляхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что религіозность его была не чужда суетвѣрій и нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ. Въ 1768 г. десятилѣтній Шадъ былъ отданъ своимъ отцомъ въ Банцскій бенедиктинскій монастырь, такъ какъ у него открылся хорошій голосъ (дискантъ) и обнаружилась любовь къ музыкѣ и пѣнію. Великолѣпіе монастырскаго храма и торжественность богослуженія (тогда совершалась заупокойная

¹⁾ Вотъ подлинное заглавіе этого сочиненія: „Johann Baptist Schads Russisch-Kaiserlichen Collegienrathes und professors der philosophie in Iena, ehemals Benedictiners zu Kloster Banz Lebensgeschichte, von ihm selbst geschrieben“.... Altenburg 1828.

месса по настоятелѣ монастыря) такъ подѣйствовали на воображеніе мальчика, что онъ безъ слезъ разстался со своимъ отцомъ. Въ монастырѣ обученіе и воспитаніе Шада было поручено одному монаху, хорошо знавшему музыку; онъ обучалъ его только музыкѣ и латинскому языку. Хотя учитель и внушалъ ему правила умѣренности и даже самъ соблюдалъ ихъ, но мальчикъ видѣлъ дурные примѣры среди монаховъ, немѣренныхъ въ пищѣ и употребленіи спиртныхъ напитковъ. Оувѣрія, усвоенныя въ семьѣ, поддерживались и развивались. Такъ прошло 4 года. Четырнадцать лѣтъ Шадъ былъ отправленъ въ Вамбергъ въ иезуитскую семинарію изучать humaniога и въ ней пробылъ 6 лѣтъ. Здѣсь заботились не о развитіи ума, а объ изощреніи памяти. Главнымъ предметомъ изученія былъ латинскій языкъ; но обращали вниманіе только на грамматику—на авторахъ не останавливались; читали ихъ только въ отрывкахъ для упражненія въ синтаксисѣ и при этомъ старались внушить мысль, что все написанное этими языческими писателями, есть силовое заблужденіе. Исторію, подобно катехизису, выучивали наизусть. Греческій языкъ изучался по такому же методу, какъ и латинскій (т. е. безъ авторовъ). Родной нѣмецкій языкъ былъ введенъ по требованію князя, но преподаваніе его находилось въ самомъ жалкомъ состояніи—иезуиты щеголяли незнаніемъ нѣмецкаго литературнаго языка. Въ философіи царила средневѣковая схоластика; на первый планъ выдвинуты были схоластическая логика и діалектика; поощрялись диспуты, носившіе торжественный характеръ. Шадъ изучалъ классическихъ авторовъ самостоятельно, на сколько это было ему возможно. Въ философскомъ классѣ онъ пробылъ только полгода, ибо вернулся, по приглашенію прелата, въ Вандскій монастырь, что бы принять тамъ монашество. Разныя лица отговаривали его отъ этого, но „зелье монашескаго обольщенія успѣло уже пустить въ его сердцѣ глубокіе корни“—и онъ сдѣлался монахомъ. Сначала воображеніе рисовало ему картины почестей и вызвышенія въ духовной іерархіи; потомъ онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться великимъ святымъ и извѣстнымъ ученымъ. Монахъ, подъ руководство котораго онъ былъ отданъ для первоначальнаго искуса, старался внушить ему принципы слѣпой вѣры и послушанія. Желая сдѣлаться святымъ, Шадъ безусловно повиновался своему руководителю; но скоро убѣдился, что никакъ не могъ попасть на истинный путь святости, сталъ скорбѣть душою, пришелъ въ отчаяніе и былъ близокъ къ самоубійству. Въ такомъ душевномъ состояніи онъ провелъ 7 лѣтъ монастырской жизни. Въ это время ему исполнилось 26 лѣтъ. Началась работа мысли, но съ трудомъ освобождался онъ отъ авторитета монашества, цистерна и католицизма. Огромное значеніе имѣло для него зна-

des Staates und der Religion von Seiten des Mönchstums; 9) Das Paradies der Liebe (монашескій романъ въ 2-хъ частяхъ).

Въ 1804 г. Шадъ занялъ мѣсто ординарнаго профессора философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ самъ говоритъ, что ему предложили такія выгодныя условія, какихъ не могъ бы предложить ни одинъ изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей извѣстному ученому: ему назначено было жалованье до 2400 талеровъ; кромѣ того каждая должность, которую занималъ профессоръ помимо кафедры, оплачивалась въ Харьковѣ особо, такъ что всего ординарный профессоръ могъ получать до 3000 талеровъ; сверхъ того ему были обѣщаны подъемныя деньги и прогоны. Предложеніе было принято—и Шадъ переѣхалъ въ Харьковъ.

Сообщимъ теперь краткія біографическія свѣдѣнія и обо всѣхъ остальныхъ профессорахъ иностранцахъ, пользуясь ихъ формулярными списками, уцѣлѣвшими въ университетскомъ архивѣ. ¹⁾

Леопольдъ Адамовичъ Умляуфъ родомъ изъ Эйхсфельда (въ Пруссіи). Былъ прежде профессоромъ нѣмецкой литературы въ Лембергѣ (т. е. Львовѣ) въ Галиціи. Въ Харьковскій университетъ перешелъ въ 1803 году, по приглашенію попечителя гр. С. О. Потоцкаго, на кафедру латинской словесности и эстетики. Профессоръ химіи Иванъ Андреевичъ Шнаубертъ родомъ изъ Гиссена (Гессенской области). Обучался въ химическомъ институтѣ въ Эрфуртѣ; получилъ степень доктора философскаго факультета въ Іенѣ (въ 1803 г.), состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; въ Харьковѣ приглашенъ попечителемъ округа въ 1804 г.; ему тогда было всего 22 года. Другой профессоръ химіи и фармацевтъ Фердинандъ Ивановичъ Гизе родомъ изъ Кистрина (въ Пруссіи), сынъ пастора. Обучался въ Берлинѣ аптекарскому искусству и былъ практикантомъ въ Кроссенѣ, затѣмъ пробылъ два года въ лабораторіи въ Берлинѣ и слушалъ при этомъ лекціи въ химической и ботанической коллегіяхъ; написалъ много изслѣдованій по химіи и фармацевтикѣ; былъ сотрудникомъ химическаго журнала Шерера, послѣ того получилъ дипломъ члена Берлинскаго общества о составленіи лекарствъ и издалъ въ свѣтъ большое философско-химическое разсужденіе. У Геннади мы находимъ заглавіе этого сочиненія (Von den chemischen processen und den dabei sich darbietenden Erscheinungen, nebst darstellung der sie bewirkenden mittel und ursachen. Berlin. 1804) и сообщеніе, что Гизе получилъ степень доктора философіи въ Эрфуртскомъ университетѣ. ²⁾ Въ Харьковскій университетъ

¹⁾ Эти списки найдены въ числѣ разнаго архивнаго хлама архивариусомъ университетскаго архива—кандидатомъ историческихъ наукъ М. М. Пдохинскимъ и любезно указаны намъ, за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность.

²⁾ Справочный словарь, I, стр. 214.

поступилъ, по приглашенію попечителя, въ 1804 году 26 лѣтъ отъ роду. Преподаватель этикополитическаго отдѣленія Іосифъ Матвѣевичъ *Дангъ* родомъ изъ Фрейбурга, что въ Бризгау, обучался во Фрейбургскомъ университетѣ философіи и правовѣдѣнію и тамъ же исправлялъ должность генеральнаго репетитора философіи и математики, а въ 1795 г. вслѣдствіе болѣзни тамошняго профессора математики исправлялъ его обязанность. Въ Харьковскій университетъ поступилъ адъюнктомъ философскихъ и математическихъ наукъ въ 1803 году, имѣя 29 лѣтъ отъ роду. Иванъ Францовичъ *Гамперле* нѣмецъ изъ Чешской Праги. Обучался въ Пражскомъ главномъ училищѣ, получилъ степень доктора общаго права и сдѣлался стряпчимъ Богемскаго королевства въ 1796 г. Въ Харьковскій университетъ поступилъ адъюнктомъ политическихъ наукъ и государственной экономіи въ 1803 году, по приглашенію гр. С. О. Потоцкаго, Даніилъ Ивановичъ *Шмерфельдъ* родомъ изъ Гессенъ-Касселя. Обучался въ Марбургскомъ университетѣ правовѣдѣнію и разнымъ частямъ политической экономіи, потомъ въ теченіе 5 лѣтъ былъ ассессоромъ казначейства въ Гессенскомъ курфюршествѣ, а оттуда въ 1804 г. перевелся въ Харьковъ адъюнктомъ статистики и технологіи 31 года отъ роду. Людовикъ Осиповичъ *Ваннотти* изъ Фрейбурга въ Бризгау. Учился во Фрейбургскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины въ 1798 г., состоялъ нѣсколько лѣтъ оберъ-хирургомъ при Императорской римской арміи во время войны съ Франціей, потомъ пробылъ одинъ годъ въ Вѣнѣ для усовершенствованія въ медицинѣ. Занимался затѣмъ практикою (во Львовѣ, гдѣ и сочинилъ книгу о прививаніи коровой оспы (на польскомъ языкѣ), которая заслужила одобреніе ученыхъ за ясность и полноту содержанія, что можно видѣть изъ рецензіи на нее, помѣщенной въ Зальцбургскомъ медицинскомъ хирургическомъ журналѣ (1804 года, 2-я часть, 163 стран.). Сверхъ того обучался практической анатоміи въ Арсбургѣ. Определенъ, по предложенію попечителя, адъюнктомъ и прозекторомъ анатоміи въ 1805 году, имѣя 36 лѣтъ отъ роду. Бернгардъ Осиповичъ *Рейтъ* — уроженецъ г. Майнца. Учился въ Майнцѣ, Іенѣ, Лейпцигѣ и Геттингенѣ; въ Кенигсбергскомъ университетѣ получилъ степень доктора философіи, потомъ былъ президентомъ управы благочинія въ кантонѣ Мерштадтскомъ Монтанерскаго департамента (послѣ уступки лѣваго берега Рейна на Раштадтскомъ конгрессѣ 1798 г.); принятъ попечителемъ округа въ качествѣ лектора для преподаванія исторіи европейскихъ государствъ и статистики въ 1804 г. въ возрастѣ 36 лѣтъ. Антонъ Георгіевичъ *Рейншигъ*, родомъ изъ Бабенгаузена (въ Швабин). Учился словеснымъ наукамъ въ Нугебиргѣ, философіи — въ Дилингскомъ университетѣ, затѣмъ пре-

подавалъ въ Вейнгартенскомъ монастырѣ нѣмецкій и латинскій языки, всеобщую географію и естественную исторію, поэзію, реторику, философію и математику; по уничтоженіи же монастыря, отправился въ Іенскій университетъ, гдѣ былъ удостоенъ преподаванія философіи. Принятъ попечителемъ гр. Потоцкимъ лекторомъ въ Харьковскій университетъ для преподаванія всеобщей исторіи въ 1805 году въ 36 лѣтнемъ возрастѣ. Ѳеодоръ Васильевичъ *Пилмеръ* родомъ изъ г. Вецлара въ Германіи. Обучался медицинѣ въ Гиссенскомъ и Ерлангскомъ университетахъ и совершенствовалъ себя въ этой наукѣ въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, Майнцѣ, Вецларѣ и Марбургѣ, потомъ предпринялъ путешествіе для изученія скотолѣченія, но вездѣ занимался медицинской практикой до 1801 г., когда былъ назначенъ ветеринарнымъ врачомъ въ верхней части Гиссенскаго ландграфства и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ этого предмета въ Гиссенскомъ университетѣ. Издалъ въ свѣтъ слѣдующія работы: 1) Вецларскіе анналы или отрывки разнаго содержанія для распространенія просвѣщенія, въ 4-хъ книгахъ, 1790 г.; 2) О дѣтоубійствѣ, медико-юридическое сочиненіе, 1790 г.; 3) Идеи, какъ поступать съ евреями въ Германіи, политическое разсужденіе, 1795 г.; 4) О болѣзни такъ называемой „одутѣ“ коровъ, лошадей и овецъ, 1800 г.; 5) Опыты, какъ чрезъ гальванизмъ испытывать дѣйствія разныхъ ядовитыхъ и лѣкарственныхъ средствъ на возвышенную или уменьшенную раздражительность нервовъ, 1801 года; 6) Краткое разсужденіе о коровьей оспѣ и ея прививаніи, 1800 года; 7) Наставленіе хозяевамъ, какъ разводить, содержать и лѣчить скотъ, 1802 г.; 8) Систематическое руководство практической и теоретической науки скотолѣченія, въ 2 книгахъ, 5 частяхъ, 1801—1804 г.; 9) Разсужденіе объ испанской головной болѣзни лошадей, 1805 г.; 10) Пространное сочиненіе о сифилитическомъ раздраженіи и прочемъ печатается во Франкфуртѣ. Сверхъ того Пилмеръ издалъ частію подъ своимъ именемъ, частію безъ имени много драматическихъ и „эстетическихъ“ пьесъ. Утвержденъ профессоромъ Харьковскаго университета въ 1806 г. 46 лѣтъ отъ роду. Вильгельмъ Ѳеодоровичъ *Дрейсигъ*, сынъ директора соляныхъ заводовъ, уроженецъ Прусскаго города Галле. Окончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ въ Галле на медицинскій факультетъ въ 1787 г., гдѣ обучался философіи, математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, химіи и въ особенности медицинскимъ наукамъ. Усовершенствовалъ себя въ этихъ послѣднихъ, онъ занимался практикою въ университетской клиникѣ и другихъ больницахъ, а въ 1793 г. отправился въ Эрфуртъ, гдѣ подвергался строгому экзамену для полученія должности экстраординарнаго профессора и защитилъ диссертацию на сте-

нень доктора медицины подѣ заглавіемъ „De ophthalmia neonatorum“. Но военныя обстоятельства заставили его оставить Эрфуртъ. Поэтому, получивъ разрѣшеніе отъ врачебнаго отдѣленія Лейпцигскаго университета на производство врачебной практики, онъ занимался ею съ успѣхомъ въ теченіе 6 лѣтъ въ Кверфуртѣ, Дрезденѣ и Пирнѣ, получивъ также должность врача въ крѣпости Кенигштейнѣ; въ этой должности онъ пробылъ 9 лѣтъ. Въ теченіе 14 лѣтъ имъ были изданы слѣдующія сочиненія: 1) Ручная книга патологіи хроническихъ болѣзней, Лейпцигъ, 1-я часть, 1796 г., 2-я часть 1799 г.; книга эта была переведена на голландскій языкъ; 2) Ручная книга врачебной діагностики, Эрфуртъ, 1-я часть, 1801 г., 2-я часть 1803 г.; переведена на французскій языкъ; 3) Нѣсколько диссертаций, помѣщенныхъ въ журналахъ, издававшихся Болдингеромъ и Гуфлиндомъ; 4) Ручная книга врачебной клиники, Эрфуртъ, 1-я часть, 1806 г., 2-я часть 1807 г. (сочиненіе это должно было состоять изъ 6 книгъ). Избранъ былъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора клиники въ 1805 г., а утвержденъ въ этой должности въ 1807 году, имѣя 37 лѣтъ отъ роду. Людвигъ Кондравьевичъ *Якобъ* — уроженецъ Пруссіи Магдебургскаго герцогства. Окончивъ гимназію, поступилъ въ 1777 году въ Гальскій университетъ, гдѣ изучалъ филологію, исторію, математику, философію, педагогику и богословіе у славныхъ профессоровъ—Землера, Шица, Кнаппа, Нессельта, Эбергарда, Нимсера и Каретека; по выдержаніи установленнаго экзамена и по защитѣ диссертации „De allegoria Homerica“, удостоенъ званія доктора философіи (въ 1785 г.). Въ 1787 году былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ того же университета. Преподавая филологическія и философскія науки, имѣлъ многочисленную аудиторію. Но такъ какъ по прошествіи 10 лѣтъ его преподаванія стала господствовать новая система философіи, несходная съ его мнѣніями, то онъ оставилъ этотъ предметъ и сталъ читать лекціи по исторіи и политикѣ, которыя также имѣли большой успѣхъ (за нихъ онъ получилъ письменную благодарность отъ Прусскаго короля). Три года сряду *Якобъ* былъ ректоромъ университета. За свои сочиненія „О безсмертіи души“ и „Существовѣ Бога“ получилъ высшія награды отъ Лейденскаго и Гарлемскаго ученыхъ обществъ. По составленнымъ имъ компендіумамъ логики, математики, метафизики, психологіи и естественнаго права, эти предметы преподавались не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но и въ Даніи и Венгріи. Сочиненіе его „Общая религія“ имѣло такой успѣхъ, что 2500 экземпляровъ его разошлись въ нѣсколько дней и нужно было печатать его 2-мъ изданіемъ. Въ теченіе 20 лѣтъ *Якобъ* издалъ въ свѣтъ 35 сочиненій, изъ коихъ

важнѣйшія суть слѣдующія: 1) Начертаніе общей логики и критическія первоначальныя основанія метафизики, 5-е изданіе, Галле, 1800 г.; 2) Начертаніе опытной психологіи, 3-е изд., 1800 г.; 3) Философское нравоученіе, Галле, 1794 г.; 4) Доказательство безсмертія души, взятое изъ понятія должностей, Циллихау, 1-е изд., 1790 г., 2-е съ нѣкоторыми перемѣнами, 1794 г.; 5) О доказательствахъ бытія Божія, 2-е изданіе этого сочиненія о нравственномъ доказательствѣ бытія Божія съ присоединеніемъ новаго философскаго разговора, въ которомъ утверждаются всѣ умозрительныя доказательства бытія Божія, Либава, 1798 г.; 6) Философское ученіе правъ, Галле, 1795 г.; 7) Авансы философіи и философскаго духа, издававшіеся обществомъ ученыхъ два года, Галле, 1795 и 1796 гг.; 8) Небольшія сочиненія разнаго содержанія по богословію, нравоученію, политикѣ и психологіи, Галле, 1797 г.; 9) Всеобщая религія, 3-е изданіе подъ заглавіемъ „Практическая философія“, 1801 г.; 10) Правило мудрости человѣческой жизни или практическая философія, 1-я часть, 1801 г.; 11) Правила народной экономіи или науки народнаго хозяйства, Галле, 1805 г. По уничтоженіи университета въ Галле, проф. Якобъ избранъ былъ въ ординарные профессора Харьковского университета по кафедрѣ дипломатики и политической экономіи въ 1807 г., въ 49-ти лѣтнемъ возрастѣ. Иванъ Ивановичъ Гутъ — сынъ бывшаго королевскаго архитектора въ Гальберштадскомъ княжествѣ. Прошелъ курсъ словесныхъ наукъ (съ 1772 по 1782 г.) въ Гальберштадской школѣ кафедральной церкви. Затѣмъ отправился для продолженія наукъ въ Гальскій университетъ, гдѣ изучалъ философскія, физическія и математическія науки (до 1785 г.). По выходѣ изъ университета, выдержавъ экзаменъ и защитивъ диссертацию „De protrahendis Matheseos purae limitibus“, получилъ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ и былъ преподавателемъ въ университетѣ до 1789 года, когда призванъ былъ Прусскимъ королемъ во Франкфуртскій университетъ на должность ординарнаго профессора математики и физики; тутъ онъ преподавалъ не только всѣ части теоретической и практической математики, а и опытную физику, химию, гражданскую и военную архитектуру. Состоялъ членомъ Гальскаго общества естествоиспытателей, Гальберштадскаго ученаго общества, Франкфутскаго общества наукъ и художествъ, Эрфуртскаго физикоматематическаго, экономическаго Потсдамскаго и Берлинскаго естественной историческаго обществъ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) De protrahendis Matheseos purae limitibus. Halae, 1787; 2) Anfangsgründe der Angewandten Mathematik, Halae, 1789; 3) Allg. magaz. für burgerl. Baukunst, 2 B. Weimar, 1789—1796; 4) Beschrei-

bung d. neuen optischen Schleifmühle d. Abtes Toffeli, Ber., 1796; 5) Lam-
berts Abhandl. über einige anustische Instrumente, übersetzt mit Zusätzen,
1796; 6) Versuche über d. Anhängen d. Wassers an verschied. Holzarten
(Green N. Journ. III, 1796); 7) Ueber die Sonnenflecken und Sonnenfac-
keln (N. Schr. d. Berl. geselsch. naturf. Frs. 1801); 8) Ueber die chemisch-
electrische Wirkungsweite einer Voltaischen Säule (N. Schr. d. Berl. Gesel.,
IV, 1803); 9) Ueber die einfachste Compensation des Pendels (Astr. Jarb.
für das Jahr. 1803, herausg. von J. E. Bode); 10) Beobachtung eines
beweglichen sterns im Löwen (Astr. Jarb. für das Jar. 1805); 11) Ver-
mischte physikal. Notizen (Gilb. An., XIX, 1805); 12) Письмо Гута къ Боду
изъ Лондона отъ 10 сент. 1802 г. о посѣщеніи Гринвической обсерва-
торіи (Astr. Jarb.); 13) Einige astronomisch — physische Beobachtungen
(Astr. Jarb. für d. Jahr 1807); 14) Письмо Гута къ Боду о происхож-
деніи малыхъ планетъ (Astr. Jahrb. für d. J. 1807); 15) Electr. Meteore
(Gilb. Ann. XIX, 1805 ¹⁾). И такъ; до 1801 г. Гуть работалъ по при-
кладной математикѣ, архитектурѣ, практической механикѣ и физикѣ,
а затѣмъ сосредоточился на астрономіи и приобрѣлъ почетную извѣст-
ность въ ученомъ мірѣ въ качествѣ астронома: между прочимъ онъ
открылъ нѣсколько кометъ. У него была своя собственная обсервато-
рія, въ которой были хорошіе астрономическіе и физическіе инстру-
менты, изготовленные въ Англіи, естественно историческая коллекція
и специальная научная библіотека; „наблюденія самого Гута на его
обсерваторіи имѣли главнѣйшею цѣлью изученіе физическаго строенія
тѣлъ солнечной системы, а также изученіе двойныхъ звѣздъ, туман-
ностей, зодіакальнаго свѣта и пр.“ ²⁾. Избранъ совѣтомъ Харьковскаго
университета въ ординарные профессора прикладной математики Гуть
въ 1807 г., утвержденъ въ этой должности въ 1808 г., 47 лѣтъ отъ роду.
Карлъ Карловичъ *Нельдехенъ* родомъ изъ города Цилихау (въ Саксо-
ніи), сынъ тайнаго совѣтника. Окончивъ гимназію въ Берлинѣ, посту-
пилъ въ 1791 году въ Кенигсбергскій университетъ, гдѣ слушалъ фи-
лософію, камеральныя права и другіе вспомогательные предметы, а въ
1793 г. получилъ степень доктора философіи у славнаго профессора
Эмануила Канта. Возвратившись въ Берлинъ, онъ получилъ мѣсто сек-
ретаря въ управленіи соляныхъ заводовъ и коммерціи, а затѣмъ со-
вѣтника въ управленіи удѣльныхъ королевскихъ имѣній въ Помера-
ніи; состоялъ членомъ Потсдамскаго экономическаго общества. Издалъ

¹⁾ Пр. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астр. обсерв. Харьк. университета отъ
1808 по 1842-й годъ; X. 1893, стр. 4—5.

²⁾ Ibidem, стр. 6.

слѣдующія сочиненія: 1) о разведеніи свеклы и пр., въ 3-хъ частяхъ; 2) Анналы сельскаго домоводства въ Прусскихъ провинціяхъ—Курбранденбургъ и Нейбранденбургъ; 3) Естественно-историческій словарь по сельскому домоводству, въ 2-хъ томахъ. Перевелъ съ латинскаго языка на нѣмецкій: 1) Сочиненіе Мезели о сахарѣ; 2) Описаніе сельскаго хозяйства въ графствѣ Мидленскомъ, въ 2-хъ томахъ, сочиненіе Медлетона; 3) Практическій разводитель растеній; сочиненіе Николи; 4) Новый календарь сельскаго домоводства въ 2-хъ частяхъ. Избранъ и утвержденъ профессоромъ сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ въ 1811 году, имѣя 39 лѣтъ отъ роду. Фердинандъ Львовичъ *Швейкардтъ* уроженецъ города Ярбаха. Окончивъ Ганнауусскую гимназію, поступилъ студентомъ въ Марбургскій университетъ (въ 1797 году), гдѣ изучалъ правовѣдѣніе подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ Вейса, Роберта и Бодера; кромѣ того слушалъ лекціи политики у профессора Юнія, математики и физики у Гауфа. Потомъ для усовершенствованія себя въ философскихъ и юридическихъ наукахъ онъ отправился въ Іенскій университетъ, въ которомъ тогда преподавали правовѣдѣніе извѣстные своею ученостью профессора Гуфеландъ, Шнаубертъ и Фейербахъ. Онъ усердно посѣщалъ ихъ лекціи и удостоенъ былъ званія доктора обоихъ правъ. Возвратившись оттуда на родину и выдержавши экзаменъ, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, причемъ съ успѣхомъ выступалъ въ качествѣ адвоката не только въ провинціи, но и въ высшихъ присутственных мѣстахъ—въ Вѣнѣ и Вецларѣ. Послѣ этого князь Гогенлоэ поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, и въ этой должности онъ оставался до смерти князя въ 1806 г. Съ этого же года онъ избралъ уединенный образъ жизни, занимался историческими работами и, пріобрѣвъ нѣкоторую извѣстность, отправился въ Гейденбургскій университетъ, въ которомъ занялъ кафедру римскаго права, его исторіи и древностей; приглашенъ въ Харьковскій университетъ въ 1811 году. Наконецъ, адъюнктъ Андрей Михайловичъ *Тауберъ* также долженъ быть причисленъ къ иностраннымъ выходцамъ, хотя сталъ работать на пользу русской науки гораздо раньше поступленія своего въ Харьковскій университетъ. Онъ учился въ Эйзенбергской и Гальской гимназіяхъ, а потомъ въ Іенскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, занимался преимущественно естественной исторіей и особенно минералогіей, для чего посѣщалъ также Горную Академію во Фрейбергѣ. Затѣмъ онъ преподавалъ эту науку въ теченіе 4-хъ лѣтъ въ Дрезденѣ и путешествовалъ 6 лѣтъ по Германіи и Даніи для изученія лучшихъ минералогическихъ кабинетовъ. Потомъ онъ составилъ минералогиче-

ское описаніе находящихся около Дрездена горъ, которое вмѣстѣ съ картою и 6-ю рисунками, изображающими внутреннее строеніе этихъ горъ, было издано въ 1799 году въ Нюренбергѣ. За эту работу онъ былъ избранъ корреспондентомъ минералогическаго и физическаго общества въ Іенѣ, а потомъ и Геттингенскаго общества. Въ 1805 г. онъ вступилъ въ русскую службу, именно былъ опредѣленъ минералогомъ при главномъ правленіи училищъ для приведенія въ порядокъ минеральныхъ коллекцій, присланныхъ изъ Сибири и предназначавшихся для разныхъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ. Въ 1808-мъ году онъ былъ избранъ въ адъюнкты Московскаго университета и отпраздновалъ университетомъ для собиранія минераловъ въ Сибирь, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ заводы въ Уральскихъ горахъ; въ Москву вернулся съ значительной коллекціей минераловъ, а также картъ и чертежей, изображавшихъ какъ внутреннее, такъ и наружное строеніе горъ, и сдѣлалъ докладъ объ этомъ въ обществѣ естествоиспытателей. Въ 1811 году университетъ избралъ было его для вторичнаго путешествія, но этому помѣшала война съ французами; и онъ по порученію университета сталъ писать сочиненіе, посвященное минералогическому описанію Уральскихъ горъ. Въ это время произошло вторженіе Наполеона въ Москву—и Тауберъ, потерявъ все свое имущество, библіотеку, математическіе инструменты, и указанное выше сочиненіе, принужденъ былъ бѣжать оттуда въ Харьковъ, гдѣ и получилъ въ 1813 году должность адъюнкта, а въ концѣ года сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Таковы были *нѣмецкіе* профессора, вызванные изъ разныхъ пунктовъ ученой Германіи для занятія кафедръ въ Харьковскій университетъ. Гораздо малочисленнѣе была группа *французскихъ* ученыхъ: ихъ было всего четыре человека. Францъ Александровичъ *Делявинъ* французъ изъ Аміена (Сомскаго департамента). Учился въ Германіи въ Ерлангенскомъ и Юрбургскомъ университетахъ въ теченіе 6 лѣтъ; въ 1799 г. получилъ отъ перваго степень доктора медицины. Представилъ при поступленіи на службу въ Харьковъ слѣдующіе документы: 1) матрикулъ отъ Ерлангенскаго университета; 2) дипломъ на званіе доктора медицины отъ того же университета; 3) свидѣтельство отъ медицинскаго факультета въ томъ, что онъ съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ занимался медициной и вспомогательными науками; 4) такое же свидѣтельство отъ профессоровъ медицинскаго факультета въ Юрбургѣ—Томана, Зебольда и Гельмана; 5) удостовѣреніе отъ ректора Геттингенскаго университета Мейера, что онъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ слушалъ лекціи и въ этомъ университетѣ. Сверхъ того онъ представилъ дипломы на званіе корреспондента Іен-

скаго* минералогическаго общества, члена Ратисбонскаго ботаническаго общества, Геттингенскаго физическаго и фотографическаго общества. Печатныхъ ученыхъ трудовъ у него повидимому не было. Въ Харьковѣ онъ перешелъ профессоромъ ботаники еще въ 1803 году 36 лѣтъ отъ роду. Антонъ Антоновичъ *Денуровъ*—французъ родомъ изъ Ноганантъ близъ Клермонта. Былъ профессоромъ изящныхъ наукъ въ королевскомъ коллегіумѣ Деляфлешъ, потомъ профессоромъ исторіи въ Парижской центральной школѣ. Издалъ слѣдующіе труды: 1) публичную и тайную исторію французскаго короля Генриха IV; 2) исторію Оливера Кромвеля; 3) мемуаръ, оправдывающій Людовика XVI; 4) обзоръ исторіи Франціи. Избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора всемірной исторіи, географіи и статистики въ концѣ 1806 года, а утвержденъ министромъ въ должности экстраординарнаго профессора въ началѣ 1807 года. Яковъ Николаевичъ *Беленъ де Баллю*—французъ изъ Парижа (родился въ 1753 г.). Былъ членомъ Парижской королевской академіи надписей, потомъ совѣтникомъ моветнаго департамента, членомъ національнаго института въ Парижѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: 1) *Oppiani poemata de Venatione et Piscatione cum interpretatione latina et scholiis*. Stras. 1785; 2) *La Chasse, poëme d'Oppien traduit en français*, 1787; 3) *Oeuvres de Lucien, traduites en français avec des notes historiques, littéraires et critiques*, 1788, 6 vol.; 4) *Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs et les Romains*, 1803, 2 vol. ¹⁾). Въ русскую службу перешелъ по приглашенію попечителя Новосильцева—профессоромъ греческой и французской литературы въ Харьковскій университетъ—въ 1803 году 49 лѣтъ отъ роду. Николай Николаевичъ *Паки де Савиньи*—французъ изъ Нанси. Обучался въ г. Нанси и въ Парижскомъ университетѣ. Представилъ удостовѣреніе отъ шталмейстера Галиціи и Лодомеріи графа Вѣлогурскаго, что, окончивъ курсъ наукъ въ Нанси, получилъ тамъ же степень доктора философіи и послѣ этого въ теченіе 5 лѣтъ обучалъ на французскомъ языкѣ словесности, географіи и исторіи дѣтей графа Кастилію. Поступилъ адъюнктомъ философіи и французской словесности въ Харьковскій университетъ по приглашенію гр. С. О. Потоцкаго въ 1803 году 33 лѣтъ отъ роду.

Третью группу иностранныхъ выходцевъ составляютъ *славяне*: ихъ было 7 человекъ. Аѳанасій Ивановичъ *Стойковичъ*—славянинъ изъ г. Румы, обучался въ Венгріи въ Эденбургѣ, потомъ въ Сегединской и Пресбургской академіи высшихъ наукъ и наконецъ слушалъ въ теченіе

¹⁾ Dictionnaire universel d'histoire et de géographie. Bouillet. Par. 1855, p. 192—193.

2-хъ лѣтъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ. Получилъ степень доктора свободныхъ наукъ и философіи въ Тюбингенскомъ университетѣ. Состоялъ членомъ обществъ—Великобританскаго королевскаго въ Геттингенѣ, Пражскаго ученаго, естественно-историческаго въ Іенѣ. Издалъ слѣдующіе труды: 1) физику на сербскомъ языкѣ въ трехъ томахъ; 2) Коядоръ или открытіе таинствъ; 3) Аристидъ и Наталія; 4) Сербскій секретарь; 5) много мелкихъ работъ. Представилъ при поступленіи своемъ на русскую службу 18 одобрительныхъ аттестатовъ отъ разныхъ профессоровъ Пресбургской академіи и Геттингенскаго университета; въ нихъ отмѣчается его огромное прилежаніе, способность и примѣрное поведеніе, при чемъ оказывается, что онъ серьезно изучалъ не только свою главнѣйшую науку физику, а и много другихъ соприкасающихся съ ней предметовъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. Профессоръ физики въ Пресбургской академіи Панкель писалъ: „Стойковичъ при отличныхъ дарованіяхъ, посѣщалъ съ одинаковымъ прилежаніемъ всѣ лекціи физики и будучи подвергнутъ публичному испытанію, оказался первымъ между превосходнѣйшими, а кромѣ того своимъ честнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ заслужилъ всеобщее уваженіе“. Первымъ оказался Стойковичъ по своимъ успѣхамъ на экзаменахъ и въ другихъ предметахъ (архитектурѣ, гидравликѣ, логикѣ, метафизикѣ, естественномъ и публичномъ правѣ, всеобщей исторіи). Такіе же отличные успѣхи Стойковичъ обнаружилъ въ Геттингенскомъ университетѣ по физикѣ, сельскому хозяйству, критической философіи, логикѣ, исторіи, богословію, математикѣ, какъ это видно изъ отзывовъ профессоровъ Лихтенберга, Бекмана, Буле, Гаттерера, Штейдлина, Тибо. Послѣдній заявлялъ, что „Стойковичъ обучался у него въ частныхъ лекціяхъ важнѣйшимъ и труднѣйшимъ частямъ математической аналитики и прикладной математики съ отличнымъ прилежаніемъ и выказалъ остроту ума, легко понимая самыя отвлеченныя части математики“. Буле съ своей стороны подтверждалъ, что „Стойковичъ не только наставляемъ имъ былъ въ частныхъ лекціяхъ логикѣ и метафизикѣ, но еще слушалъ весьма прилежно у него съ прочими своими земляками преподававшуюся имъ въ приватнѣйшихъ лекціяхъ (privatissima) во всемъ объемѣ философію, сверхъ сего обучался историческимъ, математическимъ и физическимъ наукамъ, читалъ самыя лучшія по симъ предметамъ сочиненія, какими изобилуетъ библіотека Геттингенскаго университета“; въ заключеніе высказывалъ пожеланіе, чтобы правительство обратило вниманіе на Стойковича. Извѣстный Шлецеръ заявлялъ, что Стойковичъ слушалъ его лекціи по исторіи Европы, статистикѣ и политикѣ съ превосходнымъ, хорошо извѣстнымъ ему прилежаніемъ и успѣхомъ; точно

такіе же отзывы послѣдовали и отъ профессора энциклопедіи Гуго, профессора церковнаго права Лейста, профессора всеобщей исторіи и исторіи наукъ и искусствъ Эйхгорна. Константинъ Павловичъ *Павловичъ*—дворянинъ изъ Венгріи. Обучался свачала въ Сегединской и Будимской гимназіяхъ, а потомъ въ Пештскомъ университетѣ физикоматематическимъ, каноническимъ, политико-статистическимъ предметамъ; въ 1805 году получилъ степень доктора свободныхъ художествъ и философіи и тогда же назначенъ присяжнымъ нотариусомъ. Въ 1806 г. вызванъ въ Россію и получилъ мѣсто учителя естественной исторіи, технологии и коммерціи въ землѣ Войска Донскаго, откуда переведенъ на учительскую должность по тѣмъ же предметамъ въ Харьковскую гимназію. Находясь въ этой должности, онъ также читалъ чиновникамъ при университетѣ курсъ римскаго права, а въ 1811 году перемѣщенъ 29-ти лѣтъ отъ роду адъюнктомъ въ университетъ по римскому праву. Савва Петровичъ *Милюновичъ* родился въ Европейской Турціи, въ главномъ городѣ Босніи Сараевѣ; въ своемъ отечествѣ обучался начальнымъ основаніямъ греческаго языка. На 11 году жизни отправленъ былъ въ Грецію, гдѣ въ теченіе 5 лѣтъ въ тамошнихъ высшихъ училищахъ изучалъ древнегреческій языкъ и словесность. Въ 1789 г. изъ Греціи переѣхалъ въ Россію и поступилъ въ Московскую славяногреко-латинскую академію, гдѣ изучалъ исторію, риторику, философію, богословіе, латинскій и русскій языкъ. По окончаніи тамъ курса поѣхалъ съ бывшимъ Славенскимъ и Херсонскимъ архіепископомъ Евгеніемъ въ Петербургъ и находился при немъ до 1792 г., когда отправленъ былъ иностранной коллегіей при русскомъ посольствѣ въ Голландію, гдѣ обучался французскому языку и словесности. Въ 1796 году уволился отъ службы и отправился на свой счетъ въ Германію, гдѣ посѣщалъ университеты. Затѣмъ снова вернулся въ Петербургъ, и оттуда поѣхалъ въ Орловскую губернію, гдѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ занимался частными уроками. Потомъ переѣхалъ въ Петербургъ и, выдержавъ экзамень при педагогическомъ институтѣ, былъ назначенъ въ 1804 г. графомъ С. О. Потоцкимъ на учительскую должность въ Черниговскую гимназію (по философіи, изящнымъ наукамъ и политической экономіи). Въ 1812 г. избранъ былъ адъюнктомъ греческаго языка и словесности въ Харьковскій университетъ 45 лѣтъ отъ роду. Георгій Георгіевичъ *Коритарі*—славянинъ родомъ изъ Карпона. Съ 1795 по 1798 годъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ у славныхъ профессоровъ: Гуфланда, Лодера, Старка и Батиса по медицинѣ, хирургіи, химіи и фармаціи. Послѣ этого, путешествуя для усовершенствованія себя въ наукахъ, посѣтилъ Лейпцигъ, Галле, Берлинъ, Брунсвигъ, Ганцверъ, Вюрцбургъ

и Бамбергъ, причѣмъ въ послѣднемъ занимался практикою въ госпиталѣ подъ руководствомъ Маркуса и Решлауба; потомъ направился въ Вѣну и, съ согласія славнаго профессора Франка, повторилъ студентамъ лекціи по терапіи. Въ 1801 году въ Пештѣ получилъ степень доктора медицины и магистра окулистики и занимался врачебною практикою. Тамъ онъ въ 1803 г. послѣ экзамена и трехдневнаго состязанія съ конкурентами долженъ былъ получить мѣсто штатнаго профессора окулистики, но этому помѣшала его религія. Состоялъ почетнымъ членомъ Іенскихъ обществъ испытателей природы и минералогическаго. Въ 1805 г. избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора „врачебнаго веществословія“ (т. е. фармакологіи), фармаціи Андрей Ивановичъ *Дудровичъ* 35 лѣтъ отъ роду. По окончаніи гимназіи въ Офенѣ (въ Венгріи) онъ поступилъ въ Пештскій университетъ, гдѣ изучалъ математику, физику, философію, всемірную исторію, естественную исторію, технологию, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику, естественное, общегражданское и народное право. Потомъ въ Кашавской академіи (въ Венгріи) изучалъ венгерское право и политическія науки. По окончаніи курса былъ присяжнымъ нотаріусомъ въ Пештѣ; затѣмъ перешелъ учителемъ естественной исторіи, технологии и коммерціи въ Черниговскую гимназію, а оттуда перевелся въ Харьковскую гимназію (въ 1811 году), гдѣ сверхъ того преподавалъ въ старшихъ классахъ еще латинскій языкъ. Въ 1814 г. послѣ экзамена избранъ былъ въ адъюнкты Харьковскаго университета (по философіи) и въ томъ же году получилъ на этико-политическомъ отдѣленіи своего факультета степень доктора философіи. Преподавалъ студентамъ логику и опытную психологію еще въ 1812 году. О Федорѣ Ивановичѣ *Филипповичѣ* и Григоріѣ *Терлаичѣ* свѣдѣній не имѣемъ; но они впрочемъ и не были въ сущности фактическими преподавателями въ Харьковскомъ университетѣ: первый былъ избранъ адъюнктомъ по каедрѣ правъ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, еще до открытія университета, тогда же отправился за границу и назадъ не вернулся; второй занималъ мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ, въ 1811 году былъ перемѣщенъ на кафедру естественнаго, государственнаго и народнаго права въ Харьковскій университетъ (въ качествѣ ординарнаго профессора), но здѣсь вскорѣ послѣ пріѣзда скончался ¹⁾.

Таковы были профессора-иностранцы. Обратимся теперь къ профессорамъ туземнаго происхожденія. Всѣхъ ихъ было 13 человекъ.

¹⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности, стр. 12—13.

такіе же отзывы послѣдовали и отъ профессора энциклопедіи Гуго, профессора церковнаго права Лейста, профессора всеобщей исторіи и исторіи наукъ и искусствъ Эйхгорна. Константинъ Павловичъ *Павловичъ*—дворянинъ изъ Венгріи. Обучался сначала въ Сегединской и Будимской гимназіяхъ, а потомъ въ Пештскомъ университетѣ физикоматематическимъ, каноническимъ, политико-статистическимъ предметамъ; въ 1805 году получилъ степень доктора свободныхъ художествъ и философіи и тогда же назначенъ присяжнымъ нотариусомъ. Въ 1806 г. вызванъ въ Россію и получилъ мѣсто учителя естественной исторіи, технологии и коммерціи въ землѣ Войска Донскаго, откуда переведенъ на учительскую должность по тѣмъ же предметамъ въ Харьковскую гимназію. Находясь въ этой должности, онъ также читалъ чиновникамъ при университетѣ курсъ римскаго права, а въ 1811 году перемѣщенъ 29-ти лѣтъ отъ роду адъюнктомъ въ университетъ по римскому праву. Савва Петровичъ *Милиновичъ* родился въ Европейской Турціи, въ главномъ городѣ Босніи Сараевѣ; въ своемъ отечествѣ обучался начальнымъ основаніямъ греческаго языка. На 11 году жизни отправленъ былъ въ Грецію, гдѣ въ теченіе 5 лѣтъ въ тамошнихъ высшихъ училищахъ изучалъ древнегреческій языкъ и словесность. Въ 1789 г. изъ Греціи переѣхалъ въ Россію и поступилъ въ Московскую славяногреко-латинскую академію, гдѣ изучалъ исторію, риторику, философію, богословіе, латинскій и русскій языкъ. По окончаніи тамъ курса поѣхалъ съ бывшимъ Славенскимъ и Херсонскимъ архіепископомъ Евгеніемъ въ Петербургъ и находился при немъ до 1792 г., когда отправленъ былъ иностранной коллегіей при русскомъ посольствѣ въ Голландію, гдѣ обучался французскому языку и словесности. Въ 1796 году уволился отъ службы и отправился на свой счетъ въ Германію, гдѣ посѣщалъ университеты. Затѣмъ снова вернулся въ Петербургъ, и оттуда поѣхалъ въ Орловскую губернію, гдѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ занимался частными уроками. Потомъ переѣхалъ въ Петербургъ и, выдержавъ экзаменъ при педагогическомъ институтѣ, былъ назначенъ въ 1804 г. графомъ С. О. Потоцкимъ на учительскую должность въ Черниговскую гимназію (по философіи, изящнымъ наукамъ и политической экономіи). Въ 1812 г. избранъ былъ адъюнктомъ греческаго языка и словесности въ Харьковский университетъ 45 лѣтъ отъ роду. Георгій Георгіевичъ *Коритарі*—славянинъ родомъ изъ Карпона. Съ 1795 по 1798 годъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ у славныхъ профессоровъ: Гүфланда, Лодера, Старка и Батиса по медицинѣ, хирургіи, химіи и фармаціи. Послѣ этого, путешествуя для усовершенствованія себя въ наукахъ, посѣтилъ Лейпцигъ, Галле, Берлинъ, Брунсвигъ, Ганноверъ, Вюрцбургъ

и Бамбергъ, приче́мъ въ послѣднемъ занимался практикою въ госпиталѣ подъ руководствомъ Маркуса и Решлауба; потомъ направился въ Вѣну и, съ согласія славнаго профессора Франка, повторилъ студентамъ лекціи по тераціи. Въ 1801 году въ Пештѣ получилъ степень доктора медицины и магистра окулистики и занимался врачебною практикою. Тамъ онъ въ 1803 г. послѣ экзамена и трехдневнаго состизанія съ конкурентами долженъ былъ получить мѣсто штатнаго профессора окулистики, но этому помѣшала его религія. Состоялъ почетнымъ членомъ Іенскихъ обществъ испытателей природы и минералогическаго. Въ 1805 г. избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора „врачебнаго веществословія“ (т. е. фармакологіи), фармации Андрей Ивановичъ *Дудровичъ* 35 лѣтъ отъ роду. По окончаніи гимназіи въ Офенѣ (въ Венгріи) онъ поступилъ въ Пештскій университетъ, гдѣ изучалъ математику, физику, философію, всемірную исторію, естественную исторію, технологию, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику, естественное, общегражданское и народное право. Потомъ въ Кашавской академіи (въ Венгріи) изучалъ венгерское право и политическія науки. По окончаніи курса былъ присяжнымъ нотаріусомъ въ Пештѣ; затѣмъ перешелъ учителемъ естественной исторіи, технологии и коммерціи въ Черниговскую гимназію, а оттуда перевелся въ Харьковскую гимназію (въ 1811 году), гдѣ сверхъ того преподавалъ въ старшихъ классахъ еще латинскій языкъ. Въ 1814 г. послѣ экзамена избранъ былъ въ адъюнкты Харьковскаго университета (по философіи) и въ томъ же году получилъ на этико-политическомъ отдѣленіи своего факультета степень доктора философіи. Преподавалъ студентамъ логику и опытную психологію еще въ 1812 году. О Федорѣ Ивановичѣ *Филипповичѣ* и Григоріѣ *Терлацкѣ* свидѣвій не имѣемъ; но они впрочемъ и не были въ сущности фактическими преподавателями въ Харьковскомъ университетѣ: первый былъ избранъ адъюнктомъ по кафедрѣ правъ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, еще до открытія университета, тогда же отправился за границу и назадъ не вернулся; второй занималъ мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ, въ 1811 году былъ перемѣщенъ на кафедру естественнаго, государственнаго и народнаго права въ Харьковскій университетъ (въ качествѣ ординарнаго профессора), но здѣсь вскорѣ послѣ приѣзда скончался ¹⁾.

Таковы были профессора-иностранцы. Обратимся теперь къ профессорамъ туземнаго происхожденія. Всѣхъ ихъ было 13 человекъ.

¹⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности, стр. 12—13.

Самыя подробныя свѣдѣнія сохранились объ И. Ѳ. Тимковскомъ—онъ при жизни напечаталъ свои мемуары ¹⁾, которые представляютъ огромный интересъ не только для его личной біографіи, но и для характеристики русскаго воспитанія въ концѣ XVIII в. вообще. И. Ѳ. послѣдовательно и подробно рассказываетъ въ нихъ о своемъ домашнемъ обученіи, о пребываніи въ Переяславской духовной семинаріи, въ Кіевской духовной академіи и наконецъ Московскомъ университетѣ. „Я родился, говорилъ И. Ѳ. Тимковскій, въ Переяславлѣ (уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи). Отецъ мой служилъ въ Переяславскомъ полку полковымъ эсауломъ, въ родѣ начальника штаба; и какъ военные чины

¹⁾ Они напечатаны въ журналѣ „Москвитянинъ“ (1852, №№ 17, 18 и 20) подъ заглавіемъ „Мое опредѣленіе въ службу. Сказаніе въ трехъ частяхъ, 1850 года“. Важное значеніе ихъ повѣлъ и опредѣлилъ издатель журнала М. П. Погодинъ. „Этою въ высшей степени любопытною и драгоцѣнною статьею, писалъ онъ, редакція обязана старшему воспитаннику Московскаго университета, бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, ст. сов. И. Ѳ. Тимковскому“. Появились они въ свѣтъ такимъ образомъ. Извѣстный историкъ и этнографъ М. А. Максимовичъ былъ племянникомъ Тимковского; онъ же, какъ извѣстно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ. Этому послѣднему онъ сообщилъ рассказы своего дяди; а Погодинъ немедленно попросилъ Тимковского дать свои воспоминанія о Шуваловѣ. Тимковскій давно уже задумалъ описать свою жизнь для сына Василія—и теперь рѣшился выполнить этотъ трудъ по частямъ; на первый разъ онъ обработалъ ту часть своей біографіи, которая обнимаетъ время дѣтства, обученія и поступленія на службу. Впрочемъ авторъ сообщаетъ здѣсь свѣдѣнія не только о своей жизни, но и жизни своихъ современниковъ, что придаетъ его запискамъ общій интересъ. Мало того: и то, что онъ говоритъ лично о себѣ, въ высшей степени важно и поучительно—все это служить правильной характеристикой того XVIII в., который для людей XIX в. представлялся уже чѣмъ то отдаленнымъ, на которомъ лежала яркая печать переходной эпохи. И. Ѳ. Тимковскій изображаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ бытъ старой казачьей Малороссіи; его отецъ былъ типичнымъ представителемъ казачьей старшины. Весь складъ жизни въ его семьѣ, такъ же точно какъ и въ семьяхъ его родичей—сосѣднихъ пановъ былъ старинный, малороссійскій. Характерныя особенности этого быта наиболѣе замѣтно проявлялись въ системѣ воспитанія: тутъ передъ нами, какъ въ зеркалѣ, вся старая Малороссія, съ ея дьяками-учителями и монашенками-учительницами, съ „мандрованными“ (странствующими) семинаристами, съ ихъ своеобразными приѣмами обученія, съ ихъ виршами и т. п. Не менѣе характернымъ является въ изображеніи Тимковского и бытъ тогдашней Переяславской семинаріи и Кіевской духовной академіи. Въ нихъ постоянно училось въ XVII и XVIII вв. значительное количество лицъ, принадлежавшихъ къ свѣтскому обществу; желали получить тамъ только образованіе, но вовсе не стремились къ духовному званію. Къ такому составу учащихся приспособлялись до нѣкоторой степени самыя программы этихъ духовныхъ школъ. Кромѣ того, для нѣкоторыхъ онѣ служили только переходною ступенью къ высшимъ свѣтскимъ училищамъ (Московскому и заграничнымъ университетамъ). Тимковскій

отправляли вѣстѣ и гражданскія дѣла, онъ имѣлъ должность полковаго почтмейстера; послѣ переименованъ коллежскимъ ассесоромъ. Мы имѣли въ городѣ свой домъ съ большимъ садомъ, отъ моего прадѣда, но жили по должности (отца) за устьемъ Альты, на берегу Трубежа, въ домѣ бывшемъ кн. Трубецкаго, поступившемъ въ полковое вѣдомство. Въ 1777 году мы переселились въ Золотоношскую сотню въ свое имѣніе. Я возрасталъ въ селѣ Деньгахъ при рѣкѣ Крапивѣ, потомъ въ деревнѣ при рѣкѣ Згари, на горахъ съ дубовымъ лѣсомъ по яругамъ, на открытыхъ поляхъ, усѣянныхъ высокими курганами, откуда глазъ обнимаетъ по сторонамъ три села, хутора и стада; на югъ синѣются за

также изъ академіи перешелъ въ Московскій университетъ. Здѣсь, конечно, были уже совсѣмъ иныя условія ученія и быта. Впрочемъ и въ самой Малороссіи въ это время произошли уже существенныя измѣненія: пала гетманщина и Запорожье; казачья старшина превратилась въ чиновниковъ и офицеровъ, стремившихся во всемъ походить на русское дворянство. Не избѣжалъ этой перемѣны и отецъ Тимковского: онъ былъ прежде полковымъ эсауломъ, а теперь превратился въ засѣдателя уѣзднаго суда. „Я помню, говоритъ И. Ѳ., эту крѣпкую вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ“. А принявъ должность засѣдателя, онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею, пріѣхалъ въ сюртукѣ и камзолѣ, съ запущенной косою, мундиромъ, шляпой и плагой. „То таки бывало выйдетъ“, говорили между собой люди, „або на коня сядетъ, уже панъ, какъ панъ, а теперь абы что, нѣмецъ, не нѣмецъ, такъ себѣ подшипанный“. Самъ Тимковскій прекрасно понималъ интересъ пережитаго имъ историческаго момента. „Извѣстно тебѣ давно, писалъ онъ сыну, мое желаніе написать для васъ мою жизнь и современниковъ. Я чувствую, въ ней могутъ быть свѣдѣнія, не одному только моему семейству любопытныя. На ней лежитъ притомъ и великій переходъ изъ стараго вѣка....“ И затѣмъ далѣе: „главнымъ попеченіемъ моимъ было въ немъ совмѣстить факты прямые и прикосновенные.... Сожалѣю только, что не имѣю досуга выгладить сказаніе свое, особенно въ чертахъ психологическихъ, чего должно было бы ждать отъ меня. Впрочемъ, каково ни есть, теперь или послѣ, можетъ быть найдется не одна теплая душа, которая въ самой личности его замѣтитъ отраженіе *свята того вѣка, который такъ быстро становится древнимъ*“. Къ этому нужно прибавить, что воспоминанія И. Ѳ. Тимковского подкупаютъ насъ правдивостью и искренностью своего тона; пріятною особенностью ихъ нужно также признать отсутствіе того многословія (въ особенности въ выраженіи своихъ „чувствованій“), которое составляетъ характерную черту аналогичныхъ писаній начала XIX в.; они отличаются строго фактическимъ характеромъ, но факты выбраны и сгруппированы очень удачно, благодаря тому, что авторъ отличался умомъ, наблюдательностью, литературною опытностью. Мы выберемъ изъ воспоминаній И. Ѳ. Тимковского все то, что онъ говоритъ о своемъ воспитаніи и образованіи—домашнемъ и общественномъ, ибо эти свѣдѣнія характеризуютъ не только его одного, а и другихъ его русскихъ коллегъ, получавшихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и Московскомъ университетѣ.

20 версть того боку Дѣпровскіи горы; на западѣ блестятъ кресты Красногорскаго монастыря^а. 4 года Тимковскій занимался дома, въ семьѣ, и вотъ какъ рассказываетъ онъ объ этомъ времени. „Первому чтенію церковнославянскій грамоты заучили меня въ Деньгахъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ, изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидѣ. Отецъ его былъ турчинъ или бѣлгарь, вывезенный въ малолѣтствѣ дѣдомъ по взятіи Хотина въ 1739 году. Тотъ же Андрей носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя съ сурму изъ толстаго бодяка и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того что ученіе мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня вызывали длиннымъ ручникомъ къ столу^а. Въ той же деревнѣ жилъ съ семействомъ значковъ товарищъ Петрашевичъ, женатый на родной теткѣ И. Ѳ. Тимковскаго; у него было двое дѣтей подростковъ; у Ильи Ѳедоровича была старшая сестра. И вотъ всѣхъ четырехъ ихъ отдали по общему семейному совѣту, съ весны учиться за 10 версть въ Золотоношскій женскій монастырь. „У монахини Варсонофіи мы, говоритъ И. Ѳ., составили родъ пансіона. Она была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса, высокая, смуглая, суровая и только свыше наблюдала за нами. Съ нею жила другая монахиня Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, средняго росту, лѣтъ 28, цвѣтная блондинка, трудолюбивая и веселая, но которую тетка имѣла охоту бранить вседневно. Та ходила за нами и учила насъ. Въ дѣлѣ своемъ она была клирошанкою, гладко читала проповѣди; и что больше занимало насъ, она въ колокольнѣ на столпахъ такъ искусно подъ звоны выбивала неровными молоточками въ висящую на двухъ цѣпяхъ, концами книзу, бронзовую полукруглую доску, скоро, протяжно, сильно, тихо, то поводить, то дробить—что намъ казалось, она играетъ и поетъ. Мы всякій разъ туда сбѣгались, отъ пріятности смѣлись. Въ области ихъ было двѣ груши, десятокъ вишенъ и небольшой цвѣтникъ съ пахучими травами, а за ними къ стѣнкѣ деревянной ограды на тычкахъ тѣнисто коралевый цвѣтъ, крученныя паничи и сахарный горохъ. Тамъ, на глазахъ нашей Политы, за шитьемъ и пряжею, мы учились привольно. Родные часто насъ навѣщали, привозили лакомства. Разъ два или три и домой брали насъ на дни праздничныя. Вся отлучка наша изъ дому продолжалась до осени. Въ домѣ дяди Кириака появилась дальняя свойственница его изъ Кіева, монахиня Іорданскаго монастыря. Она предложила кстати прожить и заняться тутъ нами. Ей отвели большую комнату, на житье и ученіе и насъ четверыхъ отдали ей въ науку чтанья. Она была строга, но къ счастью нашему не всегда. Иногда послѣ обѣда,

лежа на своей постели, она рассказывала намъ повѣсти библейскія; или, поставя насъ рядомъ, велѣла пѣть съ нею духовные распѣвы, поводи рукою въ такты, пока на томъ засыпала; и мы успѣвали обѣгать предлинный вдоль рѣки садъ, откуда дядя Кириакъ, услышавъ шумъ и трескъ, выгонялъ насъ. Анеиса усталила обычай ходить съ нами въ церковь по субботамъ, гдѣ сестра Софья передъ обѣдной читала паракласть, а мы били поклоны и пѣли „аллилуія!“ Весною отъ вербной недѣли оставались при ней одни сестры еще нѣскольکو, учили молитвенникъ съ канонами и умудрялись въ шитьѣ. Дядя отдалъ Елисея учиться версты за три въ Крапивну, въ домъ знакомыхъ. Отецъ мой былъ разборчивѣе. Выставивъ пчелъ, того же дня онъ призвалъ дьяка, осанистаго пана Василя, съ длинною косою и меня отвели къ нему въ школу на часословъ. Сначала водили меня туда и приходили за мною; потомъ и самому мнѣ отдали короткую дорогу. Въ строеніи близъ перкви двѣ избы съ большими окнами, черезъ большія сѣни, были одна съ перегородкою жилая дьяку семейному, другая порожняя, свѣтлая, собственно, школа, о трехъ длинныхъ столахъ. Столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Школьники потому были мальчики, подростки и взрослые. Писали на ально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ простроченными линейками, а приложенные писали уже чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолайный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 голосовъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ надавалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію, въ мѣрѣ таксы, за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ, кто когда выпсѣтъ, было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ со своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разѣдали школьники и разбивали горшокъ палками на пустырь издалика въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьяка. Школьники въ церковномъ обиходѣ составляли хоръ пѣвцовъ, которымъ дьякъ гордился. Они же помогали ему звонить. Лѣтомъ они отпускались то кунаться у мельницъ въ рѣкѣ Крапивнѣ и половить рыбы, то изъ лѣсу по горѣ за рѣкою приносить ему орѣхи, калину и груши. Къ праздникамъ отдавалъ имъ поздравительныя бирши. Школа была всегда многолюдна, потому что ученіе вело по ступенямъ службы. Тамъ я училъ часословъ“. Послѣ науки у дьяка

И. Ѳ. перешелъ къ „мандрованнымъ“ семинаристамъ. „Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя киреи. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ этиціи. Такіе ходаки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ этикетамъ случилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались далѣе на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадей и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы,—что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши, одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ, другой бѣлокурый, коренастый, съ косою, поднесли отцу на росписанномъ листѣ орацію. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки, задалъ имъ прочитатъ изъ книги и проиѣтъ—„Блаженъ мужъ“; перваго принялъ моимъ наставникомъ, второго надѣлилъ чѣмъ-то. Приговорили двора за два, супротивъ церкви, у семейнаго казака о двухъ хатахъ большую чистую и свѣтлую подъ квартиру учителя и ученія (избу). Туда прибавились братъ Елисей и сынъ Климовича изъ Крапивны, принятый взаимно у дяди Кириака. Мы сходились туда утромъ и послѣ обѣда. Учитель на обѣдъ и вечерю, что было близко, къ намъ приходилъ. Панъ Никита или, какъ отецъ мой звалъ его, панъ философъ и просто Никій, былъ лѣтъ 28; ходилъ въ синемъ короткомъ жупанѣ съ краснымъ каламенковымъ поясомъ, съ подстриженными кудрями и нависшими черными усами, училъ насъ, каждаго порознь, часослову и псалтыри, чтенію гражданскому, латинской грамотѣ и письму на бумагѣ. Для письма учитель давалъ намъ прописи своей руки и строчилъ листы отрискомъ линейекъ по заготовленной картонной бумагѣ, прошитой тонкими струнами. Въ церкви онъ занималъ съ нами лѣвый клиросъ и бралъ иногда на себя часть пѣнія. Къ праздникамъ для своихъ поздравленій готовилъ росписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣлъ запасъ разныхъ узоровъ, разной величины, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры, на подложенную бумагу толченнымъ мягкаго дерева углемъ, сквозь жидкое полотно и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкой. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія ораціи. Въ пріемахъ и поступкахъ онъ имѣлъ нѣчто даровитое. Отецъ мой любилъ чтеніе и помнилъ свою латынь. Въ малыхъ отъѣздахъ онъ часто бралъ меня съ собою и дорогою имѣлъ досуги рассказывать мнѣ что-либо на мои распросы или натверживать латинскія слова. Утѣшался, когда я, указывая на предметы, называлъ ихъ по латыни или связывалъ такихъ

два, три слова въ начальномъ ихъ видѣ; потому и мое ученіе у Никія не было для меня дико. Первые книги, съ какими новая словесность появилась у насъ, какія стали и видѣть у отца, были Курганова письмовникъ и Флоринова экономія съ картинами, привезенныя изъ Петербурга дядею Иваномъ. Также исторія о разореніи Трои и анекдоты подъ именемъ Смѣющійся Демокритъ, вывезенныя дядею по матери Платономъ изъ Глухова, по его службѣ въ коллегіи. Прибавились, не знаю какъ, Ролленова исторія, Золотые часы Марка Аврелія и Эпиктетовъ Энхиридионъ. Изъ нихъ я учился читать, а послѣ много мѣстами читалъ отцу и матери. Но Письмовникъ имѣлъ у насъ и другую роль. Отецъ мой любилъ пѣніе. Сколько разъ слышалъ я, какъ онъ, увидѣвъ новый мѣсяцъ, пѣлъ вдохновенно: „небеснаго круга верховотворче!“ Сколько разъ въ дорогѣ или выходи съ нами, дѣтьми, въ поле, съ умиленіемъ повторялъ онъ себѣ въ видѣ ари: „житейское море воздвигаемо“. И потому я часто внималъ, какъ философъ Никита, по призыву отца, стоя твердо у дверей, голосомъ перваго баса, свободно и весело распѣвалъ пѣсни Курганова Письмовника, „ore rotundo“. Философъ Никій пробылъ у Тимковскихъ 10 мѣсяцевъ. Вскорѣ родители Тимковского переѣхали въ с. Згарское, находившееся въ 8 в. отъ прежняго ихъ села Денѣгъ и въ 7 в. отъ уѣзднаго города Золотоноши. Илья Федоровичъ нѣкоторое время обучался чтенію, письму и латинской азбукѣ у своего дядюшки, проживавшаго лѣтомъ въ шалашѣ у насѣки, а потомъ сталъ учиться въ Золотоношѣ, въ семьѣ нѣкоего Кононовича, съ дѣтьми котораго занимался молодой семинаристъ. „Въ ученіе наше, говоритъ Илья Федоровичъ, достали намъ изъ Базилянскаго монастыря за Днѣпромъ въ Каневѣ новые латинскіе буквари съ польскимъ (переводомъ). Мы уже учили въ немъ Pater noster наизусть, читали credo и далѣе; могли даже сами себѣ разобрать на послѣдней страницѣ буквара стихишки:

„Розга, духъ свіентый, косци не пшеломіе,

А розумъ бардзо въ голову выгоніе“.

Мы посмѣялись своей находкѣ; а далѣе произошли у насъ толки. Одинъ говоритъ: какіе то люди, что у нихъ умъ не въ головѣ? Другой: видно есть такіе за Днѣпромъ, а у меня умъ въ головѣ, и не боюсь. Третій: такъ мнѣ лучше и ума того ненадобно. Учитель пришелъ и шумъ нашъ утихъ“. Вскорѣ Илья Федоровичъ былъ отданъ къ своему дядѣ Кириаку, чтобы воспитываться въ его домѣ съ его сыномъ. Учителемъ былъ приглашенъ риторъ семинаріи, прибывшій домой на каникулы, сынъ священника Павелъ Шпаковский. Зрѣлыхъ лѣтъ, онъ готовился только перейти въ философію, чтобы заступитъ мѣсто престарѣ-

лаго отца. Ему поручено „какъ говорилось, заправить насъ для ученія классическаго. Занятія наши стали сложнѣе. Утромъ мы всякій день читали ему изъ Псалтыри по каѳизмѣ, каждый свою вѣдь. Потомъ день было чтеніе и письмо русское, а день латинское. Онъ былъ лѣтъ 30, ходилъ въ длинномъ кафтанѣ съ широкимъ полосатымъ поясомъ и русую длинную косу всегда носилъ закинутую на лѣвомъ плечѣ.... Впрочемъ успѣхи наши подвигались и мы къ декабрю начали морочить въ латинской грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго. Къ празднику Рождества Шпаковский написалъ мнѣ и Елисею поздравительные стихи. Въ моихъ онъ намѣшалъ мифологіи, какъ Плутонъ похищалъ людей, похитилъ Діану, теперь низверженъ въ адъ, ярится Плутонъ. Вытвердивъ хорошо свои стихи, при поздравленіи дяди Платона, я вдругъ заключилъ, что имя въ стихахъ поставлено неправильно и сказать будетъ неприлично; потому громко произнесъ оба раза вмѣсто Плутона—Платонъ. Тетка, молодая жена его, собой красивица изумилась. Дядя догадался и только спросилъ меня весело: точно ли такъ написано? Я объяснилъ ему свою вѣжливость. Онъ велѣлъ мнѣ дать лишнюю горсть орѣховъ“. Между тѣмъ Шпаковскому нужно было вернуться въ Переяславъ — съ нимъ отправлены были и его ученики; Тимковскаго вскорѣ опредѣлили въ тамошнюю семинарію. Ректоромъ семинаріи былъ тогда Варлаамъ Шишацкій, — мужъ большой учености и высокихъ дарованій, имѣвшій обширную бібліотеку; философію преподавалъ іеромонахъ Платонъ, богословіе протоіерей Гречка, родомъ грекъ, ученѣйшій латинистъ. Илья Ѳедоровичъ посѣщалъ семинарію, а жилъ въ домѣ отца. „Ректоръ Варлаамъ, говоритъ Тимковскій, опредѣлилъ ко мнѣ домашнимъ наставникомъ философа Ивана Яновскаго, лѣтъ 28, родомъ изъ Голтвы. Умный Яновскій далъ мнѣ порядокъ времени и велъ меня всегда впереди класса. Начнуть ли читать, заговорить учитель—мнѣ понятно, я знаю. Давались на домъ письменныя упражненія въ переводахъ на латинскій, краткія *exercicium*, большія *occupatio*, а за праздничные дни Рождества и Воскресенія требовалась чистая переписка всѣхъ; чего они мнѣ не стоили, у меня все было сдѣлано, писано. Чтеніе, уроки и отвѣты произносились очень громко, почти крикливо и силлабически.... Въ классѣ перваго года моего давались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ—*laudes*; изъ нихъ за вины положена такса учетовъ; кто не имѣлъ числа, тѣ несли свои наказанія. Въ зимніе мѣсяцы я выслужилъ 500 похвалъ; весною много было промотано. Не мало ихъ пошло на большое колодезное колесо; только ступаешь въ немъ, оно подъ ногами вертится. Больше того унесли мячи; эту игру я очень любилъ. Оставалось похвалъ моихъ близъ половины. Яновскій нашелъ пріятный способъ удер-

жать и поднять меня въ нихъ. По вѣкъ мой съ благодарностью сохраняю память объ немъ. На другой годъ мнѣ все стало легче“. И. О. Тимковскій подробно останавливается на своей семинарской жизни, Мы же отмѣтимъ только его рассказъ о маевкѣ. „Префектъ отбиралъ утромъ изъ меньшихъ классовъ до полусотни малолѣтковъ, съ старѣйшими для порядка, приводилъ ихъ къ архіерею въ залу и уставлялъ стройно. За докладомъ при выходѣ владыки съ важностью, всѣ разомъ, восклицали, какъ наставлены: „recreationem, Pater, rogamus“. Онъ пройдетъ и ласково пришеутить отказомъ. Просьба повторяется. Онъ даетъ благословеніе. Тогда всѣ, со своими запасами и играми выходятъ за городъ на гулянье по берегу Альты. Тамъ составлялись свои общества по классамъ. Больше всего было дѣла мячамъ и кеглямъ въ городкахъ, также борьбѣ и бѣганью. Они имѣли своихъ героевъ, которымъ прочіе дивились, какъ на Олимпійскихъ играхъ, а въ пріютѣ поодаль, какъ всѣмъ намъ быть на глазахъ, своимъ весельемъ пируютъ учителя. Тѣмъ открывается начало лѣтнихъ забавъ“. Изъ Перелаславской семинаріи Тимковскій перешелъ въ Кіевскую духовную академію, въ которой провелъ 5 лѣтъ. „Академія Кіевская на Подолѣ въ Братскомъ монастырѣ, двухъэтажное массивное зданіе съ широкими колонадами, въ верхнемъ этажѣ съ заломъ и церковью конгрегаціи. Попеченіемъ митрополита Самуила, кромѣ рядовыхъ семи латинскихъ классовъ, греческаго и еврейскаго языковъ, она обогатилась новыми общими для среднихъ и высшихъ классовъ предметами: 1) російской піитикѣ и риторикѣ Ломоносова училъ выписанный изъ Троицкой семинаріи богословъ, Снѣгиревъ, кажется, Дмитрій; женихъ былъ протоіереемъ церкви Царя Константина; 2) французскому языку—начальво кіевскій гражданинъ Ланкевичъ, съ рѣзною латинскою надписью на воротахъ дома; ходилъ въ богатой черкескѣ, съ высокою тростью, и въ праздники съ дорогою саблею; училъ gratis, за что портретъ его поставленъ былъ при входѣ въ академическую конгрегацію; а послѣ него содержатель пансіона и преподаватель частныхъ уроковъ, французъ Брульонъ, который гордился искусствомъ топографа и устроилъ магистрату солнечные часы на ротовдѣ фонтана; 3) нѣмецкому языку—іеромонахъ изъ Галиціи, потомъ прусской службы офицеръ—именъ ихъ не помню; 4) географіи и исторіи твердорѣчивый булгаръ Анатолій, первый—по Бишингу, второй—по Фрейеру; 5) вмѣсто бывшей прежде ариометики училъ всей чистой математикѣ, по курсу Аничкова, съ раздѣленіемъ на два класса, также практической геодезіи и фортификаціи, мужъ достопамятный, родомъ изъ подѣ Нѣжина, Иванъ Фальковский, вѣроятно, Хвальковский (по произношенію ха какъ хв), при мнѣ сталъ въ монашествѣ Иринеи. По изученіи въ Кіевской академіи, зашедши

охотою своею, онъ учился въ Лембергѣ и Пестѣ, а возвратясь поступилъ учителемъ въ академію; имѣлъ тихій нравъ и пріятный даръ слова. Это были мои учителя, кромѣ классныхъ—въ латинской шитикѣ и риторикѣ Аѳанасія Корчакова и въ философіи Амвросія Келембета. Я много всѣмъ обязанъ; особенно же Анатолій въ своихъ многовидныхъ описаніяхъ далъ мнѣ прелесть географіи, Иринея любилъ мою привязанность къ математикѣ. Прибавилось къ тому новое лицо, учитель по классамъ годомъ ниже моего курса іеромонахъ Викторъ Прокоповичъ Антонскій родомъ изъ села Погребковъ изъ за Нѣжина. Онъ былъ отлично замѣтенъ и уважаемъ; ученія сильнаго, остроуменъ и сладкорѣчивъ. У него было въ Москвѣ три брата, изъ коихъ два окончили университетъ и состояли на службѣ, а третій былъ еще въ университетѣ. Отъ нихъ получалъ онъ издаваемые новости и завелъ у себя маленькое собраніе въ воскресные дни по утрамъ для чтенія, выборомъ четырехъ подростковъ, куда принять и я на послѣдніе три года. Рано мы сходились къ нему въ братскую обитель, пили чай и поочередно читали, то лучшія статьи періодическихъ изданій листами при Московскихъ Вѣдомостяхъ, то переводы Фенелонава Телемака, Мармонтелевыхъ инковъ и другое, гдѣ онъ вмѣшивалъ свои замѣчанія. На первый звонъ къ поздней обѣднѣ, онъ велъ насъ съ большими ключами въ академическую бібліотеку своего вѣдомства. Тамъ оставались мы до конца обѣдни. Бібліотека въ огромности своей, накопленной отъ временъ основателей многими взносами, помѣщалась прежде на монастырской трапезѣ, и отъ трапезы важнѣйшею частію погорѣла. Остатокъ ея, что спасено, разложенъ былъ по родамъ въ большой церкви монастыря на широкихъ отъ стѣнъ до столповъ хорахъ. Тамъ мы имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать, что могли, и что позволено. Русскія книги скоро перебраны. Фоліанты *Patres* были не по мнѣ. Меня занимали въ сборѣ древніе классики разныхъ изданій, *physica mirabilis*, *philosophus in utramque partem*, сокровище для диспутацій, Эразмова *Encomium Moriae*, Похвала глупости и т. п. Объ иныхъ сказано, что на нихъ послѣ будетъ время. Другія досега были не понятны. Любопытство мое особенно возбуждала физикоматематическая часть. Я зналъ простую алгебру, геометрію, синусы и такгенсы, но тамъ, начиная отъ *Memoires de l'Akademie* до Мушенброка въ линіяхъ, фигурахъ и вычисленіяхъ все было только дивно. Библіографія наша сама по себѣ была весьма тѣсная. Нужныя книги, словари и готовальни выписывались для насъ академіей по вызову, для чего былъ при ней изъ Москвы коммиссіонеръ, который жилъ въ монастырѣ и принадлежалъ къ обществу учителей. Въ городскихъ же лавкахъ имѣлъ свою не малую (торговлю) торгошъ нашимъ прозви-

щемъ Гарбузъ, который скупаль—продавалъ битыя, старыя и старинныя книги. О достоинствѣ послѣднихъ освѣдомлялся отъ учителей, которые и сами у него покупали. Но праздниками для насъ были прїѣзды итальянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною на мѣсяцъ, съ большою лавкою латинскихъ и французскихъ книгъ, и эстамповъ и учебного снадобья. При томъ какъ рисованье было почти общимъ у всѣхъ, начиная правилами, школами и восходя до фигуръ и ландшафтовъ штрихомъ, тушью и красками, то намъ прїятно было въ той же лавкѣ получить себѣ образцы и матеріалы, а при выборѣ и другихъ новостей наглядѣться... Между тѣмъ изъ академіи каждый годъ одинъ, два, три, кончившіе курсы, выходили въ Московскій университетъ. Они списывались съ товарищами, и носилась о нихъ завидная молва. Давнѣйшіе, посѣщая родину, являлись въ Кіевъ и мы видѣли славу ихъ. Библиотека собою, о чемъ сказалъ я, подстрекала мое ревнованіе, въ которомъ все, однако, не терялась линія инженера... Вступленіе мое въ университетъ такъ произошло, что мнѣ прїятно было бы изобразить здѣсь эту часть жизни; но эта часть вся классическая и подробности ея неумѣстны. Изъ всего сказать надобно, какое мѣсто занимаетъ въ ней старѣйшій профессоръ ст. сов. А. А. Барсовъ. Онъ грозенъ и суровъ былъ для меня въ прїемѣ, когда я послѣ *curriculum vitae* въ данной темѣ изъяснилъ предпочтеніе латинскаго языка греческому. Но я скоро на его курсѣ угодилъ ему въ разборѣ и чтеніи рѣчей Цицерона, въ Горацианскихъ метрахъ, въ тирадѣ изъ Киропедіи Ксенофонта и въ критикѣ варіантовъ, такъ что онъ изъ проходимыхъ авторовъ на Плавтѣ посадилъ меня близъ себя... Кончивъ первый курсъ, я предался правамъ и политикѣ, удержалъ только прикладную математику, по любви моей; знаніе побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно... Вначалѣ я твердилъ народное право Ваттеля, народное положительное Мартенса, европейское публичное Мабли съ трактатами и тѣшился мечтою, въ какой лучше быть мнѣ миссіи. Потомъ я налегъ болѣе на юридическій объемъ отъ практики до антропологіи, особенно на римское право, *corpus juris civilis* и въ немъ пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, изъ нашихъ законовъ, сравнительное право, и дѣйствительно эту мысль я обработалъ послѣ въ опытѣ систематическаго свода законовъ, за который въ августѣ 1802 г. пожалованъ царскою наградою. Въ послѣдніе годы курсовъ я обращалъ свободныя дни и часы на особыя занятія дома, вмѣщая въ нихъ долю на переводы книгъ, иногда на журнальныя статьи въ прозѣ и подъ часъ охоты стихами; получалъ доходы, не далеко вдаваясь въ нихъ. Скопилъ библиотеку, имѣлъ въ обществѣ почетныя и прїятныя знакомства, не раз-

влекаясь на многіе дома. На досугахъ любилъ бесѣдовать у избранныхъ профессоровъ, каковы для меня были — начальнo латинской элоквенціи упомянутый А. А. Барсовъ; позднѣе потомъ прикладной математики Мих. Ив. Пянкевичъ; римскихъ правъ и древностей Ѳеодоръ Фр. Баузе, общихъ правъ и политики М. Б. Шаденъ. Первый вселъ меня въ филологію и критику. Онъ уважалъ формы малороссійскаго языка, завидовалъ употребленію въ немъ „бо“ и многихъ законизмовъ. Второй былъ у меня упорный философъ пространства. Третій, съ охотою антикварія, обратилъ мое вниманіе въ обширности на *ingenium practicum et applicativum*. У четвертаго рѣшены многіе публичные вопросы и система долговѣчности. У обоихъ послѣднихъ я получилъ навѣкъ латинской и нѣмецкой рѣчи. Наконецъ, я изготавлялся отправиться въ Петербургъ искать мѣста, для чего имѣлъ посредниковъ¹⁾. Въ университетѣ Илья Ѳеодоровичъ былъ прекраснымъ студентомъ и получилъ за сочиненія 3 серебряныхъ и золотую медаль. По окончаніи университета, поступилъ на службу въ 1797 г. къ генераль-прокурору кн. Ал. Бор. Куракину и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ сенатскій юнкерскій институтъ, гдѣ читалъ руссійское правовѣдѣніе. Въ 1801 г. былъ сдѣланъ секретаремъ сената. За составленіе книги „Систематическое расположеніе законовъ руссійскихъ“ получилъ отъ государя брилліантовый перстень, а книга отправлена въ комиссію законовъ. Предсѣдатель этой комиссіи гр. П. В. Завадовскій (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) предлагалъ ему перейти къ нему на службу, но онъ отказался. Въ 1803 г. былъ назначенъ профессоромъ руссійскаго законовѣдѣнія въ Харьковскій университетъ¹⁾, много сдѣлалъ, какъ мы видѣли, для основанія его и оказалъ огромныя услуги дѣлу средняго и низшаго народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

Изъ приведенныхъ автобіографическихъ подробностей видно, что И. Ѳ. Тимковскій представлялъ изъ себя не заурядную, а выдающуюся въ смыслѣ образованія личность. И эту широкую научную подготовку онъ получилъ исключительно въ Россіи, въ семьѣ и въ русскихъ школахъ того времени. Здѣсь уместно вспомнить, что малороссійская старшина XVIII вѣка и даже козачество и простой народъ имѣли сильное стремленіе къ образованію. И отецъ Илья Ѳеодоровича былъ довольно образованный человѣкъ—зналъ между прочимъ, какъ мы видѣли, латинскій языкъ. О любви къ грамотѣ ясно свидѣтельствуетъ огромное количество школъ въ гетманской Малороссіи, въ которыхъ наряду съ сыновьями козаковъ и посполитыхъ, учились и дѣти привилегированныхъ сословій—старшинъ и духовенства. Илья Ѳеодоровичъ самъ учился въ

¹⁾ См. его послужной списокъ.

такой школѣ, а преподавателемъ въ ней былъ дякъ Василій. Конечно, программы и приемы обученія, практиковавшіеся въ такихъ школахъ, кажутся намъ теперь совершенно неудовлетворительными: мы далеко ушли въ своихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ народной школѣ; огромные успѣхи сдѣлала и педагогія, т. е. приемы обученія; наконецъ—что самое главное—и самъ народъ требуетъ нынѣ отъ школы несравненно большаго круга свѣдѣній, чѣмъ прежде,—и потому поворотъ къ старинѣ, въ смыслѣ уменьшенія этихъ требованій, былъ бы шагомъ назадъ въ дѣлѣ народнаго образованія, шагомъ крайне нежелательнымъ и даже вреднымъ. Но нельзя одѣлывать этихъ старыхъ школъ съ современной точки зрѣнія—къ нимъ нужно примѣнять мѣрку старины. И тогда мы должны будемъ отдать должное и имъ: для своего времени онѣ были полезны и сослужили великую службу дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ. Симпатичными особенностями ихъ нужно признать—огромную распространенность, всесловность и самостоятельность возникновенія. Будучи церковными по своему основному характеру и приуроченію къ приходамъ, эти школы въ то же время съ полнымъ правомъ могутъ быть названы народными, потому что вездѣ возникали исключительно по живой инициативѣ населенія, содержались опять-таки только на счетъ народа и вполне удовлетворяли его *тогдашнимъ* требованіямъ. Характерно, что и у И. О. Тимковского осталось въ сущности хорошее воспоминаніе о времени, проведенномъ въ сельской дячковской школѣ, равно какъ и вообще о домашнемъ обученіи его, хотя оно тянулось очень долго и И. О. долженъ былъ постоянно переходить отъ одного наставника къ другому; даже къ наставницамъ монахинямъ у него остались добрыя чувства. О Переяславской семинаріи онъ также вспоминаетъ съ удовольствіемъ: тамъ, оказывается, было не мало дѣльныхъ учителей; слава о протоіерей Гречкѣ гремѣла тогда, напримѣръ, по всей Малороссіи. Еще болѣе дала И. О. Тимковскому Кіевская духовная академія. Въ ея программу, какъ мы видѣли, входило много чисто свѣтскихъ наукъ—математика, новые языки (французскій и нѣмецкій) кромѣ древнихъ, исторія, географія и т. п. Математику читалъ знаменитый Привей Фальковский, который, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, слушалъ лекціи во Львовской и Пештской академіяхъ. И. О. Тимковский получилъ въ академіи превосходную подготовку по языкамъ—особенно латинскому и нѣмецкому, которыми владѣлъ очень свободно. Но самое главное, что въ академіи онъ почувствовалъ влеченіе, страсть къ серьезному научному чтенію и могъ, какъ мы видѣли, насыщать ее благодаря преподавателю Прокоповичу Антонскому, который устроилъ у себя литературныя чтенія и открылъ передъ нимъ всѣ сокровища академиче-

ской библиотеки. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, послѣ своей академической подготовки, И. О. Тимковскій въ университетѣ явился выдающимся студентомъ, сразу обратившимъ на себя вниманіе профессоровъ, серьезно и добросовѣстно проработавшимъ цѣлый рядъ наукъ, зарекомендовавшимъ себя еще на студенческой скамѣ многими сочиненіями, литературными работами и переводами. Мы видѣли, что тутъ уже онъ задумалъ свой будущій серьезный трудъ „Опытъ систематическаго свода законовъ“, доставившій ему славу знатока русскаго законовѣдѣнія. Изъ всего сказаннаго ясно видно, что въ лицѣ И. О. Тимковскаго, хотя онъ и не имѣлъ высшей ученой степени, Харьковскій университетъ приобрѣлъ прекраснаго опытнаго преподавателя, съ очень солидной общей и спеціальной подготовкой, склоннаго къ научно-литературной дѣятельности и безкорыстно преданнаго наукѣ и просвѣщенію. Иванъ Степановичъ *Рижскій*—изъ духовнаго званія, уроженецъ г. Риги (отчего и получилъ свою фамилію). Воспитывался сначала въ Псковской, а потомъ въ Троицколаврской семинаріи, въ которой и занялъ мѣсто наставника и преподавалъ тамъ риторику, поэзію, исторію, римскія древности и философію. Съ 1786 по 1799 годъ былъ учителемъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и читалъ латинскій языкъ въ высшихъ классахъ, а также исторію, географію, риторику, логику; сверхъ того руководилъ переводами съ французскаго языка на русскій книгъ по горному дѣлу и исправлялъ должность помощника и инспектора корпуса. Съ 1799 по 1801 годъ былъ секретаремъ Святѣйшаго Синода, а съ 1801 по 1803 годъ—членомъ государственной бергъ-коллегіи, преподавая въ то же время русскій словесность и логику въ горномъ корпусѣ.

Еще будучи преподавателемъ Троицкой семинаріи, онъ напечаталъ два сочиненія—о богослуженіи и гражданскихъ постановленіяхъ древнихъ римлянъ. Въ бытность учителемъ горнаго корпуса онъ составилъ и издалъ два руководства, которые были призваны классическими и по которымъ училось въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣсколько поколѣній—Логикѣ (въ 1790 г.) и Риторикѣ (въ 1796 г.); кромѣ того перевелъ съ французскаго сочиненіе академика Палласа „Физическое и топографическое описаніе Тавриды“ и редактировалъ переводъ книги Кронштедта „Опытъ рудословной системы“. Въ 1802 г. за свои учено-литературные труды онъ удостоился высокой чести избранія въ члены руссійской академіи. Рижскій оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ академіи, участвуя въ важнѣйшихъ ея трудахъ... „Въ засѣданіяхъ академіи, отъ перваго ея посѣщенія Рижскимъ до отъѣзда въ Харьковъ, читаны были матеріалы для новосочиняемаго словаря на букву б, отъ слова „безумить“ до слова „брызги“.... Немедленно по

вступленіи въ академію Рижскій принялъ на себя трудъ перевести 12 отборныхъ рѣчей Цицерона¹⁾; ему же было поручено отъ академіи составленіе логики, которая впоследствии получила полное одобреніе. Въ 1803 году Рижскій былъ назначенъ профессоромъ російской словесности и краснорѣчія въ Харьковскій университетъ; ему тогда было 40 лѣтъ отъ роду.

Тимофей Ѳеодоровичъ *Осиповскій*—также изъ духовнаго званія. Вотъ его собственная автобіографическая записка, сохранившаяся въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приводимъ ее дѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій. Она написана въ формѣ прошенія въ совѣтъ Харьковского университета о дарованіи ему званія заслуженнаго профессора. Замѣтимъ кстати, что формуляръ Осиповскаго, сохранившійся въ дѣлахъ Харьковского университета, чрезмѣрно кратокъ, и это, очевидно, вызвало необходимость составленія болѣе подробной автобіографіи.

„Блаженной памяти Государыня Екатерина вторая, положивъ въ 1782 году основать въ Россіи университеты и народныя училища, повелѣла учрежденной ею для исполненія сего комиссіи истребовать въ 1783 году изъ всѣхъ духовныхъ академій и семинарій студентовъ изъ философскаго и богословскаго классовъ лучшихъ способностей, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ въ учреждавшейся тогда въ С.-Петербургѣ учительской гимназіи. Вслѣдствіе сего повелѣнія истребовано тогда изъ академій и семинарій до 150 человекъ; въ томъ числѣ и Владимірская семинарія отпавила меня, какъ лучшаго изъ своихъ студентовъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1783 года открылся въ оной учительской гимназіи, переименованной потомъ въ педагогическій институтъ, курсъ ученія и продолжался до августа мѣсяца 1786 года непрерывно, безъ всякихъ вакацій. Въ семъ курсѣ я занимался наиболѣе физикоматематическими науками; и какъ былъ отличнѣйшій изъ студентовъ по сей части, то съ половины курса былъ сдѣланъ репетиторомъ для прочихъ моихъ товарищей. При окончаніи курса Государыня повелѣла, чтобы въ томъ 1786 году 22 сентября, въ день Ея коронаціи, открыты были въ 25 губернскихъ городахъ главные народныя училища. Мнѣ предоставлено было избрать для себя С.-Петербургъ или Москву. Я бывши тогда нездоровъ, по совѣту пользовавшаго меня тогда доктора Фреза, избралъ себѣ Москву, какъ мѣсто ближайшее къ моей родинѣ. Въ Москвѣ я былъ при главномъ народномъ училищѣ учителемъ физикоматематическихъ наукъ и російской словесности по 1800 годъ, и всегда рекомендованъ былъ отъ начальства моего (главнымъ начальни-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, т. 1, стр. 78—79; о Рижскомъ см. еще М. Евгенія „Словарь свѣтскихъ писателей“, II, стр. 145—146.

комъ моимъ тамъ долгое время былъ московскій губернаторъ, нынѣ свѣтлѣйшій князь, Петръ Васильевичъ Лоцухинъ) какъ отличнѣйшій изъ учителей. Посему и комиссія о народныхъ училищахъ была обо мнѣ хорошаго мнѣнія, и издаваемые ею математическія сочиненія присылала ко мнѣ на цензуру. Въ публикѣ Московской я также имѣлъ репутацію; чему доказательствомъ можетъ служить, что около 1797 г. приглашали меня, почти въ одно время, въ профессора математики какъ со стороны Московскаго университета, такъ и со стороны медико-хирургическаго училища; но какъ хотѣли, чтобы я самъ просилъ комиссію объ увольненіи меня, а я держался правила никогда о себѣ не просить, а предоставлялъ самимъ просить меня у моего начальства, то по симъ приглашеніямъ ничего и не состоялось. Въ концѣ 1799 года предложено мнѣ отъ комиссіи о народныхъ училищахъ вступить въ отправленіе должности профессора физикоматематическихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, въ коемъ тогда начинался новый курсъ ученія. Я сіе предложеніе принялъ, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 года вступилъ въ должность. Мнѣ назначено было обучать по 12 часовъ въ недѣлю. Книгъ, по чему читать, не было; и я принужденъ былъ для сего дополнять и исправлять приготовленные мною по сему предмету сочиненія для руководства учениковъ Московскаго главнаго народнаго училища, а чего не было приготовлено, то писать вновь. Изъ сихъ сочиненій два тома тогда же комиссіею и были отпечатаны. Какъ репетиторъ назначенный для моихъ лекцій не могъ изъяснять ихъ студентамъ, то на меня же возложена была и репетиція по 6 часовъ въ недѣлю. Потомъ возложено на меня приведеніе въ порядокъ институтской, впрочемъ не весьма большой, библіотеки, и порученъ надзоръ за нею. Потомъ возложена на меня исправка переводовъ студенческихъ, коимъ дано было, подъ руководствомъ директора института Коха, переводить Аякителеву исторію, и изданіе оной: три тома я выправилъ и два издалъ, а третій издалъ уже послѣ меня правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ г. Мартыновъ. Всѣ сіи возложенныя на меня обязанности столько меня занимали, что я не имѣлъ почти времени вытѣти куда и изъ дому; но за всѣмъ тѣмъ удѣлялъ я однакожъ нѣсколько времени, чтобы быть въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Высочайше учрежденнаго комитета для составленія морскаго курса наукъ, въ который я принятъ былъ членомъ, и заниматься по оному дома. Во время служенія моего при педагогическомъ институтѣ предлагаемо было мнѣ со стороны Академіи наукъ поступить въ оную адъюнктомъ математики, но я отъ принятія сего предложенія отказался. Въ концѣ 1802 года предложено мнѣ отъ имени бывшаго

попечителя сего университета графа Потоцкаго г-мъ Каразинымъ мѣсто профессора математики при учредитьсѣ имѣющемъ въ Харьковскомъ университетѣ. По чрезвычайному обремененію дѣлами, отъ коего я даже сдѣлался боленъ, подумавъ нѣсколько недѣль, рѣшился я принять сіе предложеніе; но съ тѣмъ, чтобы мнѣ не проситься самому у начальства, а чтобы попечитель самъ просилъ меня у начальства. Я не зналъ, что по сему происходитъ, какъ уже мнѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1803 г. объявили, что по представленію г. министра просвѣщенія графа Заводовскаго я утвержденъ отъ Государи Императора профессоромъ математики въ Харьковскій университетъ. Получивъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ бумагу отъ г. попечителя, что я утвержденъ профессоромъ въ Харьковѣ, и аттестатъ отъ главнаго правленія училищъ о службѣ, въ началѣ мая отправился въ путь, и въ началѣ іюня прибылъ въ Харьковъ. Весь остатокъ сего 1803 года и четыре мѣсяца 1804 года я былъ въ Харьковѣ безъ всякаго дѣла по университету; которое время употребилъ я на исправленіе и пополненіе курса аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи, сочиненнаго мною для лекцій моихъ въ педагогическомъ институтѣ, дабы по нему читать въ университетѣ^а. Осиповскому тогда было 37 лѣтъ отъ роду¹⁾.

Гавріиль Петровичъ Успенскій—изъ духовнаго званія. Обучался въ Сѣвской семинаріи, а въ 1786 г. поступилъ въ Петербургскую учительскую гимназію. Въ 1790 г., по окончаніи ея, былъ опредѣленъ учителемъ историческихъ наукъ въ главное народное училище въ Воронежѣ, а потомъ преподавалъ здѣсь же, въ высшихъ классахъ латинскій языкъ. Зная хорошо новые языки, занимался переводами съ французскаго и нѣмецкаго, которые были изданы въ свѣтъ и составили ему литературное имя.

Вотъ какія данныя сообщаетъ о немъ его сынъ. „Отецъ мой Гавріиль Петровичъ Успенскій имѣлъ родителей до того бѣдныхъ, что они, отпуская сына въ Петербургъ для поступленія въ учительскій институтъ, въ силахъ были снабдить его только мѣдной полтиной и новыми котами. Кромѣ этого отецъ мой о своемъ дѣтствѣ ничего замѣчательнаго не рассказывалъ. Но можно было догадываться по его вздохамъ при воспоминаніяхъ, что дѣтство его было нерадостно, а юношество сопровождалось горькой нуждой. Жизнь въ Петербургѣ поглощалась ученіемъ и она такъ слилась съ его душой, что по самую смерть онъ тоскливо твердилъ: учитесь, дѣти! Охъ, учитесь! Ученіе—свѣтъ, а не-

¹⁾ Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1819 г. Дѣло № ²¹⁸⁷⁹/₄₉₁, присоединенное къ дѣлу № ⁵⁴³⁰/₁₅₂.

ученье—тьма. Безъ ученія человѣкъ—получеловѣкъ, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были настоящими людьми. Безъ науки человѣкъ — неотесанное бревно, онъ въ тягость и во вредъ обществу, объѣдая его и размножая дураковъ. Мнѣ отецъ мой всѣмъ пожертвовалъ, чѣмъ могъ, чтобы я былъ человѣкомъ.... Я то же для васъ дѣлаю, лишь бы сдѣлать васъ настоящими людьми.... Поляѣй становится мои воспоминанія съ той поры, когда отецъ мой вышелъ уже педагогомъ и занялъ учительское мѣсто въ Воронежѣ, въ тогдашнемъ главномъ народномъ училищѣ. Но педагогическій путь его былъ узокъ, нужда шла по пятамъ и только училищныя обязанности и дружба съ умными и добрыми товарищами облегчали участь молодого труженника, а сочиненія и переводы развлекали его. Изъ друзей его, о которыхъ онъ не переставалъ вспоминать съ сердечнымъ движеніемъ, а часто и со слезой, слышались имена Григорія Андреевича Петрова, Степана Васильевича Ушкова, протоіерея Евгенія Болховитинова; кое когда вспоминались—монахъ изъ протопоповъ Анфиногенъ и въ веселый рѣдкій часъ протопопъ Иванъ Зацѣпникъ¹⁾. Послѣдній, по выраженію отца, при природномъ сильномъ умѣ и свѣдѣніяхъ, сбился съ фарватера и попалъ въ шхеры; онъ о немъ искренно сожалѣлъ, иногда приговаривая: „не дай, Богъ, чтобы у человѣка умъ за разумъ зашелъ; это хуже всякаго несчастія“. Вспоминались и другіе избранники, но какіе—за давностью не упомяну.... Въ описываемый періодъ отецъ мой, какъ и въ остальную часть своей жизни, матеріальной поддержки ни отъ кого не имѣлъ и жилъ трудомъ, работая день и ночь съ книгой и перомъ. Но молодость требовала лучшаго и голова труженника болѣла отъ тоски и горя. Борьба думъ долго тянулась и наконецъ бѣдникъ, не видя исхода, рѣшился выручить себя женитьбой. Явились совѣтники и свахи и сосватали ему молодую купеческую вдову. Вѣру Григорьевну Викулину. Мужъ ея Тимофей Ѳеодоровичъ былъ роднымъ братомъ знаменитому откупщику, секундъ-майору и потомъ бригадиру Алексѣю Ѳеодоровичу Викулину, оставившему дѣтямъ своимъ почетное имя и громадное богатство. Съ этимъ братомъ онъ былъ въ долѣ по откупной операціи. Сваты и свахи наговорили бездну чудесъ о богатствѣ невѣсты, о стотысячномъ наличномъ капиталѣ, о великомъ счастьи войти въ родство съ богатыми людьми и умильно тараторили о прелестныхъ дѣточкахъ, оставленныхъ ей мужемъ. Желѣзная нужда и молодые чувства помогли свахамъ, и дѣло увѣчилось

¹⁾ Впослѣдствіи времени, говорить сынъ Успенскій въ примѣчаніи, Г. А. Петровъ былъ директоромъ гимназій въ Кіевѣ; В. С. Юшконъ — штатнымъ смотрителемъ въ Бѣлгородѣ; Евгеній — митрополитомъ Кіевскимъ; Анфиногенъ — игуменомъ въ Донецкомъ монастырѣ; Зацѣпникъ — землевладѣльцемъ въ Земляномъ уѣздѣ.

законнымъ бракомъ. Женитьба дала ученому супругу едва грамотную жену съ неравнымъ характеромъ, четырехъ поридочно взрослыхъ пасынковъ, падчерицу и старушку тещу, изъ стотысячнаго капитала едва сотни двѣ серебряныхъ рублей петровскаго чекана и домикъ на училищной улицѣ, съ поставцомъ св. образовъ, изъ которыхъ два въ серебряныхъ окладахъ. Богатая родня вся отлетѣла, какъ великолѣпный миражъ. Въ живомъ, движущемся приданомъ жены бѣдникъ учитель благодатно воспріялъ семь желудковъ, прибавилъ по необходимости два, въ личностяхъ работника и кухарки, а десятый свой собственный.... Молодой супругъ скоро очнулся, но вчерашняго дня не возвратишь. А тутъ къ бѣдѣ—бѣда: начали ежегодно появляться новыя созданія, въ заключеніе коихъ явился и пишущій эти строки. Эти созданьяца подняли семейную цифру до 16 ¹⁾. Бѣдному учителю пришлось не въ мочь. А тутъ Тимофеичи выросли „въ мѣру возраста совершеннаго“ и, поднявшись на ноги, подняли головы и голосъ—пошли своевольства, грубости, беспорядки и въ мирномъ домикѣ завелся маленькій содомъ. Глава семейства терялся. Друзья и благоразумная теща успокаивали и поддерживали страдальца. Благое Провидѣніе наконецъ немного облегчило гнетъ его убылью трехъ изъ кровныхъ малютокъ и вслѣдъ затѣмъ вызовомъ въ учреждавшійся тогда Харьковскій университетъ къ занятію каведры историческихъ наукъ. То же Провидѣніе послало достойнаго жениха для 14 лѣтней падчерицы, уладило свадьбу и дало свободу къ отъѣзду. Отецъ мой, вырвавшійся изъ милыхъ объятій непокорнаго квартета пасынковъ, безъ оглядки поскакалъ въ Харьковъ, увезя съ собою собственное только семейство и добронравную, набожную тещу“ ²⁾.

Таковы были тяжкія матеріальныя и нравственныя условія жизни Г. П. Успенскаго въ Воронежѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не погибъ, выбился изъ нихъ и вышелъ на широкую дорогу университетскаго преподавателя. Спрашивается: что же спасло его въ этомъ случаѣ? Гдѣ находилъ онъ для себя нравственную поддержку? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ

¹⁾ А жалованья онъ получалъ, прибавимъ отъ себя, 500 р. асс.

²⁾ Воспоминанія сына Успенскаго написаны имъ, по просьбѣ редакціи Воронеж. Губ. Вѣдом. въ 1863 г., 43 года спустя послѣ смерти Гавріила Петровича и напечатаны въ Вор. Губ. Вѣд. 1863 г., №№ 27, 28, 30—32. Они отличаются интимнымъ характеромъ, отличаются нѣсколько страстнымъ тономъ и заключаютъ въ себѣ данныя преимущественно о его тяжелой семейной жизни. Но авторъ воспоминаній сознавалъ свою обязанность—говорить правду о своемъ отцѣ, и это видно между прочимъ изъ слѣдующихъ его словъ: „все сказанное о семейномъ бытѣ отца въ Воронежѣ я впоследствии слышалъ отъ него самого и почтеной моей бабки. Давно оба они въ безвѣстной вѣчности: переселеніе это дѣлаетъ несомнѣннымъ мой рассказъ, не позволяя никакому говору клеветать на мертвыхъ“.

цѣнной въ провинціальномъ русскомъ городѣ; а самое появленіе ея лишній разъ доказывало, что этотъ интересъ дѣйствительно существовалъ¹⁾. Сверхъ того Г. П. Успенскій напечаталъ въ Воронежѣ учебникъ латинскаго языка (въ 1804 г.), составилъ словарь изобрѣтеній и учрежденій и перевелъ съ французскаго книгу аббата Трессана „Mythologie comparée avec l'histoire“; работы эти заслужили одобреніе училищнаго комитета. Пр. Шмурло предполагаетъ, что переводъ книги Трессана, исполненный Г. П. Успенскимъ, не былъ изданъ, потому что въ Москвѣ, въ 1818 году, вышло это сочиненіе съ посвященіемъ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну и это посвященіе было подписано Иваномъ Снегиревымъ. Но это все таки могъ быть переводъ Успенскаго, редактированный и изданный Ив. Снегиревымъ. Не даромъ же на книгѣ нѣтъ фамиліи переводчика; а если бы Ив. Снегиревъ былъ ея переводчикомъ, то онъ, конечно, не преминулъ бы и назвать себя таковымъ. Сынъ Г. П. Успенскаго въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ свидѣтельствуетъ, что этотъ послѣдній былъ и въ послѣдствіи въ очень дѣйствительной перепискѣ съ митр. Евгеніемъ²⁾. Да и вообще въ Евгеніевскомъ кружкѣ Успенскій, очевидно, находилъ себѣ единственное утѣшеніе въ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдахъ: съ отъѣздомъ Евгенія Болховитина изъ Воронежа, положеніе Успенскаго сдѣлалось въ высшей степени тяжелымъ и его спасъ только счастливый случай: вызовъ въ Харьковъ на должность адъюнкта русской исторіи въ университетъ. Конечно, онъ имѣлъ нѣкоторое право на эту должность, въ качествѣ самаго лучшаго учителя въ округѣ (такъ аттестованъ онъ былъ, какъ мы видѣли, въ отчетѣ визитаторовъ). Но все-таки выборъ въ адъюнкты былъ для него неожиданностью и онъ въ послѣдствіи блистательно оправдалъ довѣріе университета учеными трудами. Чтобы понять, какая честь оказана была этимъ выборомъ Успенскому, слѣдуетъ еще вспомнить, что раньше совѣтъ Харьковского университета приглашалъ на эту кафедру знаменитаго исторіографа Н. М. Карамзина, а за отказомъ его, вызвалъ въ 1807 г. Успенскаго. Ученыхъ трудовъ по русской исторіи у него не было никакихъ. Слѣдовательно, нужно думать, что въ немъ оцѣнили глубокія познанія, педагогическую опытность, знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и литературный талантъ.

Павель Михайловичъ *Шумлянский*—профессоръ хирургіи изъ дворянъ. Окончивъ въ Кіевской духовной академіи словесный и философскій классъ въ 1770 году, поступилъ на службу въ Кіевскую духовную

¹⁾ Е. Шмурло. Митрополитъ Евгеній. СПб. 1888, стр. 178, 179—180, 183—185.

²⁾ Къ сожалѣнію, переписка эта не сохранилась.

консисторію по письменной части, но затѣмъ черезъ три года оставилъ ее и сталъ изучать въ Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ врачебную науку. Въ 1779 году былъ произведенъ въ лекаря и началъ служить въ полевыхъ пѣхотныхъ, конныхъ и артиллерійскихъ полкахъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ чужія края на иждивеніе Петербургскаго воспитательнаго дома. Въ 1789 г. произведенъ, по экзамену въ медицинской коллегіи докторомъ и сталъ служить при Петербургскомъ военномъ сухопутномъ госпиталѣ, причемъ обучалъ лицъ, опредѣляемыхъ въ клиническія палаты, а потомъ назначенъ профессоромъ патологии и терапіи въ Кронштадское училище. Въ 1795 году опредѣленъ профессоромъ хирургіи и медицинской матеріи въ Московскую медико-хирургическую академію; сверхъ того, по указу государственной медицинской коллегіи, здѣсь же сталъ исправлять обязанности оператора. Въ 1802 г. избранъ былъ почетнымъ членомъ государственной медицинской коллегіи, а въ 1804 г. членомъ физикомедицинскаго общества при Московскомъ университетѣ. На всѣ эти званія Шумлявскій представилъ документы и сверхъ того дипломъ отъ Страсбургскаго университета (1790 г.) на степень доктора медицины. Напечаталъ онъ до перехода въ Харьковскій университетъ два слѣдующихъ труда: 1) *De proxima tor. inflammationis causa. Argentorati* (т. е. въ Страсбургѣ)—докторская диссертация, которая была переведена въ Германіи на нѣмецкій языкъ и упоминалась въ указателѣ избранныхъ сочиненій для хирурговъ, напечатанномъ въ 1794 г. въ Лейпцигѣ; 2) Объясненіе дѣйствія воды, употребляемой съ равною пользою на замороженные и на горячія тѣла. Спб. 1792 г. Въ 1805 г. былъ переведенъ профессоромъ хирургіи въ Харьковскій университетъ 51 года отъ роду. Иванъ Дмитриевичъ *Книгинъ*—изъ духовнаго званія. Обучался въ Орловской и Сѣвской семинаріяхъ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ словесности, языкамъ и философіи, затѣмъ (въ 1793 г.) поступилъ въ Московскую медикохирургическую академію; за поданную на латинскомъ языкѣ обсервацию—О сквозной язвѣ желудка, найденной у одного солдата, получилъ благодарность отъ медицинской коллегіи; въ 1798 году ему дана была степень кандидата хирургіи и лекаря. Служилъ сначала при Московскомъ госпиталѣ и въ кирасирскомъ полку, а въ 1799 году опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи и фізіологіи при Петербургской медикохирургической академіи. Въ 1802 г. выдержалъ экзаменъ и защитилъ публично въ академіи диссертацию на степень доктора „*De caloris in oeconomia animali usu et praestantia*“. Въ 1803 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ въ чужіе края для обозрѣнія ветеринарныхъ училищъ и приобрѣтенія всѣхъ нужныхъ по ве-

теринарной части свѣдѣній и пробыль тамъ 4 года. По возвращеніи изъ заграницы былъ сдѣланъ главнымъ врачомъ Петербургскаго гвардейскаго сухопутнаго госпиталя; тогда же командированъ былъ въ Шлиссельбургскій уѣздъ для прекращенія сибирской язвы, обнаруженной на людяхъ и лошадяхъ. Въ 1807 г. опредѣленъ былъ профессоромъ ветеринарной науки въ Петербургское ветеринарное училище; тогда же командированъ былъ въ Лифляндію для изслѣдованія эпидеміи, обнаружившейся на тамошнемъ населеніи; принималъ участіе въ выработкѣ устава и штатовъ медикохирургической академіи. Въ 1808 году былъ снова командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Яренскій уѣздъ Вологодской губерніи для пресѣченія моровой язвы, открывшейся на людяхъ и скотѣ, и въ окрестности Петербурга для прекращенія обнаружившейся тамъ болѣзни рогатаго скота. Состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для изданія медицинскаго журнала. За удачное исполненіе указанныхъ порученій получилъ Высочайшія награды. Въ 1811 г. былъ переведенъ профессоромъ анатоміи, фізіологіи, судебной медицины и медицинской полиціи въ Харьковскій университетъ 47 лѣтъ отъ роду. Иванъ Петровичъ *Каменскій*—изъ малороссійской старшины, сынъ войсковаго товарища. Обучался медицинѣ въ Московскомъ госпиталѣ и вышелъ оттуда кандидатомъ хирургіи въ 1797 г. Былъ одинъ годъ полковымъ врачомъ, а затѣмъ поступилъ прозекторомъ въ Московскую медикохирургическую академію. Въ 1802 г. получилъ степень доктора медицины. По закрытіи академіи состоялъ врачомъ при государственномъ асигнаціонномъ и заемномъ банкѣ, откуда переведенъ профессоромъ анатоміи, фізіологіи и судебной медицины въ Казанскій университетъ. Состоя профессоромъ Казанскаго университета, Каменскій въ то же время читалъ бесплатно лекціи по медицинѣ студентамъ духовной академіи. Затѣмъ въ 1809 г., уѣхавъ изъ Казани, онъ занялъ въ Воронежѣ должность акушера при врачебной управѣ, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ 37 лѣтъ отъ роду. Его труды: 1) *De restring. cordibus etsi praesentibus inprimis viis evacuantium usu*, 1802 г.; 2) Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной мясной и другой пищи для дѣтей, 1805 г.; 3) перевелъ вмѣстѣ съ Книгинымъ съфранц. „Химическую философію“ Фуркра, 1799 г. Иванъ Евсеевичъ *Срезневскій*—изъ духовнаго званія. Обучался съ 1782 по 1797 г. въ Рязанской семинаріи, потомъ въ гимназіи для разночинцевъ при Московскомъ университетѣ, наконецъ въ университетѣ и состоявшемъ при немъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1798 году былъ опредѣленъ учителемъ всеобщей исторіи и географіи при университетской гимназіи.

Въ 1804 году получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и былъ назначенъ профессоромъ древней и новѣйшей словесности и россійскаго краснорѣчія въ Ярославское Демидовское училище высшихъ наукъ. Тамъ былъ онъ сверхъ того нѣкоторое время инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, секретаремъ совѣта и главнымъ смотрителемъ учрежденнаго при училищѣ благороднаго пансіона. Въ 1812 г. былъ избранъ въ ординарные профессора Харьковскаго университета на мѣсто умершаго недавно передъ тѣмъ И. С. Рижскаго, 42 лѣтъ отъ роду. Евгенийъ Алексѣевичъ *Васильевъ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Съ 1786 по 1793 г. обучался математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, горному маркшейдерскому и пробирному искусству въ горномъ корпусѣ, гражданской архитектурѣ—у архитектора Гверена и практической архитектурѣ—у Порто. Въ 1796 году онъ поступилъ губернскимъ регистраторомъ въ петербургскій магистратъ; въ 1800 году произведенъ въ коллежскіе регистраторы по комиссіи о снабженіи столицы припасами; въ 1801 г. опредѣленъ засѣдателемъ въ Богодуховскій уѣздный судъ (Слободско-украинской губерніи); въ 1802 г. причисленъ къ кабинету Его Величества; въ 1803 г. назначенъ адъюнктомъ архитектуры въ Харьковскій университетъ, 30 лѣтъ отъ роду. У него были аттестаты—отъ извѣстнаго архитектора Гверена, отъ экзаменатора и академика Воронихина. Яковъ Львовичъ *Каретниковъ*—сынъ сержанта. Учился въ горномъ корпусѣ, а оттуда поступилъ въ студенты медицинскаго факультета; въ 1793 году окончилъ университетъ со званіемъ лекаря и опредѣлился на службу въ лейбъ-гвардерскій полкъ. Въ 1794 г. былъ переведенъ, по указу государственной медицинской коллегіи, въ одинъ изъ госпиталей, учрежденныхъ въ Польшѣ и Литвѣ во время бывшей тамъ революціи. Въ 1797 году перешелъ въ Днѣпровскій мушкатерскій полкъ. Въ 1799 г. отправленъ былъ съ десантомъ на корабляхъ чрезъ Балтійское, Нѣмецкое и часть Сѣвернаго моря въ Англію, а оттуда въ Голландію, гдѣ, по высадкѣ войскъ на берегъ противъ французскихъ и баварскихъ отрядовъ, находился въ лагерѣ во время трехъ битвъ и при отступленіи изъ Эгмонда былъ оставленъ и захваченъ непріателемъ въ плѣнъ; а по выходѣ изъ него находился при корпусѣ на островѣ Жерсей и Гердсей, а оттуда прибылъ обратно въ Россію въ концѣ 1801 года. За эту голландскую экспедицію былъ произведенъ въ штабъ-лекари. Въ 1804 г. переведенъ изъ полка адъюнктомъ ботаники въ Харьковскій университетъ 32 лѣтъ отъ роду. Мануиль Ивановичъ *Крюгеръ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1797 г. поступилъ пансіонеромъ въ горный корпусъ и обучался въ немъ ориктогнозіи, геогнозіи, общей металлургической химіи, логикѣ, физикѣ, горному маркшейдерскому и пробирному искусствамъ, алгебрѣ и геометріи. Въ 1800 г. онъ былъ про-

теринарной части свѣдѣній и пробыль тамъ 4 года. По возвращеніи изъ заграницы былъ сдѣланъ главнымъ врачомъ Петербургскаго гвардейскаго сухопутнаго госпиталя; тогда же командированъ былъ въ Шлиссельбургскій уѣздъ для прекращенія сибирской язвы, обнаруженной на людяхъ и лошадяхъ. Въ 1807 г. опредѣленъ былъ профессоромъ ветеринарной науки въ Петербургское ветеринарное училище; тогда же командированъ былъ въ Лифляндію для изслѣдованія эпидеміи, обнаружившейся на тамошнемъ населеніи; принималъ участіе въ выработкѣ устава и штатовъ медикохирургической академіи. Въ 1808 году былъ снова командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Яренскій уѣздъ Вологодской губерніи для пресѣченія моровой язвы, открывшейся на людяхъ и скотѣ, и въ окрестности Петербурга для прекращенія обнаружившейся тамъ болѣзни рогатаго скота. Состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для изданія медицинскаго журнала. За удачное исполненіе указанныхъ порученій получилъ Высочайшія награды. Въ 1811 г. былъ переведенъ профессоромъ анатоміи, физиологій, судебной медицины и медицинской полиціи въ Харьковскій университетъ 47 лѣтъ отъ роду. Иванъ Петровичъ *Каменскій*—изъ малороссійской старшины, сынъ войскового товарища. Обучался медицинѣ въ Московскомъ госпиталѣ и вышелъ оттуда кандидатомъ хирургіи въ 1797 г. Былъ одинъ годъ полковымъ врачомъ, а затѣмъ поступилъ прозекторомъ въ Московскую медикохирургическую академію. Въ 1802 г. получилъ степень доктора медицины. По закрытіи академіи состоялъ врачомъ при государственномъ асигнаціонномъ и заемномъ банкѣ, откуда перевелся профессоромъ анатоміи, физиологій и судебной медицины въ Казанскій университетъ. Состоя профессоромъ Казанскаго университета, Каменскій въ то же время читалъ бесплатно лекціи по медицинѣ студентамъ духовной академіи. Затѣмъ въ 1809 г., уѣхавъ изъ Казани, онъ занялъ въ Воронежѣ должность акушера при врачебной управѣ, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ 37 лѣтъ отъ роду. Его труды: 1) *De restring. cordibus etsi praesentibus inprimis viis evacuantium usu*, 1802 г.; 2) Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной мясной и другой пищи для дѣтей, 1805 г.; 3) перевелъ вмѣстѣ съ Книгиннымъ съ Франц. „Химическую философію“ Фуркра, 1799 г. Иванъ Евсеевичъ *Срезневскій*—изъ духовнаго званія. Обучался съ 1782 по 1797 г. въ Рязанской семинаріи, потомъ въ гимназіи для разночинцевъ при Московскомъ университетѣ, наконецъ въ университетѣ и состоявшемъ при немъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1798 году былъ опредѣленъ учителемъ всеобщей исторіи и географіи при университетской гимназіи.

Въ 1804 году получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и былъ назначенъ профессоромъ древней и новѣйшей словесности и російскаго краснорѣчія въ Ярославское Демидовское училище высшихъ наукъ. Тамъ былъ онъ сверхъ того въ некоторое время инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, секретаремъ совѣта и главнымъ смотрителемъ учрежденнаго при училищѣ благороднаго пансіона. Въ 1812 г. былъ избранъ въ ординарные профессора Харьковскаго университета на мѣсто умершаго недавно передъ тѣмъ П. С. Рижскаго, 42 лѣтъ отъ роду. Евгенийъ Алексѣевичъ *Василевъ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Съ 1786 по 1793 г. обучался математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, горному маркшейдерскому и пробирному искусству въ горномъ корпусѣ, гражданской архитектурѣ—у архитектора Гверена и практической архитектурѣ—у Порто. Въ 1796 году онъ поступилъ губернскимъ регистраторомъ въ петербургскій магистратъ; въ 1800 году произведенъ въ коллежскіе регистраторы по комиссіи о снабженіи столицы припасами; въ 1801 г. опредѣленъ засѣдателемъ въ Богодуховскій уѣздный судъ (Слободско-украинской губерніи); въ 1802 г. причисленъ къ кабинету Его Величества; въ 1803 г. назначенъ адъюнктомъ архитектуры въ Харьковскій университетъ, 30 лѣтъ отъ роду. У него были аттестаты—отъ извѣстнаго архитектора Гверена, отъ экзаменатора и академика Воронихина. Яковъ Львовичъ *Каретниковъ*—сынъ сержанта. Учился въ горномъ корпусѣ, а оттуда поступилъ въ студенты медицинскаго факультета; въ 1793 году окончилъ университетъ со званіемъ лекаря и опредѣлился на службу въ лейбъ-гвенадерскій полкъ. Въ 1794 г. былъ переведенъ, по указу государственной медицинской коллегіи, въ одинъ изъ госпиталей, учрежденныхъ въ Польшѣ и Литвѣ во время бывшей тамъ революціи. Въ 1797 году перешелъ въ Днѣпровскій мушкатерскій полкъ. Въ 1799 г. отправленъ былъ съ десантомъ на корабляхъ чрезъ Балтійское, Нѣмецкое и часть Сѣвернаго моря въ Англію, а оттуда въ Голландію, гдѣ, по высадкѣ войскъ на берегъ противъ французскихъ и баварскихъ отрядовъ, находился въ лагерѣ во время трехъ битвъ и при отступленіи изъ Эгмонда былъ оставленъ и захваченъ непріателемъ въ плѣнъ; а по выходѣ изъ него находился при корпусѣ на островѣ Жерсей и Гердсей, а оттуда прибылъ обратно въ Россію въ концѣ 1801 года. За эту голландскую экспедицію былъ произведенъ въ штабъ-лекари. Въ 1804 г. переведенъ изъ полка адъюнктомъ ботаники въ Харьковскій университетъ 32 лѣтъ отъ роду. Мавуиль Ивановичъ *Крюгеръ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1797 г. поступилъ пансіонеромъ въ горный корпусъ и обучался въ немъ ориктогнозій, геогнозій, общей металлургической химіи, логикѣ, физикѣ, горному маркшейдерскому и пробирному искусствамъ, алгебрѣ и геометріи. Въ 1800 г. онъ былъ про-

изведенъ въ шихтмейстеры 13 класса и тогда же сталъ преподавать химію въ корпусѣ. Въ 1803 г., выдержавъ теоретическій и практический экзаменъ при академіи наукъ и представивъ разсужденіе на тему „какимъ образомъ вообще разлагаются земляныя ископаемыя тѣла“, — назначенъ адъюнктомъ химіи въ Харьковскій университетъ, по представленію попечителя Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева, при чемъ ему шелъ тогда всего 22-й годъ. Авраамъ Яковлевичъ *Калькау* — уроженецъ Москвы, сынъ тамошняго антекаря. Съ 1786 по 1795 годъ обучался въ Ревельской и Московской гимназіяхъ, а въ 1795 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Въ слѣдующемъ 1796 году отправился въ Іенскій университетъ, гдѣ продолжалъ начатое въ Москвѣ изученіе изящныхъ наукъ, философіи и медицины; потомъ посѣщаль лекціи славнѣйшихъ ученыхъ въ университетахъ Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ. Въ этомъ послѣднемъ въ 1801 г., послѣ строгаго экзамена, онъ получилъ степень доктора философіи. Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ, но выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе у попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго на заграничную командировку, въ которой пробылъ до 1807 г. Прежде всего онъ отправился для усовершенствованія себя въ медицинѣ въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи у тамошнихъ выдающихся профессоровъ — Рихтера, Врисберга, Блуменбаха, Гимли и Осіандра. Въ 1805 г. послѣ испытанія и публичной защиты диссертации „*De periodicis mutationibus corporis organici*“, получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Послѣ этого цѣлый годъ прожилъ въ Берлинѣ, гдѣ познакомился со многими выдающимися представителями медицинскихъ и естественноисторическихъ наукъ и приобрѣлъ не мало полезныхъ знаній; между прочимъ тутъ же онъ посѣщаль и главный госпиталь. Получилъ званіе члена Геттингенскаго общества повивальнаго искусства и Московскаго испытателей природы. Возвратился изъ путешествія и вступилъ въ должность въ 1807 г. 30 лѣтъ отъ роду. Михаилъ Прохоровичъ *Бомаревскій* — поселянинъ малороссъ Черниговской губерніи. Съ 1791 по 1801 годъ, въ теченіи 10 лѣтъ, учился въ Кіевской духовной академіи, окончилъ ее и прошелъ даже богословскій классъ. Потомъ поступилъ въ казеннокошныя студенты Московскаго университета и слушалъ въ немъ въ теченіи 3 лѣтъ лекціи сначала по физикоматематическимъ, а потомъ по медицинскимъ наукамъ и получилъ степень кандидата медицины, а черезъ годъ и магистра. Пробывъ въ этомъ званіи одинъ годъ при университетѣ, отправился въ 1806 году въ Вѣну, гдѣ три года изучалъ медицину въ университетѣ, хирургію въ академіи Іосифа и посѣщаль приватныя лекціи по глазнымъ болѣзнямъ знаменитыхъ окулистовъ Штита,

Прогаски и Бера. Въ 1809 г., прїѣхавъ въ Парижъ, упражнялся тамъ два года въ хирургіи, химіи и ботаникѣ, слѣдуя наставленіямъ знаменитыхъ профессоровъ—Сабатье, Боие, Дюбоа, Вакелень, Дежа, Тенардъ и Жиссие. Въ 1811 г. явился въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія и попросилъ у него мѣста преподавателя въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Въ виду этого ему былъ произведенъ при академіи наукъ экзаменъ и онъ былъ назначенъ адъюнктомъ медицинской матеріи, фармаціи и исторіи медицины въ Харьковскій университетъ (въ 1812 году 28 лѣтъ отъ роду). Степанъ Григорьевичъ *Колумна-Винура*—изъ дворянъ. Воспитывался въ Императорской медикохирургической академіи, которую окончилъ въ 1814 году со степенью лекаря; во время прохожденія курса въ ней былъ награжденъ книгами, хирургическими инструментами и серебряною медалью. Въ 1814 г. по предложенію министра народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ адъюнктомъ хирургіи въ Харьковскій университетъ.

Мы разсмотрѣли два способа пополненія профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ — вызовъ изъ за-границы иностранцевъ и приглашеніе русскихъ преподавателей. Теперь обратимся еще къ третьему способу, который и въ описываемое нами время имѣлъ практическое примѣненіе, а въ будущемъ долженъ былъ играть первенствующую роль—я имѣю въ виду подготовку профессоровъ самимъ университетомъ. Въ первое десятилѣтіе мы видимъ 4 преподавателей, занявшихъ кафедры такимъ образомъ—Громова, Архангельскаго, Комлишинскаго и Адамовича; всѣ четверо были питомцами Харьковскаго университета; первые трое были преподавателями на физико-математическомъ, а четвертый на словесномъ факультетѣ.

Яковъ Никитичъ *Громовъ* — изъ дворянъ. Съ 1799 по 1804 годъ обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ состоялъ казеннокоштнымъ студентомъ Харьковскаго университета со дня его открытія по 1808 годъ и выслушалъ курсы по слѣдующимъ предметамъ—нѣмецкой, французской и латинской словесности, итальянскому языку, философіи, общей исторіи, физикѣ, математикѣ, общей и технической химіи, астрономіи, эстетикѣ, географіи, педагогіи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, технологіи, коммерческимъ наукамъ и основаніямъ сельскаго хозяйства, при чемъ за отличные успѣхи на экзаменѣ удостоенъ былъ въ 1808 году степени кандидата. Затѣмъ состоя въ этомъ званіи (кандидатскомъ) при университетѣ, онъ продолжалъ заниматься спеціально естественными науками и вмѣстѣ съ тѣмъ перевелъ на русскій языкъ латинскую грамматику для употребленія въ училищахъ. Въ 1809 году онъ былъ назначенъ временно учителемъ французскаго языка въ Харь-

ковскую гимназію, а за тѣмъ, по опредѣленію совѣта, ему было поручено преподаваніе латинскаго языка на 1-мъ курсѣ въ университетѣ и логики для гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1811 году онъ, выдержавъ строгій экзаменъ и защитивъ диссертацию (тезисы), получилъ степень магистра естественной исторіи. Въ томъ же году онъ былъ командированъ совѣтомъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ естественныхъ наукахъ въ Московскій университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься зоологіей и минералогіей подъ руководствомъ славнаго Фишера по 30-е августа 1812 года, когда, благодаря нашествію Наполеона, долженъ былъ вернуться въ Харьковъ и тутъ, по порученію университета, сталъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ минералогическаго кабинета. Въ 1813 г., послѣ экзамена и защиты печатной диссертациі „*De methodo, qua mineralogus in cendendo systemate corporum anorganicorum uti debeat*“, получилъ степень доктора естественныхъ наукъ и тогда же избранъ былъ въ адъюнкты этого предмета 25 лѣтъ отъ роду. Николай Михеевичъ *Архангельскій* — изъ духовнаго званія. Обучался съ 1797 по 1804 годъ въ Курской семинаріи, а затѣмъ въ силу указа Правительствующаго Синода поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета и слушалъ въ немъ лекціи по философіи, физикѣ, математикѣ, ботаникѣ, химіи, антропологіи, эстетикѣ, россійской, латинской и французской словесности, исторіи, географіи и педагогіи. Въ 1808 г. окончилъ университетъ со степенью кандидата. Находясь въ званіи кандидата, преподавалъ, по опредѣленію совѣта, въ университетѣ алгебру и геометрію и исправлялъ должность субинспектора казеннокоштныхъ студентовъ. Читалъ въ Харьковской гимназіи философію и изящныя науки, затѣмъ въ Черниговской — математику и физику, потомъ переведенъ былъ опять въ Харьковъ и излагалъ студентамъ 1-го курса математику, а чиновникамъ гражданскаго вѣдомства физику. Выдержавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ диссертацию, онъ былъ отправленъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной имъ спеціальности въ Петербургскую Императорскую академію наукъ, при которой состоялъ съ января 1812 по декабрь 1813 г. и перевелъ въ это время съ французскаго на русскій языкъ слѣдующія ученыя сочиненія — 1) Статику Поассона, 2) Боссюти. О наивыгоднѣйшемъ способѣ построенія плотинъ. 3) Прони. Физико-математическія изслѣдованія теченія воды; съ латинскаго на русскій перевелъ нѣсколько математическихъ диссертаций Эйлера, напечатанныхъ въ умозрительномъ изслѣдованіи академическихъ наукъ. Въ 1813 г. онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ прикладной математики въ Харьковскій университетъ 26 лѣтъ отъ роду. Василій Сергѣевичъ

Комлишинскій — изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Обучался съ 1796 по 1804 годъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ. По представленію его былъ опредѣленъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета, гдѣ слушалъ курсы по слѣдующимъ предметамъ: россійской, нѣмецкой и латинской словесности, философіи, всеобщей исторіи, географіи, статистикѣ, общей и технической химіи, минералогіи, ботаникѣ, чистой математикѣ, въ особенности же физикѣ. Въ 1808 году получилъ кандидатскую степень. Находясь въ этомъ званіи, продолжалъ посѣщать лекціи физико-математическихъ наукъ до 1810 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ студентамъ начальныя основанія математики и перевелъ съ нѣмецкаго языка на русскій сочиненіе проф. Стойковича „Начальныя основанія умозрительной и опытной физики“, въ 2-хъ частяхъ; въ отсутствіе профессора физики занимался въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ повтореніемъ его предмета со студентами. Въ 1810 году былъ назначенъ учителемъ математики и физики въ Черниговскую гимназію и тамъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе проф. Гизе „О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру“. Въ 1811 г. былъ перемѣщенъ лекторомъ въ университетъ для преподаванія студентамъ и гражданскимъ чиновникамъ начальнаго курса физики. Въ 1812 г. получилъ степень магистра и сталъ читать студентамъ опытную физику. Перевелъ на русскій языкъ 5 частей „Всеобщей химіи“ проф. Гизе. Въ 1813 г. послѣ экзамена и защиты диссертациі „De polarisatione radiorum luminis...“, сдѣланъ былъ докторомъ физики и избранъ въ адъюнкты по этому предмету 25 лѣтъ отъ роду.

Демьянъ Герасимовичъ *Адамовичъ* — изъ дворянъ. Обучался въ Екатеринославской гимназіи, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по россійской, французской и нѣмецкой словесности, греческому, латинскому и англійскому языкамъ, логикѣ, математикѣ, физикѣ, политической экономіи, естественному праву, россійской исторіи, географіи и статистикѣ, всеобщей исторіи, теоретической и практической философіи, всеобщей географіи, педагогіи и рисованію съ превосходными успѣхами. Въ теченіе трехлѣтняго курса былъ въ числѣ отличнѣйшихъ студентовъ, о чемъ было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ 1811 году окончилъ университетъ со степенью кандидата и былъ назначенъ субинспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, причемъ рететировалъ ихъ и занимался съ ними педагогикой. Въ 1812 году былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта для преподаванія всеобщей исторіи.

Къ четыремъ названнымъ нами лицамъ въ сущности нужно было бы еще присоединить двухъ — Андрея Павловскаго и Дмитрія Борзен-

кова, которые также были подготовлены къ занятію кафедръ самимъ университетомъ и преподавали студентамъ въ качествѣ лекторовъ — первый математику, а второй — русскую словесность.

Итакъ, мы представили данныя о научномъ и образовательномъ цензѣ *всѣхъ* профессоровъ и адъюнктовъ Харьковскаго университета до перехода ихъ въ Харьковъ. Спрашивается теперь: какое общее заключеніе нужно сдѣлать о нихъ? Въ какой мѣрѣ они были подготовлены къ предстоявшей имъ въ Харьковѣ преподавательской и научной дѣятельности? Какая существовала въ этомъ отношеніи разница между профессорами иностранцами и профессорами русскаго происхожденія? На чьей сторонѣ было преимущество?

Отвѣчать на всѣ эти вопросы мы можемъ теперь не на основаніи голословныхъ или одностороннихъ отзывовъ, а документальныхъ данныхъ о каждомъ дѣятелѣ.

Изъ 29 профессоровъ иностранцевъ нѣмцевъ было 18. Наиболѣе выдающимися дѣятелями среди нихъ безспорно были — Шадъ, Якобъ, Роммель, Гутъ и Пильгеръ. Всѣ они съ честью занимали уже профессорскія кафедры въ германскихъ университетахъ, а Якобъ былъ даже ректоромъ Гальскаго университета. Всѣ они заявили себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ трудовъ. Якобъ издалъ въ теченіе 20 лѣтъ 35 сочиненій и особенно прославился своими учебниками, которые были приняты не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, а и за границей Германіи. Но Шадъ, который написалъ меньше Якоба (хотя все-таки очень много), и, повидимому, не добился еще настоящей профессуры въ Іенскомъ университетѣ, былъ едва ли не глубже его, какъ самостоятельный мыслитель. Мы знаемъ уже, что онъ принятъ былъ на русскую службу по рекомендательному письму великаго Гете (въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія мы нашли подлинникъ этого письма; оно адресовано было къ харьковскому попечителю изъ Веймара въ 1803 году и будетъ приведено нами въ біографіи С. О. Потоцкаго). Не даромъ и Роммель называетъ Шада „замѣчательнѣйшимъ изъ нѣмцевъ“. Самъ Роммель былъ если не особенно выдающимся, то во всякомъ случаѣ очень дѣльнымъ, хорошимъ нѣмецкимъ профессоромъ и ученымъ; послѣ своего отъѣзда изъ Россіи онъ снова охотно былъ принятъ въ нѣмецкую ученую среду, получилъ званіе исторіографа и издалъ капитальное 9-ти томное сочиненіе — исторію своей родины — Гессена. Гутъ былъ ординарнымъ профессоромъ во Франкфуртскомъ университетѣ, имѣлъ собственную обсерваторію и сдѣлалъ нѣсколько астрономическихъ открытій. Роммель называетъ его „превосходнымъ математикомъ и астрономомъ“. Пильгеръ преподавалъ ветеринарію въ Гессенскомъ университетѣ и напечаталъ рядъ

трудоѣ, въ томъ числѣ обширное систематическое руководство по этой наукѣ. Роммель называетъ его „гениальнымъ ветеринаромъ и медикомъ“.

За этими пятью профессорами 1-го ранга нужно поставить на второмъ мѣстѣ шесть другихъ. Швейкардтъ до перехода своего въ Харьковъ имѣлъ титулъ университетскаго профессора, пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими трудами, но мы не знаемъ, какими именно. Роммель питалъ къ нему, какъ своему другу, большую слабость и заявилъ, кажется, не безъ преувеличенія, что онъ былъ „украшеніемъ Харьковского университета и факультета“. Во всякомъ случаѣ онъ больше выдавался въ качествѣ воспитателя и практическаго юриста, чѣмъ ученаго. Мы бы поставили выше его, какъ ученаго, Гизе, который до перехода въ Харьковъ пріобрѣлъ уже извѣстность своими сочиненіями; и Роммель называетъ его „очень дѣльнымъ фармацевтомъ“. Дрейсигъ сдѣлался извѣстенъ въ Германіи своими научно-популярными сочиненіями, точнѣе говоря, учебниками; и Роммель подтверждаетъ, что они уважались въ Германіи; но это былъ только практическій врачъ: преподавательскаго опыта у него не было никакого. Тоже нужно сказать о Нельдехенѣ: онъ напечаталъ цѣлый рядъ популярныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) книжекъ по сельскому хозяйству, но занимался исключительно практической дѣятельностью и не былъ знакомъ съ дѣломъ университетскаго преподаванія. Въ противоположность имъ Умляуфъ былъ извѣстенъ только какъ педагогъ. Тауберъ выдѣлялся изъ ряда другихъ иностранцевъ своимъ знакомствомъ съ практическою стороною своего предмета—минералогическими коллекціями. Остальные семь уже не выдѣлялись ни трудами, ни педагогическою опытностью. О Шнаубертѣ можно было сказать, что онъ подавалъ надежды; въ такомъ смыслѣ рекомендовалъ этого молодого человѣка и Гете. Рейнишъ состоялъ преподавателемъ въ монастырской школѣ, но былъ принятъ, впрочемъ, приватъ-доцентомъ въ Іенскій университетъ. За ними идутъ Рейтъ, Лангъ, Шмерфельдъ, Ванотти, Гамперле. Первыхъ двухъ Роммель характеризуетъ такъ: „Лангъ, родомъ швабъ, думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ. Рейтъ, ученый, философски образованный и нѣсколько фантастическій историкъ, извѣстенъ былъ своею исторіей Франціи“. Всѣ эти лица, впрочемъ, пооканчивали университеты и почти всѣ имѣли докторскіе дипломы, хотя, конечно, не слѣдуетъ забывать, что эти послѣдніе было весьма не трудно получить. Затѣмъ многіе изъ нихъ по обычаю того времени посѣщали лекціи не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ университетахъ.

Изъ французовъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Дегурова, который и на родинѣ занималъ профессорскую должность и заявилъ себя

какъ учеными трудами такъ и педагогическою дѣятельностью. Нѣсколько ниже его стоялъ Белевъ-де-Баллю, также написавшій рядъ ученыхъ трудовъ. Делявинъ—„старикъ простой, безъ претензій, какъ характеризуетъ его Роммель, принадлежалъ къ очень зауряднымъ педагогамъ; Н. А. Лавровскій приписываетъ ему сочиненіе „Германская флора“; но мы не знаемъ, откуда взято это свѣдѣніе. Наконецъ, Паки-де-Совиньи во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ очень низко—и какъ преподаватель, и какъ ученый,—и даже какъ человѣкъ. Такимъ образомъ, изъ французовъ только одного Дюгура можно поставить въ уровень съ выдающимися профессорами нѣмецкаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ, но и то не съ такими, какъ Шадъ или Якобъ. Впрочемъ, и по словамъ Роммеля, выдавался онъ не столько профессорскими талантами, сколько хитростью, житейскою опытностью, дипломатическими способностями. Изъ славянскихъ выходцевъ единственнымъ выдающимся человѣкомъ нужно признать Стойковича. Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что это былъ человѣкъ большого ума и способностей. Съ полною наглядностью они проявились во время пребыванія его въ академіяхъ и университетѣ. Тамъ онъ получилъ широкое всестороннее, можно сказать, энциклопедическое образованіе. Но этотъ энциклопедизмъ развился повидимому на счетъ глубины: Стойковичъ не былъ глубокимъ ученымъ и самостоятельнымъ изслѣдователемъ. И Роммель говоритъ, что „онъ какъ профессоръ физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ не столько самостоятельный ученый, сколько искусный компилятор“. До поступленія въ Харьковскій университетъ, по своей специальности онъ заявилъ себя только изданіемъ учебника физики на сербскомъ языкѣ. Павловичъ, Филипповичъ, Малиновичъ, Дудровичъ—все это были въ сущности только учителя гимназій, введенные въ университетъ не столько заслугами, сколько благодаря вліянію своего земляка и покровителя Стойковича. Не является исключеніемъ, по нашему мнѣнію, и Терлаичъ, хотя онъ былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ и Стойковичъ ставитъ его чрезвычайно высоко въ своей надгробной рѣчи надъ нимъ ¹⁾. Нѣсколько выше другихъ нужно поставить только, кажется, Коритаря.

¹⁾ Григорій Терлаичъ родился въ Венгріи, въ мѣстечкѣ Моголъ, принадлежащемъ къ Бачскому графству. Учился онъ первоначально въ Сегединской, потомъ Будинской гимназій, наконецъ, въ университетѣ въ Пештѣ; тамъ онъ слушалъ лекціи философіи у Крейла, математики—у Дугонича, дипломатики—у Шварднера, философіи—у Шедіуса; окончивъ съ отличіемъ эти курсы, онъ отправился въ Вѣну и продолжалъ изучать философскія науки у Карие, Мумельтера, Амбшеля, Ватерота, барона Мендбурга и Эккеля, а также новыя европейскіе языки. Затѣмъ онъ былъ секретаремъ у русскаго посланника въ Вѣнѣ кн. Голицына, учителемъ всеобщей исторіи и географіи въ нажескомъ корпусѣ и профессоромъ въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Ученой степени онъ не

Такимъ образомъ, изъ 29 иностранныхъ профессоровъ, 6 обладало выдающейся ученой и педагогической подготовкой (въ томъ числѣ 5 нѣмцевъ и 1 французъ); ко 2-й категоріи мы причисляемъ 6 нѣмцевъ, 1 француза (Белень-де-Баллю) и 1 славянина (Стойковича); въ третьей 7 нѣмцевъ, 2 французовъ и 6 славянъ; въ послѣдней впрочемъ были люди и со средней, и съ плохой подготовкой для своего новаго поприща, и выше другихъ стояли все-таки нѣмцы.

Русскихъ профессоровъ было 17 человѣкъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Рижскому и Осиповскому, между тѣмъ оба они—что весьма характерно—не имѣли университетскихъ степеней: Рижскій окончилъ только семинарію; Осиповскій сверхъ того учительскую гимназію, (преобразованную потомъ въ педагогическій институтъ). Но оба они приобрѣли огромную опытность въ дѣлѣ преподаванія (одинъ былъ наставникомъ въ горномъ корпусѣ, другой — въ педагогическомъ институтѣ), заняли высокое положеніе въ своихъ областяхъ знанія и издали образцовыя учебныя пособія; Рижскій за свои труды былъ избранъ въ члены российской академіи, Осиповскому предлагали мѣсто адъюнкта математики въ академіи, но онъ отказался отъ него. Почти рядомъ съ этими двумя свѣтилами словеснаго и математическаго отдѣленій нужно поставить профессора этикополитическаго факультета Тимковскаго, который уступалъ имъ въ преподавательскомъ талантѣ, но превосходилъ, какъ мы видѣли, собственно школьной подготовкой; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не уступалъ такимъ питомцамъ западныхъ университетовъ, какъ Стойковичъ. И Роммель среди русскихъ профессоровъ отмѣчаетъ этихъ именно трехъ лицъ. „Между русскими, говоритъ онъ, не осталось ни одного замѣчательнаго дарованія послѣ Рижскаго и Тимковскаго“; Осиповскаго онъ называетъ хорошимъ математикомъ. Вторую группу могутъ составить Шумлянскій, Книгинъ, Каменскій, Срезневскій; всѣ они имѣли ученыя степени и педагогическую практику (были преподавателями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ); но научная извѣстность ихъ была не особенно велика. Изъ болѣе молодыхъ преподавателей выдавались обширностью и основательностью своей научной подготовки Калькау и Болгаревскій, не уступавшіе въ этомъ отношеніи лучшимъ адъюнктамъ изъ иностранцевъ (въ родѣ Таубера). О Каретниковѣ и Колумиѣ Вигурѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Особое мѣсто

имѣлъ и подвергался ли экзамену въ российской академіи для допущенія къ чтенію лекцій въ институтѣ, въ точности не извѣстно; ученыхъ трудовъ у него также не было никакихъ. (Memoria Gr. Terlaits. Scripsit Ath. Stoikovits. Charkowiae, 1812, p. 9; тутъ-же и русскій переводъ, исполненный студентомъ Лебединскимъ).

занимали Успенскій и Васильевъ. Оба они не окончили университета, но обладали всѣми тѣми данными, которыя сдѣлали изъ нихъ въ послѣдствіи незаурядныхъ преподавателей. Въ особенности это нужно сказать объ Успенскомъ, который занялъ выдающееся мѣсто среди русскихъ профессоровъ, наряду съ Рижскимъ, Осиповскимъ и Тимковскимъ. Переходъ изъ Воронежа въ Харьковъ подѣйствовалъ на него въ высшей степени благотворно: онъ далъ ему возможность развить и проявить его недюжинный научный талантъ. Васильевъ также на новомъ мѣстѣ служенія развилъ и укрѣпилъ свои знанія практическаго архитектора, первыя сѣмена которыхъ получилъ еще у Гверена и Порто. О четырехъ преподавателяхъ, подготовленныхъ самимъ университетомъ (Громовъ, Архангельскій, Комлишинскій и Адамовичъ), можно сказать, что они прошли правильную подготовительную школу къ профессурѣ — выдержали экзамены, представили диссертации, два изъ нихъ были даже въ ученыхъ командировкахъ.

Такимъ образомъ изъ 17 профессоровъ русскаго происхожденія въ первую категорію мы зачисляемъ троихъ (Рижскаго, Осиповскаго, Тимковскаго); во 2-ю — шесть (Шумляинскаго, Квигина, Каменскаго, Срезневскаго, Калькау, Болгаревскаго); въ 3-ю восемь (Успенскаго, Архангельскаго, Громова, Комлишинскаго, Васильева, Каретникова, Колумну-Вигуру и Адамовича). Считаемо нужнымъ еще разъ предупредить, что мы, при этой классификаціи, не имѣемъ въ виду послѣдующей научно-преподавательской дѣятельности этихъ лицъ, а только ихъ предварительную подготовку къ этой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія группа иностранныхъ профессоровъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи стояла выше своихъ русскихъ коллегъ. Но значительное численное преобладаніе иностранцы имѣли только въ началѣ; къ концу десятилѣтія стала замѣтно возрастать цифра русскихъ профессоровъ и въ 1814 г. сравнилась съ числомъ иностранцевъ. Что же касается качественного превосходства иностранцевъ, то оно, во 1-хъ, не было особенно значительно; во 2-хъ, не было и постоянно (наиболѣе талантливые изъ нихъ — Якобъ, Гутъ, Дегуровъ, Стойковичъ, Шадъ — оставили Харьковскій университетъ); въ 3-хъ, — что самое главное — русскіе профессора, хотя бы и хуже подготовленные, менѣе талантливые, имѣли преимущество передъ иностранцами въ дѣлѣ преподаванія и научныхъ изслѣдованій, благодаря своему русскому происхожденію. Незнаніе иностранцами русскаго языка и условій русской дѣятельности оказывалось огромнымъ тормазомъ въ ихъ педагогической и научной дѣятельности.

Обращаемся теперь къ преподавательской дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ въ Харьковскомъ университетѣ за первыя 10 лѣтъ его существованія и посмотримъ прежде всего, какія каѳедры полагались по уставу и какія изъ нихъ были заняты въ дѣйствительности. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ (нын. историкофилологическомъ факультетѣ) установлено было 6 каѳедръ съ 6 преподавателями: 1) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, 2) греческаго языка и словесности, 3) древностей и латинскаго языка, 4) всемірной исторіи, статистики и географіи, 5) исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ. Въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ (нын. юридическомъ факультетѣ) назначено было 7 каѳедръ: 1) догматическаго и правоучительнаго богословія, 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, 3) умозрительной и практической философіи, 4) правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, 5) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи, 6) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатики и политической экономіи. Въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ (нын. физикоматематическомъ факультетѣ)—9 каѳедръ: 1) теоретической и опытной физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономіи, 5) химіи и металлургіи, 6) естественной исторіи и ботаники, 7) сельскаго домоводства, 8) технологии и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) военныхъ наукъ. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ (нын. медицинскомъ факультетѣ) полагалось 6 каѳедръ: 1) анатоміи, фізіологіи и судебной врачебной науки, 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществъсловія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія. Для всѣхъ этихъ 28 каѳедръ назначалось 28 профессоровъ и сверхъ того въ помощь имъ 12 адъюнктовъ, 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ (музыки, рисованія, танцевъ и гимнастики). Но хотя число профессоровъ и адъюнктовъ и ограничено было цифрою 40, тѣмъ не менѣ совѣту было предоставлено право приглашать сверхъ этой нормы въ профессора достойнѣйшихъ ученыхъ, а въ въ адъюнкты молодыхъ людей русскаго происхожденія, доказавшихъ свои способности печатными, рукописными трудами или лекціями. Обязанности профессоровъ уставъ опредѣляетъ такъ: они должны преподавать курсы, присоединяя тамъ, гдѣ это нужно, къ теоріи и практику; пополнять ихъ новыми открытіями, сдѣланными въ Европѣ, присутствовать на засѣданіяхъ и экзаменахъ, руководить адъюнктами. Каждый профессоръ обязанъ былъ, съ согласія совѣта, избрать свое сочиненіе

или книгу другого автора и ею руководствоваться при чтеніи лекцій. Каждый курсъ долженъ былъ быть пройденъ въ назначенное время. Кромѣ указанныхъ выше главныхъ курсовъ, совѣтъ могъ назначать дополнительные и возлагать преподаваніе ихъ на экстраординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. Всѣ профессора, которые читали предметы, относившіеся къ педагогическому институту, обязаны были посвящать 1 часъ въ недѣлю наставленію кандидатовъ. Профессора, не имѣвшіе слушателей или вообще не могшіе по какимъ либо обстоятельствамъ читать своихъ курсовъ, обязаны были сообщить совѣту, какимъ полезнымъ трудомъ они намѣрены были заняться, или совѣтъ самъ могъ возложить на нихъ соотвѣтствующее дѣло, напримѣръ, путешествія для астрономическаго и физическаго описаній, визитаціи училищъ, находившихся въ вѣдѣніи университета и т. п. Адъюнкты, по опредѣленію устава, это—помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большей степени совершенства и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны имѣть участіе. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія профессора, они, по назначенію совѣта, читали его курсъ, а также и самостоятельныя лекціи слушателямъ педагогическаго института и студентамъ. Они могли присутствовать, съ правомъ совѣщательнаго голоса, по учебнымъ вопросамъ, въ совѣтѣ, и подавать свои мнѣнія въ факультетахъ, псправляя въ нихъ обязанности секретарей. Четырехъ наиболѣе выдающихся адъюнктовъ совѣтъ, по предложенію ректора, баллотировалъ въ экстраординарные профессора, которые получали прибавку къ жалованью изъ экономическихъ суммъ¹⁾.

Таковы были требованія устава. Нужно замѣтить, что существовала маленькая разница между Харьковскимъ и другими университетами въ числѣ и составѣ кафедръ на разныхъ факультетахъ. Такъ между прочимъ у насъ не было на словесномъ факультетѣ эстетики и археологіи, которыя были въ Москвѣ, но за то числились военныя науки, которыхъ не было въ Казани и Москвѣ. Сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ общее число кафедръ оказывается менѣ значительнымъ; тогда въ рукахъ одного преподавателя сосредоточивалось по нѣсколько такихъ наукъ, которыя въ настоящее время представляютъ изъ себя отдѣльные предметы. Но за то теперь упразднены и нѣкоторыя изъ тѣхъ кафедръ, которыя полагались по уставу 1804 г., напримѣръ, восточные языки, военныя и ветеринарныя науки.

Спрашивается теперь, насколько осуществлялись въ дѣйствительности въ Харьковскомъ университетѣ требованія устава, какова была

¹⁾ Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв., I, 268—272.

въ немъ полнота преподаванія, какія каѳедры были заняты и какія оставались не занятыми, какъ долго оставались онѣ вакантными.

Мы раньше приводили составленную Рославскимъ-Петровскимъ таблицу, въ которой указаны по годамъ цифры наличныхъ преподавателей въ первое десятилѣтіе. Оказывается (и это, конечно, вполнѣ естественно), что далеко не всѣ каѳедры были заняты, но что число вакантныхъ каѳедръ постоянно къ концу періода уменьшается: въ 1805 году, по расчету Рославскаго-Петровскаго, было 10 профессоровъ и 8 адъюнктовъ (всего 18 чел.), въ 1806 году—12 проф. и 8 адъюнкт. (20 чел.), въ 1807 году—15 проф. и 8 ад. (23 чел.), въ 1808 году—16 проф. и 9 ад. (25 чел.), въ 1809 г.—16 проф. и 10 ад. (26 чел.), въ 1810 г.—14 проф. и 10 ад. (24 чел.), въ 1811 году—18 проф. и 3 ад. (21 чел.), въ 1812 году—21 проф. и 4 ад. (25 чел.), въ 1813 году—21 проф. и 7 ад. (28 чел.), въ 1814 году—19 проф. и 9 ад. (28 чел.). Цифры паденія приходятся только, какъ мы видимъ, на 1810 и особенно 1811 г. и это явленіе мы объясняли уже выше—выходомъ изъ университета иностранныхъ профессоровъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣкоторой реакціи противъ нихъ, вызванной Наполеоновскими войнами. Сравнивая цифры наличныхъ преподавателей съ тѣми, которыхъ требовалъ уставъ, мы видимъ между ними значительное несоотвѣтствіе: въ то время, какъ по уставу требовалось 40 преподавателей (28 проф. и 12 адъюнкт.), въ дѣйствительности число ихъ колебалось между 18 и 28 чел., т. е. достигало только 45%—70% общаго числа. Но въ дѣйствительности положеніе вещей было гораздо лучше, чѣмъ рисуютъ его эти цифры. Въ сущности и уставъ требовалъ не 40, а 28 штатныхъ преподавателей—представителей каѳедръ; остальные 12 человекъ были адъюнкты, обязанные только помогать профессорамъ въ преподаваніи. На дѣлѣ же многіе адъюнкты занимали и самостоятельныя каѳедры, такимъ образомъ обезпечивали преподаваніе и замѣняли ординарныхъ профессоровъ. При такихъ условіяхъ цифра 28 (послѣднихъ двухъ лѣтъ) подходила уже къ нормѣ (28 профессоровъ безъ адъюнктовъ). Кромѣ того вакантныя каѳедры поручались временно наличнымъ преподавателямъ и это опять-таки обезпечивало достаточную полноту преподаванія. Наконецъ, въ нашихъ цифрахъ не приняты еще во вниманіе тѣ лекторы и магистры, которымъ также поручалось чтеніе нѣкоторыхъ курсовъ, хотя они и не были еще адъюнктами; таковы были, напримѣръ, Рейтъ, Успенскій, Адамовичъ, Павловскій, Комлишинскій.

Посмотримъ теперь, какими лицами заняты были каѳедры на разныхъ факультетахъ и какъ въ этомъ отношеніи были обставлены эти послѣдніе.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго отдѣленія. Каѳедра російской словесности и краснорѣчія была здѣсь занята до 1811 года достойнѣйшимъ и выдающимся представителемъ Н. С. Рижскимъ, а послѣ его смерти сначала однимъ лекторомъ Борзенковымъ, а съ 1812 года—имъ и ординарнымъ профессоромъ И. Е. Срезневскимъ; такимъ образомъ, фактически каѳедра эта не оставалась вакантною. Греческій языкъ и словесность читалъ съ 1805 по 1811 годъ проф. Белень-де-Баллю, а въ 1812 году—адъюнктъ Малиновичъ; въ промежуткѣ между ними предметъ этотъ вовсе не преподавался. Латинскій языкъ и древности читалъ первоначально до своей смерти (въ 1807 г.) ординар. проф. Умляуфъ, которому помогалъ адъюнктъ Паки-де-Совиньи; съ 1807 г. по 1811 г. каѳедра эта была поручена временно Белень-де-Баллю (во время же трехмѣсячной отлучки въ Петербургъ его замѣнялъ прекрасный латинистъ орд. проф. Шадъ), а съ 1811 г. по 1814 г. ее съ честью занималъ выдающійся филологъ орд. проф. Роммель, при которомъ состоялъ адъюнктомъ Совиньи, произведенный въ 1813 г. въ экстра-ординарные профессора, а въ 1814 году этотъ предметъ подѣлили между собой Шадъ и Совиньи. Всеобщую исторію, географію и статистику преподавали до 1807 г. два лектора—Рейнишъ и Рейтъ, а съ 1807 г. къ нимъ присоединился проф. Дегуровъ; въ 1812 г. его помощникомъ сдѣлался Адамовичъ на мѣсто Рейта, перешедшаго на другую каѳедру; Рейнишъ же умеръ въ 1811 г. Каѳедра російской исторіи, географіи и статистики оставалась вакантною до 1807 г., а съ этого времени ее занялъ Г. П. Успенскій, сначала въ качествѣ лектора, потомъ (съ 1808 года) адъюнкта, экстра-ординарнаго (съ 1812 г.) и ординарнаго профессора (съ 1813 г.). Восточные языки читалъ очень короткое время пасторъ Харьковскаго евангелическаго общества Барендтъ, а затѣмъ преподаваніе ихъ совершенно прекратилось.

На этикополитическомъ отдѣленіи философія читалась извѣстнымъ проф. Шагомъ; помощникомъ его состоялъ сперва адъюнктъ Лангъ (до 1811 г.), а съ 1813 года—Дудровичъ. Русское гражданское и уголовное право преподавалъ орд. проф. Тимковскій, а съ выходомъ его въ отставку Успенскій (съ 1812 г.); сверхъ того въ 1812—1814 гг. общее уголовное право читалъ адъюнктъ Павловичъ. Естественное, государственное и народное право излагалъ все время съ 1807 г. адъюнктъ Лангъ (прибывшій въ концѣ іюля 1811 года орд. проф. Терлаичъ скончался въ концѣ сентября, такъ что лекцій не начиналъ); въ 1814 г. этотъ предметъ былъ порученъ ордин. проф. Рейту. Каѳедра правъ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ была поручена сперва адъюнкту Филипповичу, который, впрочемъ, отправился еще до открытія лекцій загра-

ницу и въ Харьковѣ не возвращался. Такимъ образомъ, первымъ преподавателемъ этого предмета нужно считать адъюнкта Гамперле, который оставался въ своей должности очень недолго. Затѣмъ наступилъ перерывъ въ чтеніи лекцій по этому предмету до 1811 года, когда онъ былъ временно порученъ Павловичу; и только въ 1812 году впервые, можно сказать, кафедра эта получила достойнѣйшаго представителя въ лицѣ проф. Швейкардта, который сталъ читать систему и исторію римскаго права, а экстраорд. проф. Рейтъ—исторію права новыхъ народовъ (до 1814 г.). Политическую экономію и дипломатику читали: сначала адъюнктъ Гамперле, потомъ адъюнктъ Лангъ, къ которому въ 1807 году присоединился знаменитый профессоръ Якобъ, а съ отъѣздомъ этого послѣдняго (съ 1810 г.) одинъ Лангъ, произведенный въ это время въ ординарные профессора. Двѣ же кафедры—богословія и церковной исторіи—оставались все это время незамѣщенными и по нимъ не было даже временнаго преподаванія.

На физико-математическомъ отдѣленіи кафедру физики занималъ съ открытія университета до выхода въ отставку (въ 1813 г.) Стойковичъ; помощниками его были сначала Крюгеръ (съ 1807 г.), а потомъ (съ 1811 г.) Комлишинскій, который съ 1813 года сдѣлался самостоятельнымъ преподавателемъ этого предмета. Чистую математику читалъ Осиповскій; помощниками его были сперва Васильевъ, потомъ Павловскій. Прикладная математика была поручена проф. Гуту, который оставался въ Харьковѣ съ 1808 г. по 1811 г.; съ отъѣздомъ его, ее сталъ временно читать Осиповскій, а съ 1813 года къ нему присоединился адъюнктъ Архангельскій, преподававшій механику; оптика же осталась за Осиповскимъ. По астрономіи не было штатнаго преподавателя; временно же (и не долго) этотъ предметъ читалъ проф. Гуть и Осиповскій; По химіи было два преподавателя—проф. Шнаубертъ, читавшій общій курсъ, и адъюнктъ Гизе, излагавшій специальный курсъ въ примѣненіи къ промышленности. Съ 1811 года Гизе, произведенный въ ординарные профессора, сдѣлался единственнымъ представителемъ этой кафедры. Въ концѣ 1814 г. онъ, впрочемъ, перевелся въ Дерптъ, а его обязанности сталъ временно исправлять Комлишинскій. Представителемъ обширной кафедры естественной исторіи былъ проф. Делявинъ (ботаникъ и зоологъ), но у него были помощники—адъюнкты Крюгеръ и Каретниковъ, читавшіе первый минералогію, второй ботанику, а потомъ (съ 1813 г.) экстраординарный проф. Тауберъ (преподававшій минералогію) и адъюнктъ Громовъ. Кафедра сельскаго хозяйства до 1811 года оставалась вакантною, но преподаваніе по ней велось проф. Стойковичемъ и Дегуровымъ; съ этого же года она получила постоянного преподавателя въ лицѣ

проф. Нельдехена. Технологию и коммерцію читаль до 1811 г. адъюнкт Шмерфельдъ; послѣ же его смерти—технологию Нельдехенъ, а коммерцію—съ 1813 г. адъюнктъ Громовъ. Каѳедра военныхъ наукъ оставалась вакантною до тѣхъ поръ, пока университетъ не подготовилъ преподавателя для нея въ лицѣ Робуша; но онъ явился изъ командировки въ Харьковъ уже послѣ 1814 года; временнымъ же преподавателемъ этого предмета былъ назначенъ въ 1811 году учитель Харьковской гимназіи Ивановъ.

На медицинскомъ отдѣленіи преподавателемъ по анатоміи, физиологии и судебной медицинѣ былъ сначала адъюнктъ Ванотти (съ 1806 г.), а съ 1811 г. къ нему присоединился проф. Книгинъ. Представителемъ каѳедры общей и частной патологии и терапіи былъ Дрейсигъ, который, съ устройствомъ въ 1814 г. клиники, велъ въ ней и практическія занятія. Фармакологию, фармацію и исторію медицины читаль съ 1807 г. проф. Коритари; послѣ же его смерти въ 1810 г. фармакологию съ исторіей медицины — Ванотти, произведенный въ 1812 г. въ ординарные профессора, фармацію же—сначала Гизе, а съ 1812 г. адъюнктъ Болгаревскій; сверхъ того два года (1810—1811 и 1811—1812) адъюнктъ Калькау излагаль энциклопедію медицины. Единственнымъ преподавателемъ по предмету хирургіи былъ проф. Шумляевскій, который только въ 1814 г. получилъ себѣ помощника въ лицѣ адъюнкта Колумвы-Вигуры. По предмету акушерства не было штатнаго преподавателя до 1811 г. (только въ 1808⁹/₁₀ академическомъ году читаль временно этотъ отдѣлъ Калькау), а съ этого года былъ приглашенъ для преподаванія этой науки проф. Каменскій. Наконецъ профессоромъ скотолѣченія состоялъ съ 1807 года Цильгеръ ¹⁾.

Итакъ, огромное большинство каѳедръ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ общемъ было обезпечено преподавателями. Оставались вакантными и не имѣли даже временныхъ преподавателей только 2 каѳедры на этико-политическомъ отдѣленіи (богословія и церковной исторіи); другія три каѳедры (восточныхъ языковъ на словесномъ отдѣленіи, астрономіи и военныхъ наукъ на математическомъ) то же не имѣли штатныхъ профессоровъ, но все-таки по нимъ шло преподаваніе, хотя и очень непродолжительное время. По другимъ предметамъ бывали только временныя задержки въ чтеніи лекцій (по греческому языку, русской исторіи, естественному праву, праву древнихъ и новыхъ народовъ, прикладной математикѣ, анатоміи, патологии и терапіи, фармакологіи, акушерству, скотолѣченію). Наконецъ, по 13 остальнымъ каѳедрамъ чтеніе лекцій повидимому

¹⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности Импер. Харьк. университ. въ первое десятилѣтіе его существованія, стр. 11—24.

вовсе не прерывалось, потому что въ случаѣ отсутствія штатныхъ преподавателей ихъ курсы поручались временнымъ лекторамъ; въ такомъ положеніи находились слѣдующіе предметы: русская словесность, латинскій языкъ, всеобщая исторія, философія, русское гражданское и уголовное право, политическая экономія съ дипломатикой, физика, чистая математика, химія, естественная исторія, сельское хозяйство, технология, хирургія. Какъ мы видимъ отсюда, всѣ факультеты въ отношеніи полноты преподаванія находились приблизительно въ одинаковомъ положеніи: на трехъ изъ нихъ были вакантныя каѳедры; на 4-мъ медицинскомъ хотя и не было таковыхъ, но за то по всѣмъ предметамъ, исключая хирургіи, были временные перерывы въ чтеніи лекцій. Таковы статистическія данныя о числѣ каѳедръ, по требованію устава 1804 года и въ дѣйствительности.

Но эти данныя все-таки не рисуютъ еще намъ истиннаго положенія преподаванія. Каѳедры были обезпечены преподавателями, но преподаваніе на медицинскомъ факультетѣ не могло идти успѣшно, потому что часто не было слушателей; объявленные курсы вслѣдствіе этого подѣ часть не могли состояться. „Всѣ профессора медицинскаго факультета, говоритъ Н. А. Лавровскій, были долгое время весьма мало заняты лекціями, по недостатку студентовъ, и совѣтъ часто поручалъ имъ, въ замѣнъ лекцій, какія-либо особыя занятія. Такъ адъютанту Калькау въ 1808 году поручено было заняться обработкою энциклопедіи и методологіи медицины. Въ засѣданіи 20 января 1809 г., ректоръ довелъ совѣту, что на медицинскомъ факультетѣ всего три студента, изъ которыхъ одинъ боленъ, а другой въ отпуску, а потому лекцій прекратились.... Въ 1811 г. на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей и всѣ профессора его получили отъ совѣта порученіе заняться чѣмъ-либо постороннимъ“ ¹⁾. Неудивительно, что при такомъ хроническомъ отсутствіи слушателей, явилась мысль объ упраздненіи медицинскаго факультета при Харьковскомъ университетѣ. Съ такимъ именно предложеніемъ выступилъ попечитель округа графъ С. О. Потоцкій; къ счастью, его мнѣніе встрѣтило сильныя возраженія не только въ совѣтѣ, но и въ министерствѣ, со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго. Мало того: самъ Государь высказалъ желаніе, чтобы медицинскій факультетъ оставался при Харьковскомъ университетѣ. Благодаря этому, рѣшено было принять энергичныя мѣры для пополненія преподавательскаго персонала и учащихся и для устройства учебно-вспомогательныхъ учреждений. Правда не всѣ эти мѣры

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., № 2, стр. 238.

были осуществлены, но все-таки кое-что было сдѣлано, и университетъ удержалъ въ неприкосновенности свой первоначальный составъ; уничтоженіе же медицинскаго отдѣленія было бы началомъ расчлененія университета и привело бы въ концѣ концовъ къ полному упраздненію его или переводу въ другой городъ.

Когда вопросъ о сохраненіи медицинскаго факультета былъ въ принципѣ рѣшенъ, министръ предложилъ совѣту выработать рядъ практическихъ мѣръ для упроченія его существованія.

И вотъ на чемъ остановился совѣтъ.

„Совѣтъ вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства относительно Высочайшей воли Государя Императора, чтобы медицинскій при этомъ университетѣ факультетъ, буде возможно, оставался на прежнемъ основаніи, разсуждая какія бы избрать лучшія средства къ тому, опредѣлилъ: 1) чтобы имѣть всегда для этого отдѣленія студентовъ, положилъ въ числѣ 40 студентовъ казеннаго содержанія имѣть десять такихъ, которые пожелаютъ обучаться врачебнымъ наукамъ; 2) предписать всѣмъ директорамъ подвѣдомственныхъ университету гимназій, чтобы они рекомендовали ежегодно способнѣйшихъ учениковъ гимназистовъ, имѣющихъ желаніе обучаться этимъ наукамъ, съ тѣмъ что они приняты будутъ студентами на казенное содержаніе въ числѣ этихъ же десяти; 3) чтобы тѣхъ только студентовъ допускать обучаться медицинѣ, которые окончатъ уже курсъ общихъ наукъ; 4) чтобы всѣ такіе студенты давали обязательства, по окончаніи курса медицинскихъ наукъ, посвятить себя званію врачей; 5) чтобы тотчасъ по утвержденіи этого опредѣленія высшимъ начальствомъ, начать курсъ, а предварительно устроить то, безъ чего нельзя его начать съ успѣхомъ, какъ-то: анатомическій театръ, а позже и клиническіе институты по внутреннимъ и наружнымъ болѣзнямъ и повивальной наукѣ и все то, что предписано Высочайше утвержденнымъ уставомъ, о чемъ университетъ, по состоявшемуся въ медицинскомъ отдѣленіи опредѣленію (прилагаемому при этомъ въ копіи) честь имѣлъ обстоятельно представить вашему сіятельству прошедшаго іюня 18 числа. Совѣтъ къ этому имѣетъ честь присоединить, что нѣкоторые изъ студентовъ, узнавъ отъ ректора о настоящемъ постановленіи, изъявили желаніе обучаться медицинскимъ наукамъ — именно 7 казеннокоштныхъ, 8 своекоштныхъ и 1 вольнослушающій, всего 16 человекъ“. (25 декабря 1810 года). Въ другой бумагѣ совѣтъ писалъ министру.

„Совѣтъ университета, сообразуясь съ предположеніями отдѣленія медицинскихъ наукъ, опредѣлилъ: 1) завести анатомическій театръ и для этого или выстроить новый, или купить готовый домъ и перенести его

на удобное мѣсто; 2) завести клиники, больницы по тремъ различнымъ родамъ болѣзней, и для этого такъ-же выстроить удобный домъ; 3) купить по списку, который будетъ представленъ отдѣленіемъ, лучшіе анатомическіе, хирургическіе и акушерскіе инструменты, такъ-же перевязки и биндажи; 4) завести анатомическій кабинетъ, который можно купить или приобрести изъ числа тѣхъ, которые въ безчисленномъ множествѣ собраны въ Санктпетербургѣ и Москвѣ; 5) пригласить профессора повивальнаго искусства, опытнаго въ этой наукѣ, и искуснаго въ операціяхъ; 6) гг. профессора Шумлянский, Дрейсигъ и преподаватель повивальнаго искусства будутъ дѣлать при постеляхъ больныхъ клиническія наставленія; 7) всѣ лекціи будутъ читаться на руссійскомъ и латинскомъ языкѣ (и потому необходимо, чтобъ университетъ выписалъ, буде возможно, на обоихъ этихъ языкахъ учебныя книги для всѣхъ наукъ); 8) избраніе адъюнкта Калькау профессоромъ по представленію факультета отложить на нѣкоторое время; а объ адъюнктѣ Ванноти, о которомъ уже представлено было, ожидать разрѣшенія отъ вашего сіятельства; г. деканъ этого отдѣленія, объясняя, что ему почти не возможно одному проходить всѣ части теоретической и практической хирургіи, просилъ дать въ помощь ему адъюнкта по его предмету; совѣтъ же, принявъ во вниманіе, что вслѣдствіе незначительности оклада, особенно при нынѣшней дороговизнѣ, нельзя будетъ найти искуснаго и опытнаго адъюнкта, положилъ прискаты лучше на это мѣсто экстраординарнаго профессора. (17 іюля 1810 г.). Попечитель, препровождая эти бумаги министру, счелъ нужнымъ присоединить къ нимъ свое заключеніе, которое шло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ совѣта.

„Совѣтъ Харьковскаго университета, писалъ онъ, въ слѣдствіе объявленной ему отъ меня Высочайшей воли Государя Императора, чтобы медицинскій факультетъ при этомъ университетѣ, буде возможно, оставался на прежнемъ основаніи, представилъ мнѣ теперь вмѣстѣ съ медицинскимъ отдѣленіемъ свое мнѣніе по этому предмету, которое препровождаю на благоусмотрѣніе вашего сіятельства и считаю долгомъ довести, что я, не смотря на всѣ эти объясненія, усматриваю большія препятствія къ образованію этого факультета по слѣдующимъ причинамъ: 1) по извѣстному въ Россіи недостатку молодыхъ людей, посвящающихъ себя медицинской части; недостатокъ этотъ явствуетъ изъ того, что не только Московскій университетъ, существующій уже долгое время и расположенный въ пространномъ и многолюдномъ городѣ, всегда нуждался въ таковыхъ студентахъ, но даже и самыя медико-хирургическія академіи, коихъ казеннокоштные воспитанники могутъ всегда удобнѣе и съ большими выгодами поступать на службу, нежели уни-

верситетскіе студенты, часто принуждены бываютъ выписывать студентовъ изъ семинарій. Таковой недостатокъ относится еще въ большей мѣрѣ къ Харьковскому университету, который въ сравненіи съ другими заведеніями имѣетъ гораздо меньше способовъ приобрѣтать молодыхъ людей для медицинскаго отдѣленія; 2) хотя совѣтъ университета и назначаетъ изъ числа сорока человѣкъ казенныхъ воспитанниковъ имѣть всегда для медицинскаго отдѣленія 10. желающихъ обучаться врачебнымъ наукамъ, но таковое число студентовъ слишкомъ незначительно, чтобы могло служить прочнымъ основаніемъ къ образованію факультета, даже и тогда, если бы оно простиралось до 20 человѣкъ, хотя въ такомъ случаѣ университетъ лишился бы единственнаго способа снабжать училища своего округа способными учителями; 3) устройство всѣхъ положенныхъ при медицинскомъ факультетѣ заведеній, безъ коихъ нельзя приступить ни къ чему, сопряжено въ настоящее время съ большими неудобствами и издержками.—Они такъ значительны, что если при университетскомъ зданіи устроить въ особенности эти заведенія, то на все это должно будетъ употребить не только всю университетскую сумму, съ причитающимися отъ нея по настоящее время процентами, но даже можетъ быть и хозяйственную, которая, какъ извѣстно, имѣетъ свое спеціальное предназначеніе.

Въ заключеніе я долженъ еще присовокупить, что какъ въ обоихъ медико-хирургическихъ академіяхъ считается больше 1200 казенныхъ студентовъ, въ Виленскомъ и Дерптскомъ университетахъ около 120, а всего со включеніемъ Московскаго университета до 1400 человѣкъ, то, по моему мнѣнію, такое количество можетъ быть совершенно достаточно къ приготовленію на службу способныхъ лѣкарей для всей имперіи, если только хотя шестая часть изъ обучающихся въ этихъ заведеніяхъ студентовъ будетъ ежегодно поступать на лѣкарскія мѣста. Напротивъ того въ Харьковскомъ университетѣ едва ли можно когда-нибудь ожидать больше 30 человѣкъ такихъ воспитанниковъ; а это число съ присовокупленіемъ къ вышепоказанному количеству студентовъ не составляетъ никакого ощутительнаго различія для имперіи, между тѣмъ потребовало бы сверхъ единовременныхъ издержекъ, нужныхъ на устройство факультета съ его заведеніями, ежегодно до 25,000 руб. на содержаніе профессоровъ, адъюнктовъ, анатомическаго театра, клиническаго института и проч.

Я счелъ обязанностью сообщить вашему сіятельству предварительно мысли мои объ этомъ предметѣ, чтобы впослѣдствіи не быть въ отвѣтѣ въ случаѣ, если устройство при Харьковскомъ университетѣ медицинскаго факультета, при большихъ издержкахъ, не будетъ имѣть желае-

мой пользы. Впрочемъ, исполняя всегда въ точности предписанія вашего сіятельства, я не перестану и въ данномъ случаѣ дѣйствовать сообразно распоряженіямъ, какія ваше сіятельство по предмету устройства этого факультета предпринять заблагоразсудите. Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Северинъ Потоцкій". (31 января 1811 г.).

Министръ высказался категорически противъ мнѣнія попечителя и прислалъ свое заключеніе въ совѣтъ. „Попечитель этого университета г. тайный совѣтникъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, писалъ онъ тутъ, сообщилъ мнѣ въ копіи представленіе университетскаго совѣта объ оставленіи медицинскаго факультета при университетѣ, присовокупивъ свои разсужденія о невыгодности сохраненія этого факультета. Препровождая при этомъ копію съ его отношенія, изъясняю свои мысли по этому предмету.

1-я мѣра, представляемая совѣтомъ къ сохраненію медицинскаго факультета, заслуживаетъ одобренія. Въ числѣ сорока казенныхъ студентовъ, безъ сомнѣнія, всегда найдется 10, если не болѣе, желающихъ посвятить себя наукамъ медицинскимъ; въ этомъ убѣждаетъ меня склонность къ этимъ наукамъ, давно уже замѣченная въ украинскомъ юношествѣ и тотъ убѣдительный доводъ, что наибольшая часть врачей вышла изъ Малороссіи. Конечно, таковое число студентовъ не велико въ отношеніи къ числу необходимыхъ для нихъ профессоровъ, издержекъ, потребныхъ на устройство разныхъ пособій; но не болѣе этой доли студентовъ причитается и для каждаго другого факультета. Быть можетъ, казенные студенты успѣхами своими во врачебныхъ наукахъ склонять и своекоштныхъ студентовъ посвятить себя этой части, тѣмъ болѣе, что при первомъ вызовѣ университетскаго совѣта явилось уже нѣсколько желающихъ быть причисленными къ медицинскому факультету.

2-е. Опасеніе г. попечителя, чтобы причисленіе значущаго числа казенныхъ студентовъ къ медицинскому факультету не лишило университета способа снабжать училища своего округа способными учителями, не должно удерживать отъ этой полезной мѣры, ибо если бы и половина казенныхъ студентовъ посвятила себя врачебнымъ наукамъ, то все еще останется 20 студентовъ, приготавливающихъ къ учительскому званію, каковаго числа для наполненія открывающихся учительскихъ вакансій едва ли недостаточно; въ случаѣ же недостатка Санктпетербургскій педагогическій институтъ дастъ въ томъ пособіе.

3-е. Съ сохраненіемъ медицинскаго факультета, конечно, неминуемо сопряжено устройство разныхъ заведеній, какъ-то: клиники, анатомическаго театра и проч. Обязанностію университета было съ самаго

начала учрежденія его приготѣвлять мало-по-малу все нужное для основанія такихъ заведеній. Но хотя это потеряно изъ виду, однако, устройство врачебныхъ вспомогательныхъ заведеній, сперва въ маломъ видѣ и для небольшого числа студентовъ, не можетъ требовать столь великихъ издержекъ, какъ полагаетъ г. попечитель, впоследствии же можно будетъ, по мѣрѣ возможности, заведенія эти распространять. Наконецъ, г. попечитель полагаетъ, что число обучающихся теперь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ медицинскихъ чиновниковъ весьма достаточно для приготвленія на службу способныхъ лѣкарей. Мнѣніе это основано на доставленныхъ ему невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, ибо не 1200, а только 600 воспитанниковъ приготвляется въ обоихъ отдѣленіяхъ медико-хирургической академіи, и опытъ показываетъ, что при настоящихъ способахъ никакъ невозможно снабжать всѣ вѣдомства нужнымъ числомъ лѣкарей. Харьковскій университетъ едва ли когда-нибудь, какъ замѣчаетъ г. попечитель, можетъ доставить болѣе 30-ти студентовъ по медицинской части, но и это число даетъ нѣкоторое пособіе въ недостаткѣ врачей. Другіе университеты въ началѣ своемъ находились въ такомъ же положеніи, но со временемъ число студентовъ увеличилось.

По этимъ соображеніямъ предлагаю университету приступить къ устройству надлежащимъ образомъ медицинскаго факультета; и отъ его попеченій ожидаю, что заведеніе это въ возможно скорѣйшемъ времени придетъ въ состояніе, соотвѣтствующее цѣли и способамъ на то дарованнымъ; на каковой конецъ имѣетъ онъ, начертавъ примѣрное исчисленіе суммы, потребной на заведеніе, до этого факультета касающіяся, представить его мнѣ, съ означеніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ съ этою цѣлью. вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю ему прискивать недостающихъ для этого факультета профессоровъ, и сколько можно болѣе изъ природныхъ росіянъ“.

Вопросъ о различныхъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы установить правильное функціонированіе медицинскаго отдѣленія, былъ предварительно разсмотрѣнъ подѣ предсѣдательствомъ проректора въ факультетѣ, а затѣмъ переданъ въ совѣтъ, который пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

„1) Чтобы выстроенный внѣ города на университетской землѣ для профессора ботаники каменный домъ, съ каменною же-при немъ кухнею, въ которомъ теперь живетъ университетскій садовникъ, домъ, призванный годнымъ для помѣщенія въ немъ анатомическаго и хирургическаго театровъ, обратить на это дѣло, а для садовника выстроить другой домъ по плану D.

2) Чтобъ по планамъ, представленнымъ адъюнктомъ Васильевымъ (ЕЕ и F), выстроить двѣ другія связи изъ дерева, изъ коихъ одну для медико-хирургическаго клиническаго института, другую — для повивальнаго.

3) Чтобы выстроить особенное деревянное строеніе, имѣющее быть въ срединѣ этихъ двухъ институтовъ и принадлежащее обоимъ, для помѣщенія въ немъ кухни, жилищъ служителей и другихъ принадлежностей, по плану G.

4) Купить въ Санктпетербургѣ нужныя медико-хирургическія инструменты, которыхъ каталогъ отправленъ къ вашему сіятельству.

5) Чтобъ для дополненія числа недостающихъ по университетскому уставу для медицинскаго отдѣленія профессоровъ избрать двухъ новыхъ, именно же: а) профессора для медицинской матеріи и словесности, и б) профессора повивальнаго искусства (что и воспослѣдовало).

6) Чтобъ назначить двухъ адъюнктовъ, одного для медицинской и другого для хирургической клиники изъ природныхъ россіянъ, получившихъ уже докторское достоинство (пріискать таковыхъ поручено профессорамъ этихъ наукъ).

7) А такъ какъ профессоръ Пильгеръ въ засѣданіи медицинскаго отдѣленія 28 апрѣля этого года объявилъ, что онъ обязанъ преподавать только ветеринарную патологію и терапію, а когда устроена будетъ практическая школа, то онъ за управленіе ею долженъ быть особенно награжденъ, то факультетъ и совѣтъ единогласно объявили, что притязаніе это никакого основанія не имѣетъ, потому что профессоръ Пильгеръ въ такой же мѣрѣ обязанъ по долгу своему преподавать практическое наставленіе, какъ и профессора клиники, хирургіи и повивальнаго искусства.

8) Упомянутые дома необходимо должны быть выстроены на университетской землѣ внѣ города, а такъ какъ профессора и адъюнкты для этого должны содержать экипажи, по причинѣ весьма худыхъ, а въ вѣкторыя времена года почти непроходимыхъ дорогъ, для пріѣзда въ университетъ, то совѣтъ, основываясь на представленіи факультета, положилъ спросить вашего сіятельства, можно ли по отстройкѣ этихъ институтовъ, тѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, которые ежедневно въ нихъ должны будутъ присутствовать, опредѣлить вознагражденіе за содержаніе экипажей, профессорамъ по 400, адъюнктамъ же по 200 рублей въ годъ.

Совѣтъ, представляя все это на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, испрашиваетъ:

а) Позволенія употребить сумму, по смѣтѣ значущуюся:

1)	Для дома садовника (Da)	4665 р. — к.
2)	„ клиническаго института (Ea)	8183 „ 50 „
3)	„ повивальнаго института (Fa)	5051 „ 50 „
4)	„ прочихъ службъ при нихъ (G)	14823 „ — „

Всего-жъ . . . 32723 р. — к.

б) Положилъ также просить ваше сіятельство благоволить приказать чрезъ свѣдущаго человѣка купить въ Санктпетербургѣ означенные въ каталогахъ (медико-хирургическіе) инструменты.

в) Такъ какъ факультетъ желаетъ имѣть хирургическіе инструменты тончайшей работы для демонстраціи ихъ, а ихъ можно купить только въ иностранныхъ земляхъ, особенно въ Вѣнѣ, то совѣтъ спрашиваетъ у вашего сіятельства, самимъ ли вамъ благоугодно будетъ относительно этихъ инструментовъ обратиться къ живущему въ Вѣнѣ русскому посланнику или изволите предоставить это дѣло, съ разрѣшеніемъ употребить нужныя на то издержки, попеченію университета". (7 мая 1811 года).

На это послѣдовала такая резолюція. „Вслѣдствіе представленія университетскаго совѣта, предлагаю на разсужденіе его слѣдующія обстоятельства: 1) Постройку клиникъ и анатомическаго театра внѣ города я нахожу неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что по этому случаю совѣтъ считаетъ нужнымъ назначить профессорамъ и адъюнктамъ экипажныя деньги, въ штатѣ университета не положенныя и составляющія излишнія издержки. Если университетъ не имѣетъ мѣста для постройки упомянутыхъ заведеній въ самомъ городѣ, то не найдетъ ли удобнаго случая продать принадлежащее ему за городомъ мѣсто и купить за вырученныя деньги другое въ городѣ или по крайней мѣрѣ въ самомъ маломъ разстояніи отъ него находящееся. 2) Такъ какъ производство торговъ на предполагаемыя постройки, заготовленіе матеріаловъ, а можетъ быть и присканіе другого мѣста потребуютъ довольно много времени, а затѣмъ останется въ нынѣшнемъ году небольшой срокъ для производства построекъ, то не лучше ли будетъ отложить ихъ до будущаго года. 3) О заготовленіи нужныхъ хирургическихкихъ инструментовъ на здѣшнемъ инструментальномъ заводѣ я обратился къ г. министру полиціи и полагаю, что они должны быть въ скоромъ времени готовы; что же касается до выписки изъ Вѣны хирургическихкихъ инструментовъ, то нахожу, что можно обойтись безъ этой выписки, требующей большихъ издержекъ, такъ какъ теперь дѣлаются здѣсь инструменты по образцамъ, принятымъ въ руководство въ Англіи и во Франціи, весьма тон-

гой работы, превосходящимъ даже изготовляемые въ Вѣнѣ; лучшіе же инструменты для глазныхъ операцій дѣлаются въ Москвѣ г. Кетшеромъ. Почему университетскій совѣтъ и можетъ сдѣлать свои распоряженія касательно заготовленія русскіихъ инструментовъ для преподаванія хирургическихъ лекцій“. (8 іюня 1811 года).

Совѣтъ далъ на это слѣдующія разъясненія. „Совѣтъ вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства, чтобы университетъ, продавъ принадлежащую ему землю, состоящую въ смежности съ городомъ Харьковомъ, купилъ въ самомъ городѣ мѣсто, на которомъ можно-бъ было построить нужныя для него зданія (дабы учащіе для преподаванія лекцій и обучающіеся для слушанія ихъ безъ затрудненія могли въ положенное время находиться въ университетѣ), честь имѣть донести, что не отдаленность разстоянія, предназначеннаго подъ университетскія строенія мѣста (на которомъ уже домъ для профессора ботаники и оранжерея находятся) отъ города, но большая и въ нѣкоторыя времена года почти непроходимая грязь по улицамъ была причиною, что профессора и адъюнкты просили прибавки жалованья для содержанія экипажа и лошадей. 2) Что въ самомъ городѣ всѣ мѣста заняты строеніями и нѣтъ никакого для устройства университета. 3) Что принадлежащая университету смежная съ городомъ земля не можетъ быть продана частью, потому что заведенныя на ней ботаническій и англійскій садъ съ каменными строеніями стоятъ университету много денегъ, частью потому, что разныя принадлежащія къ садамъ заведенія уже съ немалыми издержками устроены, наконецъ, и потому, что нѣкоторые изъ прежнихъ владѣльцевъ этой земли подарили ее университету, въ предположеніи, что на пей будутъ выстроены университетскія зданія. А чтобы ваше сіятельство могли вообразить положеніе этой университетской земли относительно города и усмотрѣть, что въ немъ, какъ вездѣ занятомъ строеніями, нѣтъ мѣста, на которомъ можно бы было выстроить всѣ нужныя для университета зданія и заведенія, совѣтъ препровождаетъ при этомъ къ вашему сіятельству планъ города Харькова, присовокупилъ тоже свое мнѣніе, что если вашему сіятельству угодно, чего всѣ члены университета весьма желаютъ, чтобы университетскія зданія находились въ городѣ, то нѣтъ иного средства, какъ только чтобы для помѣщенія его сверхъ занимаемыхъ нынѣ имъ казенныхъ домовъ, уступлены были за сумму, какова положена будетъ и которую университетъ заплатитъ, означенныя на вышесказанномъ планѣ подъ № 6 губернскаго присутственныя мѣста, строенія, занимаемыя градскою полиціею, магистратомъ, думою и врачебною управою (въ послѣднихъ могутъ помѣщены быть инспекторъ надъ студентами казеннаго содержанія, кан-

дидаты и магистры съ ихъ директоромъ), мѣсто, предназначенное для рыбныхъ рядовъ, и сверхъ того, за рѣкою Лопанью подъ № 3-мъ мѣсто и строенія, принадлежащія надворной совѣтницѣ Дуниной, за которое она проситъ 20000 руб. и на которомъ можно весьма удобно выстроить клинической институтъ и анатомическій театръ.

Побуждаетъ совѣтъ войти къ вашему сіятельству съ ходатайствомъ о продажѣ университету выше означенныхъ казенныхъ строеній и мѣста г-жи Дуниной то обстоятельство, что губернскаго начальство имѣетъ гораздо болѣе средствъ выстроить въ скоромъ времени присутственные мѣста, чѣмъ университетъ нужныхъ для него помѣщеній. А такъ какъ въ занимаемыхъ теперь университетомъ казенныхъ домахъ нѣтъ возможности расположить умножающіеся ежегодно библіотеку и разные кабинеты, то совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ просить въ случаѣ, если ваше сіятельство по разсмотрѣніи этого представленія не одобрите его или если не послѣдуетъ на это Высочайшей воли, — предложить университету приступить немедленно къ заготовленію матеріаловъ, нужныхъ для постройки на университетской землѣ будущихъ университетскихъ зданій, коихъ планъ былъ отправленъ къ вашему сіятельству 25 февраля". (5 августа 1811 г.).

Какъ извѣстно, ни мысль о продажѣ университетской земли по Сумскому шоссе, ни мысль о покупкѣ разныхъ казенныхъ зданій для расширенія помѣщеній университета не осуществились. И самыя клиники, о которыхъ главнымъ образомъ тутъ шла рѣчь, были открыты только въ 1814—1815 гг. Но въ 1813 г. шла уже переписка правленія съ министерствомъ по вопросу о болѣе удобномъ помѣщеніи для нихъ. Вотъ что писало правленіе министру 12 іюля 1814 г.

„Еще въ прошломъ 1813 году медицинское отдѣленіе университета обратилось въ правленіе о предоставленіи дома для медико-хирургическаго клиническаго института. Правленіе старалось сперва нанять таковой домъ. Но когда объявляемо было, что домъ нуженъ подъ больницу, никто для этой цѣли въ наемъ отдать не соглашался. Тогда правленіе начало стараться о приобрѣтеніи дома покупкою; но врачебное отдѣленіе ни одного изъ представлявшихся къ продажѣ не признало подходящимъ. Послѣ этого оставалось только помышлять о помѣщеніи этого института гдѣ-либо въ самомъ университетѣ; и такъ какъ для этого по нуждѣ употребить можно было только или флигель близъ жилища казеннокоштныхъ студентовъ, служащій теперь магазиномъ для продажныхъ книгъ и типографскихъ и другихъ вещей, или флигель находящійся на большомъ университетскомъ дворѣ, въ которомъ находятся лекціонныя залы, то по осмотру этихъ флигелей медицинскимъ

отдѣленіемъ по большинству голосовъ, главнымъ образомъ изъ осторожности, чтобы удалить больницу отъ жилища студентовъ, призналъ къ этому наиболѣе удобнымъ тотъ флигель, въ которомъ находятся лекціонныя залы. Съ отдачею этого флигеля для медико-хирургическаго института необходимо для классовъ очистить флигель, занимаемый магазиномъ, и сдѣлать какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ флигелѣ нѣкоторыя передѣлки, на которыя поручено было архитектору представить планы, а по одобреніи ихъ факультетомъ сдѣлана имъ на эти передѣлки смѣта. При этомъ г. непремѣнный засѣдатель объяснилъ, 1-е, что по его мнѣнію, объявленному въ факультетѣ, съ равнымъ удобствомъ и безъ вреда институты могутъ быть помѣщены въ вышеупомянутомъ домѣ на маломъ университетскомъ дворѣ, благодаря чему сбережены будутъ почти двѣ тысячи рублей, потребныя на передѣлку одного флигеля подъ классныя комнаты, а другого для помѣщенія институтовъ; 2-е что въ этомъ послѣднемъ нѣтъ мѣста для повивальнаго института, который въ первомъ, хотя не безъ неудобствъ, можетъ все-таки помѣститься. Правленіе, предлагая все это вашему сіятельству на благоусмотрѣніе, и представляя при этомъ упомянутые два плана и двѣ смѣты, имѣетъ честь просить о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла и о возвращеніи этихъ плановъ.

Министръ склонялся къ мнѣнію непремѣннаго засѣдателя и предлагалъ подвергнуть новому разсмотрѣнію этотъ вопросъ. Но правленіе, не смотря на это, осталось при прежнемъ своемъ заключеніи. Факультетъ далъ знать правленію, сообщало это послѣднее, что онъ, разсмотрѣвъ вновь означенные флигеля и принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, предпочелъ для этого строеніе, въ которомъ доселѣ помѣщались лекціонныя залы, найдя его болѣе удобнымъ, чѣмъ то, которое было рекомендовано непремѣннымъ засѣдателемъ, по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) что строеніе, рекомендованное непремѣннымъ засѣдателемъ, находится на томъ университетскомъ дворѣ, въ которомъ живутъ казеннокоштные студенты ихъ, инспекторъ и всѣ солдаты, т. е. университетскіе служители со своими женами и дѣтьми; 2) что оно находится подлѣ воротъ у самаго входа во дворъ и отстоитъ отъ покоевъ казеннокоштныхъ студентовъ только на десять шаговъ, а отъ квартиры инспектора отдѣляется одними воротами; 3) что дворъ того дома общій для всѣхъ тамошнихъ жильцовъ. Помѣщать различныхъ больныхъ въ такомъ сосѣдствѣ со студентами и другими жильцами было бы опасно. Напротивъ строеніе, признаваемое прочими членами отдѣленія болѣе къ тому способнымъ, имѣетъ слѣдующія преимущества: 1) что оно находится на обширномъ дворѣ главнаго университетскаго зданія и стоитъ

въ удаленіи отъ прочихъ построекъ, находящихся на этомъ же дворѣ; 2) что комнаты тамъ просторныя и выше, нежели въ упомянутомъ равнѣше; 3) что вслѣдствіе значительнаго пространства двора, на которомъ находится это строеніе, выздоравливающіе удобно могутъ прохаживаться по немъ, а на томъ дворѣ этого удобства не будетъ. Что же касается мнѣнія непремѣннаго засѣдателя, что якобы можетъ помѣститься въ строеніи, имъ рекомендуемомъ, вмѣстѣ съ практическимъ и хирургическимъ институтами и институтъ повивальнаго искусства, то члены отдѣленія съ этимъ несогласны, такъ какъ оба строенія почти одинаковой величины, а потому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ вмѣстѣ съ этими институтами института повивальнаго искусства помѣстить ни какъ не возможно; но если бы какъ-нибудь онъ и могъ быть помѣщенъ, то въ такой смежности со многими тамошними жильцами, особенно же съ учащимся юношествомъ ему оставаться не удобно; для института повивальнаго искусства должно въ свое время избрать особый домъ, отдѣленный отъ прочихъ институтовъ. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ факультета, правленіе имѣетъ честь довести вашему сіятельству, что оно приступило къ отдѣлкѣ для клиническихъ институтовъ того флигеля, въ которомъ прежде помѣщались лекціонныя залы, присовокупляя къ этому, что хотя бы отданъ былъ подъ институты и домъ, рекомендованный непремѣннымъ засѣдателемъ, то и онъ безъ предварительныхъ передѣлокъ для этого употребленъ быть не можетъ, а потому и въ издержкахъ развѣ малое что сберечь бы можно было". (12 сентября 1814 г.) ¹⁾.

Итакъ, въ послѣдній годъ изучаемаго нами десятилѣтія не было все-таки окончательно рѣшенъ вопросъ о клиникахъ, столь необходимыхъ для правильной постановки преподаванія на медицинскомъ факультетѣ. Въ 1814 г. было положено начало хирургической клиникѣ, терапевтическая же устроена была только въ 1815 г. До 1811 г. и теоретическое преподаваніе шло съ перерывами, неправильно и только съ этого года оно, какъ мы видѣли, сдѣлалось устойчивѣе, благодаря заботамъ министра и энергіи совѣта, факультета и правленія. Попечитель въ этомъ дѣлѣ не обнаружилъ свойственной ему дальновидности и прозорливости. Личный составъ преподавателей на медицинскомъ отдѣленіи увеличился до нормы, требуемой уставомъ.

Обращаемся теперь къ болѣе детальному обзорѣннѣ тѣхъ курсовъ, которые читали на разныхъ факультетахъ въ разное время названные нами выше, профессора и адъюнкты.

Начинаемъ свой обзоръ со словеснаго отдѣленія. Проф. Рижскій читалъ риторику, лѣитику, занимался разборомъ произведеній оте-

¹⁾ Архивъ Министерства Народн. Просвѣщ. Дѣло № 5765, картонъ 155.

чественной словесности съ эстетической точки зрѣнія и даже давалъ краткій очеркъ ея исторіи. Руководствовался проф. Рижскій въ преподаваніи этихъ предметовъ главнымъ образомъ собственными печатными пособиями (извѣстно, что ему принадлежали опыты риторики, піитики и введеніе въ кругъ словесности), а такъ же нѣкоторымъ иностранными сочиненіями. Въ росписаніи лекцій на 1807—1808 г. сказано: „Ив. Ст. Рижскій будетъ продолжать на 2-мъ курсѣ науку стихотворства (піитику) по выпискамъ изъ Баттіо (Batteux), Ешенбурга и Блера, а на 1-мъ, показавъ различные роды слога начнетъ науку стихотворства по вышесказаннымъ выпискамъ, объясняя, гдѣ нужно будетъ примѣрами, взятыми изъ лучшихъ россійскихъ стихотворства сочинителей“. Въ обзорѣ лекцій на 1809—1810 г. о немъ говорится: И. С. Рижскій будетъ преподавать по собственному сочиненію *науку краснорѣчія* (риторику) и кратко пройдетъ *исторію россійской словесности*“. М. И. Сухомлиновъ по этому поводу замѣчаетъ: „не ограничиваясь, подобно многимъ собратамъ своимъ по наукѣ, теоретическимъ изложеніемъ предмета, отрывочнымъ разборомъ писателей, онъ обращалъ вниманіе на связь и послѣдовательность литературныхъ явленій и читалъ первый въ русскихъ университетахъ курсъ исторіи русской литературы“¹⁾. Одинъ разъ онъ объявилъ сверхъ того еще курсъ логики. Преемники Рижскаго — Срезневскій и Борзенковъ — подѣлили его предметъ между собой такъ, что на долю 1-го досталась эстетика съ критикой, а на долю 2-го риторика и введеніе въ словесность. Число часовъ колебалось между 6 и 8. Проф. Белень де-Баллю читалъ греческую грамматику (по собственному методу), изъ авторовъ — Геродота, Гомера и Лукіана, а въ послѣднее время и греческую археологію; его преемникъ Малиновичъ излагалъ греческую грамматику и древности (по книгѣ Валерія), а послѣ краткаго очерка греческаго краснорѣчія объяснял Демосеена; на этотъ предметъ употреблялось отъ 4 до 6 часовъ. Проф. Умляуфъ преподавалъ римскія древности, эстетику, декламацію, читалъ Саллюстія и Горація, занимался разборомъ студенческихъ сочиненій. Адъюнктъ Паки де-Совини излагалъ элементарный курсъ латинской словесности и занимался чтеніемъ отрывковъ изъ писателей (Горація и др.). Временный замѣститель этой каѳедры проф. Белень де-Баллю объяснял авторовъ (Цезаря, Цицерона, Virgilія, Горація, Тита Ливія и Тацита) и упражнялъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ, а Ромель значительно расширилъ рамки преподаванія, введя въ него исторію римской литературы (по Герлаху) и политическія древности. Кромѣ того

¹⁾ Изсл. и ст., т. I, стр. 83.

онъ вель еще и практическія занятія. „Мало по малу, говоритъ онъ, устроилъ филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основнія высшей грамматики, критики, герминевтики и археологій“. Всеобщую исторію (которая была соединена съ географіей и статистикой) первоначально дѣлили между собою лекторы Рейнишъ и Рейтъ, изъ коихъ первый читалъ древнюю исторію съ хронологіей, а второй статистику, географію и исторію европейскихъ государствъ. Съ прїѣздомъ же Дегурова преподаваніе по этой кафедрѣ достигло особенной широты. Онъ сталъ читать исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ (общее философское обозрѣніе) спеціальные курсы исторической критики и исторіи успѣховъ человеческого ума въ искусствахъ и наукахъ, политическихъ, гражданскихъ и церковныхъ учрежденій, новѣйшей исторіи. Рейтъ ввелъ въ свое преподаваніе еще нумизматику, а Рейнишъ — историческую пропедевтику, археологію всеобщей исторіи, и критическій анализъ мифовъ древности. Со смертію Рейниша, древнюю исторію съ географіей сталъ читать сначала Рейтъ (по учебнику Бредова), а потомъ Адамовичъ; самъ же Дегуровъ читалъ среднюю и новую исторію, статистику и историческую критику. Успенскій читалъ обязательный курсъ русской исторіи, географіи и статистики, а сверхъ того не полагавшійся по уставу и нигдѣ не преподававшійся курсъ русскихъ древностей, который впоследствии онъ и напечаталъ. „Такимъ образомъ, говоритъ Рославскій-Петровскій одному изъ членовъ Харьковскаго университета принадлежитъ честь *перваго* систематическаго изложенія внутренняго быта нашихъ предковъ“. Временный преподаватель восточныхъ языковъ пасторъ лютеранскаго общества Иванъ Барентъ читалъ еврейскую грамматику (по руководствѣ Дидерика), филологію восточныхъ языковъ и переводилъ съ еврейскаго на русскій языкъ псалмы. Сверхъ того Рейнишъ читалъ необязательный курсъ педагогій.

На этикополитическомъ отдѣленіи наибольшую полноту отличалось преподаваніе философіи. Шадъ читалъ логику, эмпирическую психологію, умозрительную философію, исторію философіи и теоріи эстетики по собственнымъ запискамъ; его адъюнкты Лангъ, — нравственную философію (по своимъ запискамъ) и Дудровичъ (смѣнившій Ланга) — логику (по книгѣ Шада) и психологію (по сочиненію Снеллія). Кромѣ того Шадъ ежемѣсячно устраивалъ философскіе диспуты и на практическихъ упражненіяхъ читалъ со студентами Цицероново „De officiis“. Число лекцій колебалось между 4 и 12. По кафедрѣ русскаго законовѣдѣнія Тимковскій читалъ исторію и систему русскаго права (древняго и новаго) по собственнымъ запискамъ, сверхъ того онъ излагалъ и общее политическое право. Временно преподававшій этотъ пред-

метъ Успенскій также читалъ по собственнымъ запискамъ русское гражданское и уголовное право и велъ практическія занятія по судопроизводству; адъюнктъ же Павловичъ излагалъ общее уголовное право. Лангъ естественное, государственное и народное право преподавалъ, по своимъ запискамъ; его же преемникъ (съ 1814 г.) Рейтъ — по Гроцію, Якобу, Мейстеру и Клейну. По кафедрѣ правъ древнихъ и новыхъ народовъ было, какъ мы знаемъ, нѣсколько преподавателей. Швейкардтъ читалъ энциклопедію, методологію (раньше ее преподавалъ Рейнишъ), систему римскаго права, его исторію (раньше ее излагалъ Павловичъ по сочиненію Вахія) и герминевтику; исторію законодательства новѣйшихъ народовъ и международное право взялъ на себя Рейтъ. Еще въ 1811 г. „совѣтъ университета, принимая во вниманіе, что трудно и даже невозможно найти ученаго, который совмѣщалъ бы въ себѣ основательное знаніе всѣхъ положительныхъ законодательствъ, ходатайствовалъ о подраздѣленіи кафедры такимъ образомъ, чтобы одинъ профессоръ читалъ древнія права, преимущественно римское, а другой—новыя съ присовокупленіемъ теоріи законодательства“. Министръ утвердилъ этотъ проектъ и кафедра была раздѣлена между Швейкардомъ и Рейтомъ. Якобъ излагалъ въ теченіе двухъ лѣтъ полный курсъ политическихъ наукъ, а именно—введеніе, внутреннюю политику (о различныхъ видахъ государствъ, о началахъ законодательства, о началахъ государственнаго правленія), государственное и народное право, народное хозяйство (послѣднее по своему печатному сочиненію — *Grundsätze der National-Oeconomie*). Его преемникъ Лангъ кромѣ политической экономіи читалъ еще полицейское право и науку о государственныхъ доходахъ и политическую ариметику (первый предметъ по книгѣ Якоба, второй и третій—по собственнымъ запискамъ, четвертый—по собственному учебнику—*Grundlinien der politischen Arithmetik*).

На физико-математическомъ отдѣленіи Стойковичъ читалъ умозрительную и опытную физику, по своему руководству, физическую географію и астрономію, а на практическихъ занятіяхъ показывалъ опыты и объяснялъ слушателямъ избранныя мѣста изъ поэмы Лукреція „О природѣ“ и Виргиліевыхъ „Георгикъ“. Крюгеръ преподавалъ элементарный курсъ физики, а Комлишинскій—физику съ опытами, по сочиненію Мейера. Чистую математику излагалъ Осиповскій частію по своимъ запискамъ, частію по печатному своему руководству. На первомъ курсѣ онъ читалъ по 4 часа въ недѣлю геометрію и тригонометрію (плоскую и сферическую), а затѣмъ теорію функцій, интегральное и варіаціонное исчисленіе (также по 4 часа въ недѣлю); сверхъ того онъ излагалъ механику по сочиненію Франкеурія и нѣкоторые другіе отдѣлы.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ университетскаго преподаванія Осиповскій отличался такимъ же необычайнымъ трудолюбіемъ, какое онъ раньше проявлялъ въ Москвѣ и Петербургѣ; по справедливости его можно назвать столпомъ математическаго отдѣленія. Адъюнкты Васильевъ и Павловскій преподавали элементарный курсъ (по руководству Осиповскаго). Гутъ, по прикладной математикѣ, читалъ слѣдующіе курсы: опытную геометрію, механику, гидравлику и оптику; по ночамъ же, при ясномъ небѣ, объяснялъ опытную астрогнозію и астрономію. Осиповскій, послѣ отъѣзда Гута, читалъ оптику и механику по сочиненіямъ Лакеля и Франкера; послѣднимъ руководствомъ пользовался и Аргангельскій. Астрономію Осиповскій читалъ по сочиненію Біо. Но химія въ первое время была раздѣлена между Шнаубертомъ и Гизе такъ, что первый читалъ общую часть по учебнику Шерера, а второй техническую, по Гмелину и собственнымъ сочиненіямъ; сверхъ того онъ читалъ и спеціальныя курсы по своему отдѣлу (напр. о самопроизвольныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ животными и растениями на поверхности и внутри земли). Съ 1811 г. преподаваніе химіи сосредоточилъ въ своихъ рукахъ Гизе, обработавшій полный курсъ всеобщей химіи для печати. Представителемъ каѳедры естественной исторіи былъ Делявинъ, избравшій своими предметами общую часть ботаники и зоологію (первую онъ излагалъ по Линнею, вторую по Блюменбаху)¹⁾; кромѣ того онъ демонстрировалъ растения въ ботаническомъ саду и ходилъ разъ въ недѣлю по утрамъ лѣтомъ при благоприятной погодѣ, со студентами въ поле для ботаническихъ объясненій; адъюнктъ Каретниковъ преподавалъ терминологію и фізіологію растений и предпринималъ со студентами экскурсіи; минералогію читали сначала адъюнктъ Крюгеръ, потомъ Тауберъ; первый по руководству академика Северлина, второй—по Брошану; адъюнктъ Громовъ излагалъ общее обозрѣніе естественной исторіи по Блюменбаху. Число лекцій колебалось между 5 и 14 часами. Такимъ образомъ хотя по уставу каѳедра естественной исторіи поручалась одному профессору, но въ дѣйствительности, благодаря ея обширности, ихъ оказалось нѣсколько. Не довольствуясь обязательными курсами преподаватели этого предмета читали и спеціальныя; такъ, напр. Крюгеръ однажды объявилъ курсъ ориктогнози и геогнози; мы знаемъ также, что зоологію одинъ разъ читалъ на естественномъ отдѣленіи преподаватель медицинскаго факультета Ванотти. Сельское хозяйство на первыхъ порахъ преподавали Стойковичъ (по извѣстному въ Венгріи учебнику Планкія) и историкъ Дегуровъ, послѣдній фактъ не долженъ насъ особенно удивлять: Дегуровъ, при поступленіи въ Харьковскій универси-

¹⁾ Handb. der nat. Gesch., 7 aufl. Göt. 1803.

теть, колебался между двумя кафедами—исторіей и сельскимъ хозяйствомъ—претендовалъ на эту или другую, потому что занимался и агрономіей и даже читалъ печатные труды по этому отдѣлу; по крайней мѣрѣ онъ ссылался на нихъ въ прошеніи, поданномъ на имя гр. С. О. Потоцкаго ¹⁾. Но настоящимъ представителемъ этой кафедры былъ Нельдехенъ, читавшій по собственнымъ запискамъ. Технологию читалъ адъ-юнктъ Шмерфельдъ, по сочиненію Функа, а коммерцію онъ же по своимъ замѣткамъ; послѣ него временно преподавалъ технологию профессоръ Нельдехенъ по Бекману и Гермбшедту, а коммерцію Громовъ по сочиненію Бюша. Кромѣ этихъ курсовъ студенты слушали еще у адъ-юнкта Васильева не полагавшійся по уставу курсъ гражданской архитектуры (по 4 часа въ недѣлю), который онъ излагалъ по Блонделю, Дюранду и другимъ извѣстнымъ авторамъ.

На медицинскомъ факультетѣ Ванотти читалъ анатомію и физиологію по руководству Пленка (по 4 часа въ недѣлю), съ практическими занятіями зимою на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ, а также медицинскую полицію и судебную медицину. Новый профессоръ Книгинъ излагалъ анатомію по сочиненію Загорскаго, а физиологію—по русскому переводу Консбруха. Дрейсигъ пользовался для своего курса терапіи (общей и частной) сочиненіемъ Геккера, а патологию (общую и частную) излагалъ по собственнымъ запискамъ. Проф. Коритари читалъ исторію медицины и фармакологию („медицинское веществословіе“) по собственнымъ запискамъ, а фармацію—по сочиненію Тромсдорфа. Болгаревскій пользовался для своихъ лекцій по фармаціи сочиненіемъ Буальонъ-Легранжа; а Ванотти—Вилье. Шумляинскій проходилъ теоретическую и оперативную хирургию по сочиненіямъ Платнера и Калиссена; въ 1805 г. онъ объявилъ еще курсъ терапіи; сверхъ того у него были спеціальныя чтенія о повязкахъ и по исторіи хирургіи. Теоретическій курсъ акушерства первоначально преподавалъ Калькау; потомъ его замѣнилъ Каменскій, пользовавшійся для своихъ лекцій сочиненіями Мартенса и Амбодика. Цильгеръ читалъ разные отдѣлы ветеринаріи—общую и частную сравнительную зоопатологию, наставленіе о вскармленіи скота, черепословіе и др. Сверхъ этихъ обязательныхъ предметовъ читались иногда еще и необязательные—напримѣръ, діететика профессоромъ Калькау, антропология—Ванотти и Дрейсигомъ; энциклопедія медицины—Калькау (онъ даже обработалъ и напечаталъ свой курсъ на счетъ университета), методология—тѣмъ же Калькау.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что преподаваніе на всѣхъ отдѣленіяхъ отличалось значительною полнотою; профессора относились,

¹⁾ См. проф. А. С. Лебедева „А. А. Дегуровъ“ Вѣсти. Евр. 1876 мартъ, стр. 138.
Д. И. Багааѣ.

очевидно, съ интересомъ къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ; нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь предметами, опредѣленными уставомъ, читали спеціальныя курсы и даже такія науки, которыя не предусмотрены были уставомъ (напримѣръ, педагогія, археологія, нумизматика, архитектура, антропологія и др.). Каждый лекторъ имѣлъ не менѣе 4 часовъ въ недѣлю, а иные—вдвое и даже втрое болѣе. Нѣкоторые предметы читались не однимъ, а двумя и даже тремя преподавателями. Очень многіе профессора (и при томъ на всѣхъ факультетахъ) вели практическія занятія, соотвѣтствовавшія характеру предмета: ботаники демонстрировали растенія, юристы упражняли въ фактическомъ судопроизводствѣ, филологи—въ разборѣ студенческихъ сочиненій и т. п.

Но кромѣ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ велось еще преподаваніе новыхъ языковъ и *искусствъ*. По уставу полагалось 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ (музыки, рисованія, танцевъ и гимнастики). Но штатный лекторъ былъ только по французскому языку и словесности—Паки-де-Совиньи (хотя впрочемъ онъ числился и по кафедрѣ латинскаго языка). Въ 1807 г. онъ объявилъ курсъ французской словесности по собственнымъ запискамъ; занимаясь чтеніемъ Фенелова Телемака, онъ хотѣлъ показать правила реторики и разные роды слога, а если бы позволило время, то и правила стихотворства при разборѣ Вольтеровой Генріады и науки стихотворства Буало. Кромѣ того этотъ же предметъ читалъ и Беленъ-де-Баллю; онъ излагалъ правила краснорѣчія, объясняя ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей и декламируя самъ этихъ послѣднихъ и исторію древней и новой словесности (первой кратко, второй—пространнѣе). Съ его отъѣздомъ въ Петербургъ, сталъ читать этотъ предметъ Дегуровъ. Жалованья лекторамъ полагалось 600 р. въ годъ. „Но такъ какъ за эту плату трудно было найти лицо, обладавшее совершеннымъ знаніемъ отечественной словесности, а съ другой стороны въ числѣ университетскихъ преподавателей находилось много иностранцевъ, которые за прибавку къ своему окладу лекторскаго жалованья, охотно принимали на себя чтеніе предмета, не требовавшаго съ ихъ стороны особаго приготовленія, то въ теченіе обозрѣваемаго нами періода времени новѣйшіе иностранные языки были преподаваемы не лекторами, а профессорами и адъюнктами, между которыми можно назвать нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ почетную извѣстность въ исторіи новѣйшихъ европейскихъ литературъ. Нѣмецкую словесность читали: до 1807 г. проф. Умлауфъ; въ 1807—1808 г. Рейтъ; въ 1809—1810 г. Якобъ и въ 1810—1814 г. Шадъ. Преподаваніе англійскаго языка, по открытіи ученія въ университетѣ, начато было адъюнктомъ

Шмерфельдомъ, но къ сожалѣнію прекратилось съ 1811 г. за его смертью. Число лекцій по каждому изъ трехъ языковъ простиралось отъ 4 до 6 въ недѣлю¹⁾. Мы прибавимъ отъ себя, что сверхъ этихъ языковъ, полагавшихся по уставу, временно преподавался профессоромъ Беленъ-де-Баллю и итальянскій; лекторъ разбиралъ основы итальянскаго языка и затѣмъ читалъ Метастазіевы трагедіи и освобожденный Іерусалимъ Торквато-Тассо.

„Искусствамъ обучали слѣдующія лица: музыкѣ (теоріи и практикѣ)—магистръ Витковскій, рисованію (до 1810 г.)—магистръ Матесъ вмѣстѣ съ магистромъ Шенфлиномъ (2-й преподавалъ спеціально ландшафтную живопись), а потомъ одинъ Матесъ, танцамъ—магистръ Балашевъ (1805—1810) и Еропкиня (1810—1814 г.), фехтованью—Сивоктъ (до 1807 г.) и Ледюкъ (съ 1808 г.), который сверхъ фехтовальнаго искусства въ лѣтнее время упражнялъ желающихъ въ верховой ѣздѣ“²⁾.

Яковъ Николаевичъ *Матесъ*—нѣмецъ изъ Гамбурга. Въ Харьковскій университетъ былъ приглашенъ Новосильцевымъ въ 1803 году 22-хъ лѣтнимъ юношей. Граверъ Августъ Ѳеодоровичъ *Шенфлинъ*—нѣмецъ изъ Баденскаго княжества. Воспитаніе получилъ въ Штутгартскомъ университетѣ, потомъ въ главномъ училищѣ города Туни кантона Оберландъ въ Швейцаріи. Въ Харьковскій университетъ вступилъ по приглашенію Новосильцева въ 1803 году, а порученъ ему классъ ландшафтнаго рисованія въ 1805 г. (ему тогда было 28 лѣтъ отъ роду). Иванъ Матвѣевичъ *Витковскій*—полякъ былъ приглашенъ попечителемъ гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. (27 лѣтъ отъ роду). Абрамъ Михайловичъ *Балашовъ* также былъ опредѣленъ на службу гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. 34 л. отъ роду. Антельмъ Осиповичъ *Сивоктъ*—французъ Сенскаго департамента изъ дер. Тезинье. До революціи служилъ поручикомъ во французской королевской службѣ; удалился изъ Франціи въ 1791 году. Потомъ служилъ въ корпусѣ егерей подъ командою графовъ—Прованскаго и Д'Артоа; по расформированіи отряда, перешелъ въ егерскій же корпусъ, бывший подъ начальствомъ Конде. Въ 1793 г. поступилъ въ англійскую службу, продолжалъ ее на островѣ Джерсей и въ Лиссабонѣ; затѣмъ въ 1798 г. вернулся снова въ корпусъ принца Конде и вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ англійскую службу, гдѣ служилъ до расформированія отряда, а послѣ этого возвратился во Францію, пробывъ тамъ впрочемъ только 10 мѣсяцевъ, и перешелъ въ 1802 г. въ Россію, гдѣ въ 1804 г. былъ опредѣленъ учителемъ фехто-

¹⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія, стр. 24.

²⁾ Ibidem.

ванія въ Харьковскій университетъ. Иванъ Степановичъ *Ледюк*—французъ изъ Парижа. По окончаніи курса наукъ (какого, неизвѣстно), вступилъ въ 1798 г. въ военную службу (конную артиллерію), гдѣ оставался до 1807 г. въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Въ 1808 г. опредѣлился учителемъ фехтованія и верховой ѣзды въ Харьковскій университетъ. Иванъ Лаврентьевичъ *Еропкинъ* съ 1783 по 1792 годъ былъ танцоромъ придворнаго театра, за тѣмъ занимался преподаваніемъ танцевальнаго искусства въ частныхъ домахъ, а въ 1811 г. опредѣленъ учителемъ этого предмета въ Харьковскій университетъ ¹⁾.

Говоря о преподавательской дѣятельности профессоровъ, намъ необходимо еще коснуться трехъ особыхъ учреждений, гдѣ также велось преподаваніе — *приготовительнаго класса университета, педагогическаго института и института для гражданскихъ чиновниковъ*, службою обязанныхъ. О приготовительномъ классѣ и преподаваніи въ немъ до открытія университета мы говорили уже выше (стр. 159—160). Преподаваніемъ въ немъ занимались адъюнкты; учрежденъ онъ былъ въ виду полного почти отсутствія въ то время гимназій и крайне недостаточной подготовки тѣхъ молодыхъ людей, которые желали вступить въ студенты вновь учрежденнаго университета. Онъ продолжалъ функционировать и въ 1805—1806 г. Въ 1805 г. въ немъ читали—Лангъ на нѣмецкомъ языкѣ логику и эмпирическую психологію (по 4 часа въ недѣлю), Паки-де-Совиньи—французскій языкъ со словесностью и латинскій (на французскомъ языкѣ) по 4 и 6 часовъ, Барендтъ—латинскій языкъ (по нѣмецки), Васильевъ—чистую математику (по 6 часовъ на русскомъ языкѣ), Крюгеръ—начальныя основанія физики (по русскій по 4 часа), Шмерфельдъ—естественную исторію (на французскомъ языкѣ по 4 часа), Рейтъ—нѣмецкій языкъ и словесность (по 4 часа), Рейнишъ—всемирную исторію и географію (по 6 часовъ на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ любопытно отмѣтить, что всѣ лекціи его начинались въ 8 часу утра), протоіерей Василій Фотіевъ, учитель слободскоукраинскаго главнаго училища — русскій языкъ и словесность (2 раза въ недѣлю). Въ 1806—1807 г. читались тѣже предметы и тѣми же преподавателями, съ тою только разницею, что Паки-де-Совиньи не преподавалъ латинскаго языка, Васильевъ вмѣсто 6 часовъ взялъ только 4, Шмерфельдъ взялъ на себя нѣмецкій языкъ (по 4 часа), Рейнишъ вмѣсто 6 часовъ имѣлъ 4, Фотіевъ вмѣсто 2-хъ разъ въ недѣлю сталъ приходить 4 и, наконецъ, явился новый преподаватель въ лицѣ Саввы Василевскаго, принявшаго на себя преподаваніе латинскаго языка, а Ба-

¹⁾ Формулярные списки (Харьв. унив. архивъ).

рендтъ и Рейтъ прекратили свои чтенія. Учрежденіе педагогическаго или учительскаго института требовалось уставомъ. Въ него поступали подъ именемъ студентовъ—кандидатовъ молодые люди, окончившіе университетъ и желавшіе приступить къ учительскому званію; тамъ они жили на казенномъ содержаніи. Директоромъ его состоялъ одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, избранный совѣтомъ. Онъ каждые полъ года обязанъ былъ представлять совѣту планъ ученія въ этомъ заведеніи, наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого плана, слѣдить за поведеніемъ учащихся, руководить ихъ въ занятіяхъ, знакомить ихъ съ лучшими пособіями по изучаемымъ предметамъ, обучать искусству преподавать предметы яснымъ и систематическимъ образомъ. Кандидаты, пробывшіе въ институтѣ 3 года и доказавшіе на испытаніи свою способность въ дѣлѣ преподаванія, получали вторую университетскую степень или опредѣлялись старшими и младшими учителями Харьковскаго учебнаго округа (смотря по достоинствамъ). По выходѣ изъ института молодые люди должны были прослужить 6 лѣтъ въ учительской должности; тѣже, которые удостоивались степени магістра, оставались при университетѣ и преподавали въ институтѣ или съ разрѣшенія совѣта и студентамъ университета. Магистры и старшіе учителя гимназій, пробывшіе на службѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ, пользовались преимуществами предъ посторонними лицами при производствѣ въ адъюнкты, если, конечно, бывали вакантными мѣста и они выдерживали соответственное испытаніе. Двухъ наиболѣе способныхъ магістровъ совѣтъ черезъ каждые два года отправлялъ для усовершенствованія въ чужіе края, давая имъ пособіе изъ суммы, ассигнованной по штату на командировки. Совѣтъ давалъ такимъ магістрамъ письменную инструкцію, а отъ Министра Народнаго Просвѣщенія они получали рекомендаціи къ русскимъ посланникамъ и агентамъ двора разныхъ европейскихъ государствъ. Путешествіе ихъ должно было продолжаться два года, при чемъ черезъ каждые 3 мѣсяца они обязаны были доносить совѣту о своихъ успѣхахъ, исполнять его порученія и по возвращеніи дать отчетъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ, педагогическій институтъ, имѣя своею главною цѣлью давать учителей, въ тоже время могъ служить разсадникомъ молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Преподаватели гимназій не были отгорожены китайскою стѣной отъ университета—наоборотъ они считались главными кандидатами при занятіяхъ адъюнктскихъ должностей. Такъ и въ этомъ отношеніи существовала тогда тѣсная связь между средней и высшей школой—университетомъ ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв., I, стр. 289—290.

Уставъ требовалъ учрежденія педагогическаго института при университетѣ, но его не было у насъ до 1811 г., конечно, потому что въ университетѣ было мало студентовъ и еще меньше кандидатовъ. Только въ 1811 году ректоръ Стойковичъ указалъ на этотъ пробѣлъ и совѣтъ рѣшилъ учредить этотъ институтъ, поручивъ составить планъ и правила его только что пріѣхавшему тогда изъ заграницы профессору Роммелю; этотъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ избранъ былъ и его директоромъ съ жалованьемъ въ 500 р. въ годъ. Правила, составленныя Роммелемъ, были одобрены совѣтомъ и затѣмъ напечатаны ¹⁾. Вотъ что говоритъ самъ Роммель о своей роли въ этомъ институтѣ: „для приготовленія учителей гимназій учрежденъ былъ при университетѣ педагогическій институтъ, управленіе которымъ предоставлено было мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ. Не зная еще русскаго языка настолько, чтобы имѣть практическое вліяніе на будущихъ кандидатовъ въ учителя, я ограничился письменною обработкою дидактики и методики, которая впоследствии была переведена по русски и заслужила одобреніе министра Разумовскаго“. Какъ мы видимъ, Роммель оказывается и здѣсь настолько скромнымъ и добросовѣстнымъ, что не приписываетъ себѣ никакой выдающейся роли въ этомъ дѣлѣ; онъ самъ сознается, что не могъ оказывать большаго вліянія на своихъ слушателей и ограничился сообщеніемъ имъ важнѣйшихъ правилъ методики, чего впрочемъ и требовалъ главнымъ образомъ уставъ. Правдивость Роммеля подтверждается и въ давномъ случаѣ документальными данными. Въ отчетѣ за 1812 годъ мы читаемъ: „въ теченіе 1812 г. директоръ педагогическаго института профессоръ Роммель преподавалъ кандидатамъ и нѣкоторымъ студентамъ, болѣе прочихъ въ наукахъ успѣвшимъ, общую и частную педагогику, дидактику и методологію, относящуюся ко всѣмъ школьнымъ предметамъ, и кромѣ того руководилъ ихъ въ занятіяхъ своими совѣтами и наставленіями, требуя отъ нихъ отчетовъ въ ихъ домашнихъ упражненіяхъ“ ²⁾. Изъ подчеркнутой нами фразы видно, что слушателей—кандидатовъ въ институтъ оказалось слишкомъ незначительное число, и Роммель привлекъ туда и лучшихъ студентовъ. Вообще это учрежденіе повидимому не процвѣтало, потому что открытіе его не было вызвано живою насущною потребностью, а только требованіемъ буквы устава. Извѣстно, что ежегодно въ засѣданіяхъ совѣта прочитывался университетскій уставъ, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько онъ примѣняется въ дѣйствительности—и вотъ, очевидно, во время одного изъ такихъ чтеній обра-

¹⁾ „Планъ и правила педагогическаго института, составленные профессоромъ Роммелемъ“. Х. 1811 г.

²⁾ „Исторія дѣлъ“ (Харьк. унив. архивъ).

тили вниманіе на отсутствіе института и рѣшили его немедленно устроить, чтобы не заслужить замѣчаній отъ начальства, между тѣмъ какъ для процвѣтанія его не было основнаго условія—многочисленнаго контингента кандидатовъ, оканчивающихъ курсъ въ университетѣ и желающихъ поступать въ учителя. Спросъ на учителей былъ такъ великъ, что охотно брали кандидатовъ, не бывшихъ въ институтѣ, вызывали даже славянъ изъ заграницы; спрашивается, можно ли было, при такихъ условіяхъ, рассчитывать на достаточное количество слушателей въ педагогическомъ институтѣ?

Еще менѣе удачно пошло дѣло съ институтомъ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ. Его неудача лежала въ самой его цѣли: по указу 6 августа 1809 г. для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника нужно было имѣть или университетскій дипломъ, или выдержать соотвѣтственный экзаменъ при университетѣ. Для подготовки къ этому экзамену и для производства его и былъ учрежденъ институтъ. „Указъ 6 августа, говоритъ акад. М. И. Сухомлиновъ, обнародованный съ цѣлью положить преграду исканію чиновъ безъ заслугъ, вызвалъ нѣсколько печальныхъ явленій въ тогдашнемъ обществѣ. Мы видѣли—говорить современники (сдѣлана ссылка на Вигеля)—людей съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ на экзаменъ, какъ на торговую казнь; экзаменаторовъ надо было задобрять; люди, извѣстные дотолѣ чистотою правилъ, безребренники—профессора осквернились взятками; лѣтъ пять это продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостію. Не только лица, враждебно смотрѣвшія на всѣ дѣйствія Сперанскаго, виновника этого указа объ университетскихъ дипломахъ для гражданскихъ чиновниковъ, но и сами профессора находили, что экзаменъ, нанося ударъ чиновлюбію, былъ слабымъ средствомъ къ распространенію знаній и давалъ людямъ недобросовѣстнымъ возможность наживаться и поднять свое значеніе (тутъ авторъ ссылается на Роммеля). Для гражданскихъ чиновниковъ учреждены были курсы въ университетѣ; по приглашенію совѣта, преподаваніе русской словесности въ Харьковскомъ университетѣ принялъ на себя извѣстный писатель Нахимовъ, открывшій свой курсъ юмористическими стихами о пользѣ грамматики“ ¹⁾).

Для большей ясности мы впрочемъ должны прибавить отъ себя, что главный недостатокъ указа Сперанскаго состоялъ не въ томъ, что онъ требовалъ университетскаго диплома отъ чиновниковъ извѣстнаго

¹⁾ Изслѣдованія и статьи, I, стр. 144—145.

ранга, а въ томъ что это требованіе онъ примѣнилъ къ лицамъ, состоявшимъ уже на службѣ. Не трудно было предвидѣть, что старые чиновники не возмущатся за указку и постараются придумать какой-нибудь обходъ неудобнаго и, даже можно сказать, невыполнимаго для нихъ закона. Но само собою разумѣется, что побужденія у Сперанскаго при изданіи этого указа были самыя благородныя — онъ искренно желалъ такимъ образомъ поднять образовательный уровень тогдашней малообразованной бюрократической среды, относившейся недружелюбно къ университетамъ и ихъ преподавателямъ. Приходится только пожалѣть, что онъ избралъ непрактичное средство для достиженія своей цѣли. А что мѣра была непрактична, видно между прочимъ изъ исторіи примѣненія ея въ Харьковскомъ университетѣ. Совѣтъ университета, какъ мы знаемъ уже (стр. 271), отнесся очень серьезно къ новой своей обязанности: составлены были обстоятельныя правила для чтенія лекцій и экзаменовъ въ этомъ институтѣ¹⁾; нѣкоторымъ профессорамъ поручено было въ дополненіе къ нимъ составить и программы испытаній. И что же оказалось? При открытіи курсовъ въ 1810 г., на нихъ записалось 27 душъ; въ слѣдующемъ 1811 г. — было 19 слушателей, но на экзаменъ никто не явился. Въ 1812 году записался на эти курсы только одинъ слушатель — и потому чтеній не открывали, а ему разрѣшили слушать нѣкоторыя лекціи вмѣстѣ со студентами, а частію брать при-

¹⁾ Съ сущностью этихъ правилъ мы уже познакомили читателя ниже при обзорѣ дѣятельности совѣта (стр. 271) и потому теперь сообщимъ только нѣкоторыя подробности. Для письменныхъ дѣлъ въ комитетъ рѣшено было пригласить особаго секретаря, знающаго иностранныя языки. Онъ обязанъ былъ вести журналъ засѣданій и экзаменовъ. Самыя письменныя работы должны были храниться при дѣлахъ комитета. Лица, желавшія поступить въ институтъ, обязаны были представить аттестаты о своемъ ученіи. По окончаніи экзаменовъ комитетъ долженъ былъ сдѣлать общее заключеніе объ успѣхахъ испытываемыхъ и отослать его въ правленіе, которое выдавало уже аттестаты. Для облегченія справокъ на будущее время рѣшено было завести при комитетѣ особую книгу, въ которой записывались бы всѣ лица, подвергавшіяся экзамену. Распорядителемъ института назначался ректоръ, которому лекторы обязаны были доносить о тѣхъ, кто не посѣщалъ лекцій въ теченіе двухъ недѣль. Для экзамена по каждой изъ четырехъ группъ предметовъ опредѣлялось особое засѣданіе и туда приглашались и члены соотвѣтственнаго факультета. Факультеты должны были составить разъ на всегда программу вопросовъ, которая могла быть напечатана для всеобщаго свѣдѣнія; отдѣльныя же вопросы записывались на билетахъ, хранившихся въ особомъ ящикѣ за печатями членовъ комитета; оттуда ихъ вынимали на экзаменахъ. Изъ каждой науки нужно было отвѣтить по крайней мѣрѣ на 6 вопросовъ. Экзаменуемый бралъ эти вопросы и могъ попросить себѣ время для обдумыванія ихъ. Члены факультетовъ пользовались правомъ совѣщанія; рѣшающій же голосъ имѣли только члены комитета, но ихъ было четыре и въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, отвѣтъ считался отрицательнымъ. („Исторія дѣлъ“ въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ).

ватные уроки. Экзамену же подвергался только директоръ Таганрогской гимназіи Манне, на курсахъ не бывшій, но съ честью вышедшій изъ этого изытанія. Ясно, что затѣя эта потерпѣла полное фіаско.

Попытаемся теперь дать оцѣнку внутренняго содержанія и формы изложенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ курсовъ, которые читали Харьковскіе профессора своимъ студентамъ. Данными же для этой оцѣнки намъ послужать преимущественно отзывы самихъ слушателей—студентовъ первыхъ выпусковъ. Сохранились отзывы двухъ такихъ студентовъ — Тимофея Ивановича Селиванова и Розальонъ-Сошальскаго.

Т. И. Селивановъ составилъ, по просьбѣ проф. и ректора А. П. Рославскаго-Петровскаго, свои замѣтки о первыхъ профессорахъ Харьковскаго университета. Рославскій-Петровскій передалъ ихъ Н. А. Лавровскому, а этотъ послѣдній напечаталъ выдержки изъ нихъ въ своей статьѣ—„В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“. Въ виду того, что мы воспользуемся этими отзывами Т. И. Селиванова о преподавательской дѣятельности харьковскихъ профессоровъ, считаемъ необходимымъ сообщить въ примѣчаніи ¹⁾ нѣкоторые біографическія дан-

¹⁾ Вотъ какую характеристику Т. И. Селиванову даетъ его бывшій ученикъ, извѣстный профессоръ Борисякъ. „Немного людей можно найти у насъ, которые бы такъ усердно и честно исполняли свои общественныя, семейныя и служебныя обязанности, какъ покойный, и немного можно встрѣтить такихъ, которые бы, подобно ему, несмотря на несомнѣнныя заслуги, мало искали себѣ вознагражденія въ довольствѣ житейскомъ, въ почестяхъ и извѣстности, столь значительной и для самыхъ болѣе чѣмъ посредственныхъ дѣятелей.... Люди съ такимъ направленіемъ, какъ дознано, мало замѣчаются при жизни и смерть ихъ не заставляетъ особенно задуматься остающихся въ живыхъ. Во имя однако же правды, которой покойный былъ однимъ изъ неуклонныхъ поборниковъ, мы должны высказать, что вездѣ, куда только бросала судьба Т. И., вездѣ онъ былъ оцѣненъ, какъ лучшій человѣкъ и подчиненными и высшими, и равными, и это доставалось ему не искусственными ухищреніями, не поддѣльностью, а безпристрастно сознанными превосходными качествами ума и сердца. Въ Курскѣ, Черкасскѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ—вездѣ, во всѣхъ сословіяхъ, имя его произносилось съ уваженіемъ, справедливо заслуженнымъ. Его знали и какъ безукоризненнаго администратора, уважаемаго начальника, любителя и знатока русской народности, ея исторіи и природы; наконецъ, какъ безпристрастнаго разумнаго посредника при опредѣленіи правъ чужой собственности. Въ особенности цѣнимъ былъ Т. И. въ родномъ ему кругу ученыхъ Харьковскаго университета и педагогическаго здѣшняго сословія. Въ этомъ то кругу предпочиталъ онъ вращаться, возбуждая къ себѣ неподдѣльное расположеніе своимъ характеромъ, званіями и тою безпристрастною уважительностью, съ которою онъ постоянно относился ко всему прошедшему и настоящему. Т. И. былъ однимъ изъ студентовъ первыхъ выпусковъ только что основаннаго Харьковскаго университета. Сохранивши полную память и свѣтлое

ныя объ авторѣ чтобы на основаніи ихъ рѣшить вопросъ о степени достовѣрности его сообщеній. Эти данныя таковы, что внушаютъ полное довѣріе къ личности Т. И. Селиванова — онъ зналъ то, что рассказываетъ, и хотѣлъ быть правдивымъ. Конечно, онъ писалъ свои воспоминанія уже въ глубокой старости, когда прошло почти полъ вѣка со времени описываемыхъ событій, но это отнюдь не подрываетъ

воспоминаніе о прошедшемъ до самой кончины, послѣдовавшей на 85 году жизни (въ 1869 г.), онъ былъ, по справедливости можно сказать, живою, безпристрастною исторіею нашего университета, учебныхъ заведеній, къ нему принадлежавшихъ, и многихъ явленій административнаго и общественнаго строя на пространствѣ учебного округа, нѣкогда болѣе чѣмъ нынѣ обширнаго.

Таковъ былъ Т. И. какъ человѣкъ.

Къ этому нужно прибавить, что онъ былъ искренно преданъ научнымъ изысканіямъ и принесъ ими не малую пользу обществу. Вотъ что говорить по по этому поводу тотъ же специалистъ геологъ Борисякъ: „мы ни назовемъ Т. И. ни специалистомъ, ни ученымъ въ строгомъ смыслѣ слова—на это онъ никогда и не претендовалъ. Позволимъ себѣ только коснуться, на основаніи имѣющихся у насъ письменныхъ данныхъ и долговременнаго личнаго знакомства, нѣкоторыхъ фактовъ, которые, надѣмся, хотя отчасти обнаружатъ значеніе его любви къ знанію, его стремленій приложить знаніе къ пользѣ общественныхъ.

Попытки Т. И. къ геологическимъ изысканіямъ по рр. Міусу и Крынкѣ, гдѣ открываютъ нынѣ огромныя минеральныя богатства послѣ обзорнѣй учеными Екатерининскаго вѣка, едва ли не были изъ первыхъ. Горный журналъ, въ которомъ заключается сводъ наблюденій относительно геологическаго строенія Россіи, началъ издаваться только въ 1825 г., а Т. И. собиралъ свѣдѣнія объ упомянутой мѣстности уже въ 1813 году. Въ 1811 г., въ бытность Т. И. учителемъ Таганрогской коммерческой гимназіи, произведены были имъ опыты надъ землею, находящеюся близъ Таганрога, показавшіе значительное содержаніе въ оной глауберовой соли... На гибельность истребленія лѣсовъ Т. И., на основаніи точно собранныхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ, обращалъ вниманіе еще въ 1816 г. Не довольствуясь одними сѣтованіями, Т. И. изыскивалъ средства замѣнить древесное отопленіе другими суррогатами. Съ этою цѣлю, вооружившись заступомъ, онъ обозрѣлъ Курскій и Щигровскій уѣзды, открывъ до 25 мѣсторожденій торфа по большей части собственноручными шурфованіями... Долго мостили Курскъ и Фатежъ камнемъ „самородомъ“; изъ него построено даже шоссе на протяженіи 160 верстъ. Въ 1818 г. Т. И. обратилъ вниманіе мѣстнаго общества на эту загадочную со стороны геологической породу; его обращеніе къ публикѣ было принято въ то время ни болѣе, ни менѣе какъ слово, приличное торжественности гимназическаго акта. Теперь, когда извѣстные геогносты и химики Европы и Россіи доказали, что „самородъ“ составляютъ копролиты, лучший почвоудобритель—справедливо вспомнить, что за 52 назадъ говорилъ о „самородѣ“ учитель мѣстной, русской гимназіи. Едва ли онъ не первый сдѣлалъ открытіе и оналовъ по р. Синюхѣ, въ степяхъ Херсонскихъ, гораздо прежде открытія опаловыхъ гранитовъ Кіевскихъ. (Харьк. губ. вѣд. 1869, № 144 „Изъ воспоминаній о Т. И. Селивановѣ“ Н. Борисякъ).